В. Якубец

Наша Семеняговка

Издание второе, дополненное и переработанное

Издатель Лозовой В.М. Чернигов 2013 УДК 94(477.51) ББК 63.3 (4УКР-4ЧЕР) Я 49

Консультант – Курданов А.Л., председатель районной организации краеведов

Я 49 Якубец В.Д.

Наша Семеняговка. 2-е изд. Дополненное и переработанное – Чернигов: Издатель Лозовой В.М., 2012 – 248 с.: 4 с.ил.

ISBN 978-967-2765-40-3

В данной книге описаны факты из жизни хутора Семеняговка Пакульского сельсовета до революции 1917 года, периода коллективизации, Второй мировой войны и послевоенного периода по воспоминаниям его жителей.

У цій книжці описані факти з життя хутора Семенягівка Пакульської сільради до революції 1917 року, періоду колективізації, Другої світової війни і післявоєнного періоду по спогадах його жителів.

УДК 94(477.51) ББК 63.3 (4УКР-4ЧЕР)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В связи с выходом первого издания книжки по селу Семеняговка в 2012 году появились ряд замечаний читателей и новые сведения из жизни села, которые учтены в новом издании, а также написаны новые разделы.

В разделе "Жизнь молодежи" размещены дополнительно групповые фотографии, а в разделе "Рассказы семеняговцев о своей жизни" напечатаны рассказы пяти жителей Семеняговки.

Кроме того, напечатан раздел "Трудовые успехи семеняговцев после войны", где размещены фото документы участников боевых действий, семейные фотографии и фотографии молодежи разных лет.

Раздел фотографий молодёжи делится на две части: "Они служили в армии" и "Коллаж молодежи".

Размещены фотодокументы семеняговцев разных лет. Это издание дает более полное представление о жизни жителей села Семеняговка.

ВСТУПЛЕНИЕ

Хутор Семеняговка (с 1947 года село Семеняговка) относится к сельсовету с. Пакуль Черниговского района. В настоящее время уже имеются две книжки по истории с. Пакуль, где упоминается и Семеняговка. Это «Голос пам'яті» А.Курданова и «Пакуль поживемо тут» авторского коллектива.

Исторически сложилось так, что Семеняговка оказалась в окружении сел и хуторов: сел Пакуля, Ковпыты, хуторов Линеи, Салниковки, Шульговки, Конюшовки.

До революции был еще небольшой хуторок Вокзал, расположенный на горе между хутором Салниковкой и Линеей. Предположительно название возникло от места остановки парусников на речке, протекающей между Семеняговкой и Ковпытой, как рукав речки Пакульки. Это место в народе назвали Вокзал.

Здесь было около семи дворов. Перед революцией бандиты вырезали часть жителей, дома разграбили. Остальные жители ушли.

Семеняговка находилась как бы на берегу озера, которое входящими и выходящими рукавами было связано с речкою Пакулькой и Днепром.

Можно сказать, что Семеняговка вместе с озером, болотом, лесами и Липками представляет собой единое целое.

Здесь природными условиями жители Семеняговки были обеспечены всем: лесом, пахотной землей, водоемами, пастбищами. С расположенными вокруг селами и хуторами Семеняговка связана дорогами и тропинками, поэтому для общения не было никаких трудностей. Они были тесно связаны общими проблемами, общим укладом жизни. Ходили в гости друг к другу, молились Богу в Пакульской церкви, справляли свадьбы.

При составлении записок я стремился сохранить говор семеняговских людей, который возник из трех языков: украинского, русского и белорусского. Сохранены имена жителей, так как они

употреблялись в жизни семеняговцев, а так же названия мест вокруг Семеняговки.

Из истории возникновения и жизни хутора Семеняговка

В результате природных процессов между Десной и Днепром образовалась возвышенность, которая явилась водоразделом между этими реками.

Внизу склона этой возвышенности, обращенной к Днепру, возникло озеро. Через это озеро протекал рукав речки Пакулька, который впадал в Днепр.

От этого рукава из озера в перпендикулярном направлении отходил еще один рукав, который впадал так же в Днепр. Возле леса, где сейчас расположена Семеняговка, с левой стороны была затока.

По обе стороны этого рукава, начиная с озера, были возвышенности, на которых и возник хутор Семеняговка.

Но в начале, по рассказам старых людей, первые поселенцы были на берегу затоки, куда приплывали парусники и где велась торговля.

Постепенно затока оформилась в озеро, вокруг которого селилась вторая Семеняговка или в народе «Заболото», а рукав зарос и превратился в болото. В связи с вырубкой леса вокруг села Пакуль пески начали наступать на пахотные земли и жители Пакуля начали переселятся на свободные земли, расположенные вокруг этого рукава.

Первыми поселенцами по фамилии Дорошок были жители Пакуля, которые заняли земли возле леса. Так возник хутор Дорошковка (он же Семипажи). Затем на противоположном берегу рукава поселился Семеняга из Пакуля, что дало название поселению Семеняговка. На семеняговской стороне число жителей увеличивалось быстрее, чем в Дорошковке, и постепенно эти

два хутора получили общее название Семеняговка. Но в жителей Семеняговки Дорошковка осталась как Заболото, ввиду того, что она располагалась за болотом. Первое упоминание о Семеняговке датируется 1859 годом по книге А. Курданова «Із глибини віків». В начале в Семеняговке было где то семь дворов, которые располагались свободно на заселяемой территории.

Печально то, что в настоящее время в Семеняговке нет ни одного жителя с фамилией Семеняга. Остались только Дорошки, Черниченки, Постолы, Токари, Стародубы, Мойсеенки, Якубцы и др. Постепенно семьи разрастались, хутор расширялся. Жизнь переселившихся в Семеняговку была значительно лучше, чем в Пакуле. Вокруг Семеняговки были заливные луга и пахотные земли, обеспечивающие хорошие урожаи трав и посевов, что позволяло держать много скота и птицы.

В это же время осуществилось освоение Липок, где выпасали скот, занимались землепашеством. В Липки впоследствии переселились жители Семеняговки и Пакуля.

Хутор Семеняговка — это озера, речки, болота, богатые рыбой и птицей. Вылов рыбы был круглый год. Ловили волоком, топтухами. В зимний период ловили кошами, сетями (во льду прорубывали канавы и опускали сеть). Самые большие уловы рыбы были в период придухи. В это время из Липок возили рыбу санями. На болотах и озерах было много различной птицы, таких как диких уток, чаек, куликов. Из крупных птиц на болотах были цапли, а в лесах — орлы, коршуны.

На весне люди брали корзины и ходили собирать яички диких птиц. Из Липок возили возами, на которых было много корзин. Это был своеобразный промысел. В лесу водились различные звери: медведи, лоси, волки, лисицы, косули, дикие свиньи, зайцы. Так же в лесу в изобилии были грибы и ягоды. За грибами ездили в лес возами, сушили на зиму в достаточном количестве. Грибы мариновали в деревянных бочках, как в отдельности, так и совместно с капустой, огурцами.

На зиму сушили ягоды и лечебные травы. В хуторе были

знахари, которые могли вылечивать травами многие болезни.

Посуда была и деревянная, и гончарная. Из дерева делали ложки, миски, солянки, корыта, ведра, доенки, бочки. Для изготовления пищевой посуды применялась липа, клен, береза, а для общего пользования тары — бук, дуб, осина.

Для воды каждый хозяин имел барыло – небольшой бочонок литров на десять, с отверстиями для налива и слива воды. Его брали на косовицу и на поле во время жатвы.

Гончарную посуду ездили покупать в Чернигов. Но иногда гончары развозили свои изделия по селам, тогда можно было купить и в своем селе. Обычно посуду выменивали на зерно.

Жители Семиняговки держали различных животных: лошадей, коров, свиней, овец. Было много домашней птицы: гусей, уток, кур.

Для обеспечения себя одеждой выращивали лен, коноплю, что позволяло заниматься ткачеством. Была также шерстяная одежда. Обувь шили из кожи животных сельские мастера, но была и покупная. Валенки валяли приглашенные мастера, но также были покупные на ярмарках в Чернигове и других городах.

Следует отметить продукты питания и блюда. Семеняговцы выращивали рожь, ячмень, овес, просо, гречку, горох, картофель, свеклу, морковь, помидоры, тыкву, кукурузу, огурцы. Пшеницу сеяли уже после войны в 1945 году.

Зерно мололи на ветряных и водяных мельницах. В каждой хате была дежа, в которой готовили тесто. Дрожжей не было. Тесто подходило на закваске. Хлеб пекли в печи. Ложили будущую паляницу на сухой дубовый или капустяный лист на деревянную лопату и затем вставляли в печь. Этой же лопатой вынимали печеный хлеб из печи.

В печи хлеб получался очень вкусным, хранился целую неделю. Его брали на поле во время жатвы, на луг при косовице. Пекли также блины из ячней или гречневой муки, а деруны из картошки. Вареники с различной начинкой и галушки были

также в рационе питания. Варили кулагу из муки и груш. Были распространены каши из пшена, гречки, реже овса. Большой популярностью пользовалась каша из пшена и тыквы. Для приготовления продуктов питания из животных резали свиней, овец, телят. В большом количестве употребляли в пищу мясо гусей, уток, кур. Перья птиц шло на изготовление подушек. Из блюд преимущественно были супы, каши, вареная картошка, ну и, конечно, борщ. Лакомством была печеня. В макутру ложили капусту, картошку, мясо, сверху прикрывали крижалками картошки, ставили утром в печь, а к обеду уже печеня была готова. Чинили колбасы, на колядки давали кусок сала и колбасы. Кишки свиньи начинали пшеном или гречкой, ложили в чугун с внутренностями свиньи и также ставили в печь, а вечером кушали.

Из садовины наиболее были распространены яблони, груши, сливы, вишни. Собирали также плоды диких груш и яблонь, которые применяли в сушеном виде при болезнях желудка. В летний период ели фрукты свежими, а на зиму готовили много сушеных. Калину рвали, делали большие пучки и хранили целую зиму где-то в сенцах или коморе. Применяли при различных простудных заболеваниях.

Плотность населения была большая, поэтому из Семеняговки переселялись в разные районы России. Переселенцы были на юге Украины, в Сибири и на Дальнем Востоке. В советское время переселенцы были в Молдавии, в Херсонской, Николаевской областях, в Крыму.

Крестьянский быт в конце XiX - начало XX вв. (Фотоматериалы музея народной архитектуры и быта Украины, с.Пирогово).

Эти фотоматериалы дают представление об устройстве помещений и о предметах быта, которые были и в Семеняговке.

- 1. Интерьер крестьянской избы. Покуть священное место с иконами в рушниках и место приема пищи.
  - 2. Место для прядения в крестьнской семье
  - 3. Хранение инвентаря в клуне.
- 4. Кладовая для хранения инвентаря. В углу расположено жлукто.
  - 5. Жилая комната. В углу висит колыска.
  - 6. Жорня
- 7. Место для ткачества. На переднем плане сновальное устройство, сзади в углу ткацкий станок
- 8. На переднем плане терницы. На стене расположен различный инвентар.

Семеняговский колорит в названии людей и их поговорки

Многие жители Семеняговки имели кроме фамилии, имени и отчества прозвище, которые определяло место жительства, род занятий, кто он и что он. Если кто входил в хутор и спрашивал, где живет такой-то, и называл фамилию, имя, отчество, то не всегда получал нужный ответ. Но если он назвал прозвище, то ему каждый скажет, где он живет, где его лучше найти в данное время. Такими прозвищами были: Гринь, Ефимаша, Апоня, Видишь, Ешко, Пилипица, Коваль, Мартушка, Кольчак, Михалюша, Федун.

Были еще и другие прозвища, которые знали только семеняговцы: «Ойда», «Детя», «Каб», Шипилька, Коноплевна, Борисовка, Полусьмочка, Евдокиня.

Были и другие прозвища.

Как прозывали жителей Семеняговки родом из других сел:

Карандыха – из Карандовки (Пакуль)

Деркачка – из Деркачевки (Пакуль)

Куцувна – из Куцовки (Навозы)

Ковпычанка – из Ковпыты

Гутнянки – из Гуты

Ведилянка – из Ведилец

Навозчиха – из Навозов

Руднянка – из Рудни

Пильнянка – из Пильни

Любимые слова отдельных жителей Семеняговки

Черниченко Ефим – «Зачем» (в споре часто говорил: «Зачем, зачем, я во Франции бывал», был в плену во время войны 1914 года).

Черниченко Афанасий – «Утето» вместо вот это.

Якубец Иван Дмитрович – «тюльки» вместо столько.

Мойсеенко Афанасий – «Видишь», часто говорил: видишь моя корова, видишь то, видишь другое.

Стародуб Евдоким Артемович – «Братка».

В Конюшовке было прозвище «Гайда». Оно возникло следующим образом. У одного жителя Конюшовки была бабушка, которая быстро ездила на лошади и кричала: «Гайда, Гайда, поехали!» Ее прозвали «Гайдыха», это прозвище осталось за всей родней. Мужчин называли «Гайденками».

Жители х Семеняговки на фото 30/7-1933 г

1- ряд снизу: Следа напрада.

Постол Григорий Степанович с сыном Иваном, Дорошок Ходора, Ворох Алексей, Дорошок Данило Макар, Якубец Данило Микитович, Черниченко Никифор Пантелеевич, Дорошок Ефим Фёдорович, Стародув Хома Лукич с дочерью Проней.

Средний ряд слева направо. Токарь Мария Артеньевна, Черниченко Мария Зиньковна Марниль Софина (жена Мармиля Ивана Онельяновича), неизвестная , Токар Маня Григорьевна, Токар Григорий, чуть выше Ворох Фесяниже Стародуб Малаха Ефиновна, Черниченко Михаил Пантелеевич, Мармиль Григорий Онельянов, Черниченко Моисей Данилович, Моисеенка Иван Михаилович , брат Дорошка Ефима ,представитель района "Белошапка"

3! ряд сверху Слева направа Черниченко УлянаМихайловна "Деркачка ", Токарь
"аля Леонтьевна Постол Анися Ронановна, Моисеенко Варвара Михайловна
"Мармиль Галя Ефиновна , Токар Татьяна "Деркачка"—жена Левка
ниже под ней Моисеенко Ходара, Мармиль Иван Омельянович, Царенок Ефим
Прокопович, Черниченко Иван Ефинович, Шурута Ничипор Дмитрович, Токар
Павел Назарович

Семеняговка с 1930 по 1940 годы

Первый колхоз организовали во дворе Черниченко Ефима Павловича, семью которого выслали на Север. Это было в 1931 году. Колхоз назвали «Червоный партизан». Поступило в колхоз в начале где-то человек семь. Первым председателем был Мармиль Григорий Омельянович.

Потом начали зажиточных крестьян раскулачивать и ссылать на Север. Многие под страхом и в результате больших налогов вынуждены были поступать в колхоз. Представитель района прямо говорил: «Мы вас задавим налогами». Налоги устанавливались произвольно. Были случаи, когда крестьянин уплатил налог, ему на следующий день приносили дополнительно, а пожаловаться было некому.

Одноособников осталось очень мало: Дорошок Григорий

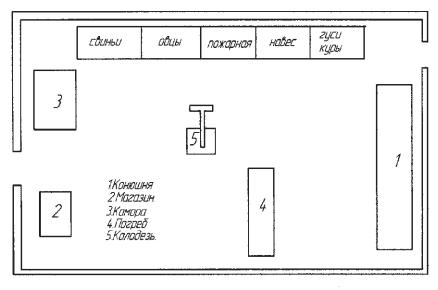
Омельянович, Мармиль Олена, Репич Павел, Заводенко Яков, Заводенко Свирид, Мойсеенко Трофим.

В это время в колхоз забирали все: сараи, клуни, коморы, лошадей, инвентарь. Забирали так же землю, оставалось немного возле двора. Потом колхоз перенесли в Токаревку. Здесь начали строить помещения для скота, птичник, пожарную, выкопали колодец. Построили две коморы, одну большую клуню. Черниченко

Представитель района «Белошапка»

Ефиму, когда он возвратился с Севера, предложили купить хату

План колхозного двора до войны

под правление колхоза и тогда ему освободят двор. Он купил в Ковпыте большую хату, из которой в Токаревке построили правление колхоза. И тогда ему освободили его двор.

Из Пакульской церкви построили «колбуд» - коллективный будынок.

После голода 1933 г. жизнь постепенно налаживалась. В Семеняговском колхозе земли были вокруг хутора, в Липках, в Галах (возле Андреевского леса). Земли были в основном хорошие, особенно возле хутора. Колхоз постепенно увеличивал поголовье скота, лошадей, птицы, что давало возможность хорошо удобрять землю и получать хорошие урожаи. Была колхозная пасека. Пасечником был Токарь Иван Артемович. Перед войной жизнь в колхозе значительно улучшилась. В колхозе готовили трактористов для работы на колесных тракторах. Прошли курсы обучения Репич Илья, Стародуб Евдоким, Ченцов Антон.

Жизнь в хуторе во время Финской войны

В сентябре 1939 года были присоединены к СССР Западная Украина и Западная Белоруссия. В эту кампанию из Семеняговки были взяты многие жители. После присоединения войска были направлены в Финляндию. Запущена была пропаганда в таком духе, что мы их шапками забросаем. А Стародуб Артем Лукич мудро сказал: «Так оно то так, но и у них ружья есть». И он оказался прав.

Зима была очень суровая: много было снега, стояли большие морозы. Солдаты лежали перед линией Манергейма днем в белых халатах и в теплой одежде: валенках, полушубках, теплых штанах, рукавицах. Менялись только ночью. Кто днем не выдерживал, поднимался, того сразу убивал финский снайпер.

Мобилизованы были:

Мармиль Григорий Омельянович, Царенок Михаил – погиб на войне Царенок Семен – погиб на войне Царенок Нестор Михайлович – погиб на войне Примаченко Яков Хотинович, Якубец Савелий Игнатьевич – погиб на войне, Якубец Демьян Дмитрович и др.

Очень трудно было и жителям Семеняговки. Снег был глубоким, около одного метра, морозы доходили до 41 С. Местные власти приняли решение: по хутору Семеняговка и Заболото расчистить дороги, чтобы можно было проехать санями. Мобилизовали всех, кто мог работать. Напротив Заболото был большой лес. Всем разрешили валять любое дерево и везти домой. Морозы были такие большие, что порезанные и поколотые дрова через несколько дней были полностью сухими.

Время оккупации 1941-1943 годов

Когда началась война в 1941 году из хутора многих мобилизовали на фронт, а некоторые остались дома. В первые месяцы войны начали получать первые похоронки. Работала почта. Получали письма в виде треугольников со штампом: «проверено военной цензурой». Письма ожидали с большим нетерпением, а когда приходили, то читали не только родные, а приходили узнать новости и знакомые.

Семеняговцы доили коров, которых гнали впереди отступающей армии. Доили их в Пуще и возле Сальниковки. Возле Семеняговки перед Пакульскими пагонами были окопы, здесь стояли пулеметы, противотанковые ружья. В лесу за Токарями стояло дальнобойное орудие, которое стреляло на 12 км. От Ефимашиной мельницы и до дороги от Пакуля до Ковпыты на

горе тоже были окопы и стояли зенитки. Второе дальнобойное орудие стояло возле Линеи на горбу, где находился Грибок – место пересечения дорог из Пакуля и Линеи.

Осенью немцы начали бомбить переправу на Днепре и село Пакуль. Каждую семью заставляли делать окопы вдали от хаты. Однажды два немецких самолета пролетали над хутором и бросили несколько бомб. Тогда убило Якубца Александра Дмитровича, он во время обеда вышел из хаты посмотреть на самолет. Бомба упала у него ног.

Когда стало ясно, что немцы уже обошли из Гомеля оборонительные рубежи на Днепре, солдаты из Семеняговки ушли на Ковпыту и пошли в Андреевский лес. В это время разрешили забрать все из колхозного двора, что осталось, так как скот погнали впереди отступающего фронта, лошадей и возы забрали в армию. На переправе был деревянный мост длиною 2 км. Он был заминирован. Когда наши войска уже ушли от Днепра в Андреевский лес, осталась только группа прикрытия. В Пакуле был организован истребительный отряд из молодежи. Их называли «стребками». В этом отряде был Невкрас Андрей из Пакуля. Когда поступила команда взорвать мост, то Андрею поручили поджечь бикфордов шнур, что он и сделал. Когда заряд сработал на мосту, произошел страшный взрыв, который был слышен в Пакуле и Семеняговке. Мост рухнул и загорелся. Горел он гдето около суток, пламя было видно за несколько километров. Об этом Невкрас рассказал на бригаде в Семеняговке.

8 сентября 1941 года села Пакульского сельсовета оккупировали немцы. Первый разъезд немцев заметили возле Мойсеевой мельницы в количестве около семидесяти человек. Ехали они на больших лошадях, спереди были установлены ручные пулеметы. Они приехали в Семеняговку, потом повернули на Линею. Через несколько часов вступили немцы в Семеняговку на автомобилях.

Когда пришли немцы, в хуторе назначили бургомистра, им был Репич Павел Терентьевич. Сначала предложили Стародубу Хоме, но тот отказался.

Немцы забирали скот, хлеб, теплую одежду. Молодежь забирали в Германию на работу. Заставляли людей ходить на работу в поле и на работу при прокладке железной дороги до Жидинич.

Были партизаны, которые забирали в людей продукты, одежду. Они врывались в хутор на подводах, были вооружены, забирали, не спрашивая, у людей, что попадет под руку: сало, мясо, пшено, теплую одежду.

Так однажды летом ворвались в хутор несколько подвод с партизанами. Они остановились возле двора Стародуба Евдокима Артемовича. Два человека пошли в сарай, зарезали кабана и потащили на подводу. Другие в коморе забрали кожух, валенки, сало, мясо, пшено, муку. Баба Ходора начала плакать: «Мой зятек тоже в партизанах, зачем вы так делаете?» (зять Яков из с. Пакуль). На что ей ответили: «Так его тоже нужно кормить!». Тогда в хуторе они многих ограбили.

Об одном случае рассказала Постол Вера Хотимовна в разделе: «Рассказы о своей жизни».

Хроника потерь семеняговцев на фронтах войн

Японская война 1905 года Якубец Пилип Дмитрович

1-я Мировая война Стародуб Артем (отец Стародуба Евдокима)

Финская война Царенок Михаил Царенок Семён Царенок Нестор Михайлович Якубец Савелий Игнатьевич

- 2-я Мировая война
- 1. Мойсеенко Иван Михайлович
- 2. Нужняк Ефим Пантелеевич
- 3. Примаченко Василий Омельянович
- 4. Царенок Мирон Степанович
- 5. Черниченко Ничипор Пантелеевич
- 6. Нужняк Иван Платонович
- 7. Снитко Ефим Антонович
- 8. Черниченко Михаил Пантелеевич
- 9. Дорошок Денис Григорьевич
- 10. Репич Илья Данилович
- 11. Струк Николай Федорович
- 12. Якубец Евсей Иванович
- 13. Нужняк Степан Платонович
- 14. Стародуб Артем Лукич
- 15. Черниченко Иван Ефимович
- 16. Царенок Василий Прокопович
- 17. Мойсеенко Николай Борисович
- 18. Мойсеенко Борис Михайлович
- 19. Якубец Николай Иванович
- 20. Струк Свирид Васильевич
- 21. Мойсеенко Дмитро Афанасьевич
- 22. Ворох Алексей Омельянович
- 23. Крижановский Ефим Николаевич
- 24. Мармиль Осип Омельянович
- 25. Токарь Демид Иванович
- 26. Токарь Федор Иванович и др.

Список жителей хутора Семеняговка, погибших в Липках весной 1943 года

Якубец Игнат Микитович
Якубец Иван Игнатьевич
Якубец Данило Микитович
Примаченко Василий Григорьевич «Мудрец»
Царенок Михаил Тихонович
Царенок Пантелей Тихонович
Заводенко Кузьма Андреевич
Царенок Иван Миронович
Гаркуша Олекса с двумя детьми
Снитко Ювга с дитем и др.

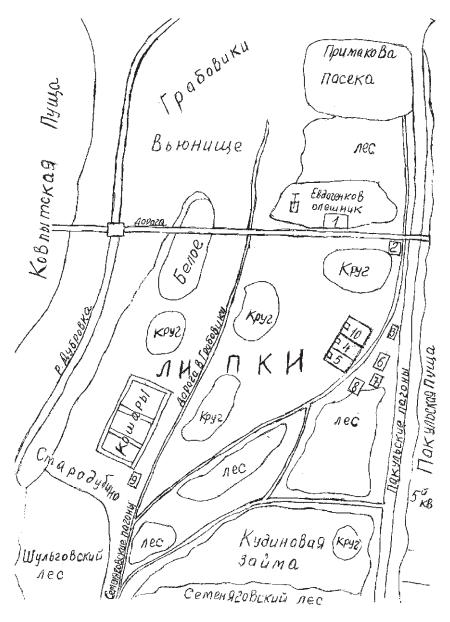
Липки

Для многих семеняговцев Липки являются как бы второй родиной. Здесь многие долго жили, здесь выпасали скот, косили сено, пахали.

Территория Липок долго была свободной, поэтому сюда люди переселялись из Пакуля. Здесь были отличные условия для жизни: болота с обилием трав, пахотная земля, рядом Пуща. Жители держали много скота, что позволяло удобрять их поля навозом и получать хорошие урожаи. Были здесь и хорошие сады. По преданию «Липки» были названы потому, что в этой местности было много лип.

«Грабовики», соответственно, назвали потому, что здесь много росло граба. Грабовики были заболоченным местом, от которого отходили ручьи к основному руслу реки Дубровки, которая выходила из Семеняговского озера и текла в Днепр. В этой местности было много различной рыбы, в особенности вьюнов. Это место назвали «Вьюнище».

Название «Примакова пасека» возникло следующим образом.

План Липок

В селе Пакуль жил один крестьянин, он имел много сыновей, а земли было мало. Он вынужден был отдавать их в примы, поэтому его прозвали «Примак». В конце Пущи, там, где река Дубровка делает поворот в сторону Днепра, были свободны земли. Он взял себе участок земли, расчистил, обкопал канавами, обсадил их деревьями, построил дом и завел пасеку. У него был большой сад, росли липы вдоль канав. Вокруг были болота, Пуща — отличное место для пасеки. Он имел много ульев. Народ назвал это место «Примакова пасека».

В районе Примаковой пасеки возле Пакульских пагон были сосны, обнять которые одному человеку было невозможно. Из одной сосны можно было напилить бруса на хату (10 -15 м. куб.) Здесь любили гнездиться аисты на высоких соснах.

По рассказу Постола Григория Степановича

В Липках жили следующие жители с семьями:

- 1. Евдоченко Федор Митрофанович
- 2. Примаченко Хотин (Ахтанаус)
- 3. Шурута Дмитро Иванович
- 4. Шурута Федор Михайлович с женой Мокрыной
- 5. Постол Хотин Степанович
- 6. Пастол Григорий Степанович
- 7. Заводенко Кузьма Андреевич
- 8. Заводенко Дмитро Андреевич
- 9. Шурута Михаил Иванович «Близна»
- 10. Постол Максим Степанович

После революции «вольница» окончилась для жителей Липок. Их постепенно переселили в Семеняговку, а кое-кто переселились в другие места. В основном переселение окончилось где-то в 1940 году.

Был еще один участок земли, где жители Семеняговки свободно занимали места для кошар. Он находился за усадьбой «Близны», если идти из Семеняговки в Липки по пагонам.

Располагался он слева по дороге. Здесь было много кошар, где летом на ночь загоняли молодых лошадей, не дойных коров и телят. А дойных коров ежедневно гоняли в хутор. Здесь же были шалаши, где ночевали пастухи, варили еду.

До революции, да и после перед войной, в Липки с хутора ежедневно гоняли череду свиней. Здесь им было раздолье: было много кругов, где они купались, было много различной травы.

Как пасли коров в Липках

Коров выгоняли на пашу в Липках приблизительно на Пасху. Каждый хозяин вначале припасывал свою корову. Потом формировались череды. В Семеняговке было четыре череды по тридцать-сорок коров. Череду пасли один-два пастуха.

Коров гнали по Семеняговским пагонам до Липок. Там, кто хотел направлял череду направо в Кудынову займу или налево в Стародубино.

Вначале весны воды было много, круги и канавы полностью заполнены водой. Было много травы, цветов. Много было птицы: чаек, куликов, уток. Дикие утки гнездились не только в Липках, но и в лесу. Особенно много уток было в Грабовиках: там были болота, кусты.

Старые люди рассказывали, что раньше в Грабовики ездили лодкой собирать яйца, набирали полные корзины. Собирание яиц для людей было своеобразным промыслом.

В Липках было много чаек и куликов, они гнездились везде. Гнезда находились там, где коровы паслись, но случаев, чтобы корова раздавила гнездо, не было. Чаек было очень много, они постоянно кружили в воздухе со своим звуком: «Ки-и». Если человек подходил близко к гнезду, они стаей набрасывались на него. Та же участь ждала и ворон.

Кулики любили гнездиться на горе Белая в молочае. Гнездо вырывали в песке, немного сухой травы и гнездо готово. А чайки гнездились даже на мокром месте, для гнезда часто использовали мох.

Дед Максим из Заболото хорошо изучил повадки чаек. Он лежал на горке где-нибудь и потому как ходит чайки в каком-то месте, определял, где находится гнездо. Часто говорил подросткам: «Иди вот туда и забери яйца». Постепенно вода уходила. Травы становилось меньше, коров пасли на низких местах и в олешниках.

В жаркое лето трудно было поить коров. Вода в кругах высыхала, а поить их в канаве, которая шла от Семеняговского озера в Днепр, было опасно, так как коровы часто грузли, и их нужно было вытаскивать веревками или даже кусками полотна.

В такое жаркое время собирались люди из хутора и копали длинную канаву под углом глубиной два - два с половиной метра. Ставили корыто длиной 8-10 метров, делали ограждение канавы, чтобы туда не упала корова.

Каждый пастух наливал воду в корыто только для своей череды.

Когда шли дожди, коров домой не гнали, пасли до вечера. В такие дни коров гнали ближе к олешникам, там были деревья и кусты — можно было спастись от дождя. Плащей тогда не было, на голову часто одевали мешки, предварительно их сдвоив.

В пастухов была торба, где находилась еда, нож, ложка, соль. Обычно брали бутылку молока, которое выпивали перед обедом, а в обед в котелке варили суп. Были два типа армейских котелков: круглый — советский и плоский — немецкий. Спичек не было, зато в каждого пастуха было кресало, кремень и губка. Так получали огонь.

Пастухов было много, часто собирались в одном месте. Фронтовики рассказывали различные истории. Младшие по возрасту устраивали игры или шли в Пущу за грибами, ягодами или просто погулять.

Из Конюшовки пас коров дед Матвей. Однажды он нашел волчат, принес домой, а следом пришла волчица. В другой раз он нашел убитого волка, снял шкуру и продал ее Мармилю Николаю Григорьевичу.

Ловили рыбу в канаве и в глубоких ямах в Грабовиках волоком, топтухами или удочками. Здесь водились щуки, вьюны, плотва, караси, лины.

Когда наловили рыбы, уха обеспечена. Кто поймал много рыбы, тот часто делился с другими пастухами.

После войны была дорога из Пущи до Ковпытского леса. Она проходила возле Евдоченкового олешника, через канаву, где был деревянный мост, и делила выпас коров от колхозного сенокоса, где пасти скот запрещалось.

По этой дороге машины непрерывно возили лес из Пущи в Жидиничи на станцию. Для подростков было интересно смотреть на автомобили.

Целое лето пастухи ходили босяком, это была своеобразная

лечебная физкультура. А ближе к осени многие обували лапти, в которых можно было пасти коров по стерне, да и в лес за грибами было ходить удобней.

Многие пастухи несли домой вязку дров. Старшие работали в колхозе весь день, а каждый вечер нужно было варить еду, то в обязанности пастуха входило обеспечить дровами. Обычно дрова брали вначале пагон в Липках. Чтобы сильно не давило на плечи, делали из травы подушки. Привезти воз дров летом было очень трудно: все лошади и волы работали в колхозе. Некоторые возили дрова тачками по песку в жару.

На дворище Евдоченко после его переезда в хутор остался сад, где были яблоки, груши. Когда пастухи близко подгоняли коров к саду, то жена Евдоченко Кулина, которая летом здесь часто бывала, чтобы отпугнуть пастухов от сада, говорила: «Гоните коров к лесу, а то сегодня будет лея (ливень)». Она одна из старых бабок могла шептать от укуса гадюки. Кроме того, она хорошо разбиралась в лечебных травах.

<u>Лежневка</u>. Она была проложена из Ковпытской Пущи до Днепра в районе Навозов. Длина трассы составляла где-то 15-17 км (по карте). Она проходила выше Грабовиков. В поперечном сечении она представляла собой корыто из досок, по которой в одну сторону двигалась груженая телега. В телегу запрягалась только одна лошадь. На телегу ложили столько колод, чтобы она не поломалась, а лошадь могла везти по настилу много колод. Телеги двигались друг за другом. Возле Днепра лес разгружали. Потом приходил пароход и забирал лес, но делали также и плоты, которые сплавляли вниз по Днепру. Обратно повозки возвращались по грунтовой дороге. Строительство дороги осуществлялось где-то в 1930-1934 годах. Просуществовала она до войны. Потом немцы построили железную дорогу до Жидинич и лес вывозили уже по ней.

Об этом рассказал житель Шульговки Шульга Дмитро Исакович и житель Семеняговки Ворох Потап Омельянович.

ЖИЗНЬ НА ХУТОРЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1943-1950 гг.)

Освобождение.

Хутор Семеняговка был освобожден 21 сентября 1943 года вместе с селом Пакуль.

После освобождения всех военнообязанных забрали на фронт. Много ушло молодежи. При форсировании Днепра много погибло солдат Советской армии. Новобранцев Михайло-Коцюбинского района еще не обученных гнали в атаку на немцев. Очевидцы говорили, когда снаряд падал в Днепр, то вода поднималась розовой от крови.

Позже Якубец Николай Есипович рассказывал, что он был среди этих новобранцев и ему пришлось висеть на острове в воде, зацепившись за куст, так как спереди стреляли немцы, а сзади — свои.

Когда фронт ушел за Днепр, жители Семеняговки оказывали военным помощь в доставке снаряжения своими подводами, а назад вывозили раненых.

Возили за Днепр семеняговцы: Царенок Терешко, Якубец Григорий Демьянович, Якубец Михаил Демьянович и др.

В хатах размещались на ночь солдаты, идущие на фронт. Обычно поселяли 10-11 человек, для сна им ложили солому на пол, вечером им варили картошку в чугуне. Утром они уходили на фронт. Много было молодых солдат из Средней Азии, их в селе называли «нацменами». Несколько дней была слышна канонада из-за Днепра.

Однажды в хутор зашел солдат с фронта, он был в шинели, в которой было много прожженных пулями отверстий, но ни одной раны на теле, женщины говорили: «Его спас Бог!»

Когда фронт ушёл на запад, снова начала работать почта. Приходили те же треугольники со штампом: «Проверено военной цензурой» и похоронки. С каким терпением ждали писем и дома, и на фронтах. Любимой песней тех времён была песня на стихотворение Алексея Суркова «В землянке»:

Бьётся в тесной печурке огонь, На поленьях смола, как слеза. И поёт мне в землянке гармонь Про улыбку твою и глаза.

Ты сейчас далеко-далеко, Между нами снега и снега. До тебя мне дойти нелегко, А до смерти - четыре шага.

Солдат писал домой о том, о чём позволяла цензура: где воюет, а если ранен, то где лечиться. В письмах просил подробно описать жизнь не только своей семьи, а и родственников.

А семья сообщала о своей жизни, жизнь односельчан, кто где воюет, кого ранило, кого убило.

Часто письмо оканчивалось словами: «Жду ответа, как соловей лета».

Но приходили и похоронки, тогда убитую горем вдову успокаивали, как могли, и родственники, и знакомые.

Огромной популярностью пользовалась также песня «Тёмная ночь» (поэт Владимир Агатов, композитор Никита Богословский);

Тёмная ночь, только пули свистят по степи,

Только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают.

В тёмную ночь ты, любимая, знаю, не спишь

И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,

Как я хочу к ним прижаться сейчас губами!

Тёмная ночь разделяет, любимая, нас,

И тревожная чёрная степь пролегла между нами.

Организация жизни в хуторе.

Сразу после освобождения хутора начали восстанавливать колхоз, учебу в школе. В колхозе, который снова назвали «Червоный партизан», было организовано 3 бригады: 1-я – в Семеняговке, 2-я – в Заболото, 3-я – в Канюшовке.

У людей забрали лошадей, возы, плуги, бороны. На старом колхозном дворе вновь восстановили конюшни, коровник, пожарную, колодец.

Выкопали землянку, где установили большой котел, сделали печку. Здесь долго приготавливали корм скоту.

У колхозников начали забирать телят, из которых растили коров и быков.

Организовали распиловку леса, работала кузня во дворе Стародуба Ивана Лукича.

Работали две мельницы, где были мельниками Черниченко Алексей Михайлович и Черниченко Ефим. Когда Алексей ушел в армию мельником стал Черниченко Моисей. Плата за 1 пуд смолотого зерна была 4 фунта зерна.

Сразу после войны было очень трудно. Не было первого необходимого: керосина, спичек, соли, мыла. В хатах светили лучиной, спички занимали поштучно, соль - стаканом или спичечным коробком. Не было обуви. Многие ходили в лаптях.

В каждой семье был ткацкий станок, который здесь называли «кросна». На нем ткали полотно, из которого шили различную одежду. Верхнюю красили соком крушины и других ягод, так как красок в магазине было очень мало. Фабричные ткани были дорогими да и купить было негде.

Для добывания огня были распространены «кресала» - они изготовлялись из хорошей стали, потом калились, форма была различной. Делали их в кузне или покупали на базаре. Ими пользовались пастухи, курцы, были они в многих хатах. Огонь получали следующим образом: на кремень ложили губку или

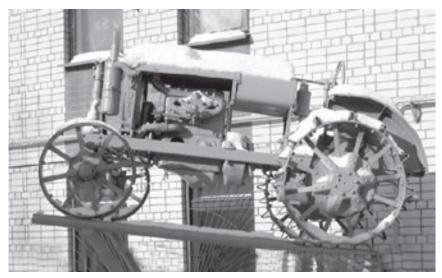
трут из ваты и кресалом высекалась искра, которая попадала на губку или трут и зажигала их, потом раздувало огонь. Кремень брали на полотне железной дороги.

В колхозе было мало лошадей, поэтому часто пахали коровами, а то и запрягались в плуг и люди, обычно 5 человек: было две перекладины, за которые ставали по 2 человека, а один был за плугом. Дома на небольших участках копали лопатой всей семьей.

Вот тогда и появилась частушка: «Я и баба, и мужик, я и трактор, я и бык». Сеяли много ржи, картошки, немного овса, гороха, гречки, проса.

Коров в колхозе было мало, то на весне правление колхоза обязывало колхозников давать по одному возу навоза с каждого двора для колхозного поля.

Для колхоза самой большой трудоемкостью было выращивание картофеля. Сеяли картофеля много по плану района. Посев осуществлялся вручную за плугом. Потом делили поле на пайки для каждой колхозницы. Много труда занимала прополка и окучивание.

Такими тракторами пахали землю в Семеняговке после войны

Копка осуществлялась также вручную, сортировали отдельно крупную и мелкую по копцам, прикрывали сначала соломой, потом землей. В начале осуществляли поставки государству, потом раздавали на трудодни колхозникам. Остальную картошку свозили на двор колхозу для корма скота и на посев на следующий год. Хранился картофель, как правило, в буртах. Из Карховской МТС иногда присылали колесный трактор, который помогал пахать землю в колхозе.

Встреча фронтовиков. Постепенно начали возвращаться домой фронтовики, многие из них стали инвалидами. Сколько было радости для семьи, для родственников и просто хуторян. Сразу по хутору шел слух, кто возвратился. К фронтовику в хату приходили соседи, родственники. Вечером в хате горела керосиновая лампа или просто лучина, а он рассказывал, как воевал, как добирался домой. Семья была очень рада, но приходили вдовы, которые сидели и плакали: их мужья не возвратились, остались они сами с детьми. Были семьи, где сирот оставалось по пять-семь человек.

Фронтовикам, как правило, приносили самое лучшее угощение, какое только было в то бедное время.

Люди после войны жили трудно, помогали друг другу. Особым вниманием были наделены сироты, им помогали родственники и просто знакомые, государство выдавало денежное пособие. Дети любили в это время носить пилотку, ходили в ней даже в школу на занятия.

Рассказывали инвалиды войны, как их покалечили на фронте. Черниченко Николай Никифорович рассказывал, что его 8 раз ранило в ноги, Заводенко Алексей стоял сзади танка, разорвалась мина и в затылок попал осколок, Стародуб Евдоким после немецкой артподготовки был присыпан землей, торчала только одна рука, за которую его вытащили на поверхность.

Солдаты возвращались домой, на ногах были ботинки с об-

мотками, брюки-галифе, гимнастерка, шинель, летом пилотка, а зимой шапка-ушанка, за плечами вещь-мешок с сухим пайком на несколько дней.

Кто был за границей после окончания войны привезли много различных вещей.

Инвалидами возвратились домой:

Черниченко Николай Никифорович, Дорошок Николай Сапонович, Дорошок Сапон, Царенок Иван Терентьевич, Якубец Демьян Дмитрович, Примаченко Яков Хотинович, Заводенко Владимир Андреевич, Радченко Григорий Петрович и др.

Первым председателем колхоза после войны был Токарь Василий Иванович. После него был Дорошок Данило Макарович из Заболото. Он был большим любителем выпить, часто вел себя грубо. Поэтому его освободили и переизбрали Бориско Дениса из Пакуля, который был не лучше предшественника.

Судьба его сложилась трагично. Он разрешил колхозникам освоить ракиту возле колхозного поля, кто сколько сможет разработать от дерна и потом пахать для своих нужд. Кто-то об этом написал в район, его обвинили в разбазаривании колхозной зем-

Дорошок Ефим Федорович участник войны 1941-1945гг.

ли и приплюсовали теля, за которое Мармиль Галя получила деньги, а теля в колхоз не сдала, а зарезала. Его осудили на 7 лет.

В ноябре 1946 года председателем колхоза был избран Дорошок Ефим Федорович. При нем дела в колхозе пошли лучше. На ферме появилось больше коров, лошадей, быков. Навоз на поля вывозили в достаточном количестве, поэтому урожаи повысились, на трудодни стали давать больше.

В декабре 1946 года прошли

выборы в Верховный Совет СССР. Избирательный пункт был в Семеняговской школе.

В это время осушили озеро в Заболото. По решению правления колхоза прокопали канаву от озера до болота. На осушенной площади посеяли траву. В первый год накосили 6 стогов сена (в каждом стоге было 60-80 капиц сена). В общей сложности за несколько лет накосили 13 стогов сена, а потом сеяли все.

Правление колхоза избиралось на общем собрании колхозников. В состав правления колхоза входили: председатель, завхоз (он же заместитель), завфермою, полевод, бухгалтер, бригадиры. На правлении колхоза назначали мельников, сторожей, коморника. Часто сторожевал Примаченко Пилип, а потом Репич Терешко. На время уборки сена и урожая на поле назначали сторожей на лугу, на поле.

Контора колхоза периодически находилась в хатах колхозников, в кого было или две комнаты, или большая хата. Контора была в Гаркуши Гаврила, Нужняк Ганны, Стародуб Марии «Мармильки». За пользование хатой правление колхоза насчитывало трудодни.

В это время были большие налоги, которые устанавливались сельсоветом с учетом количества земли, наличия коровы, свиньи, кур. Величина налога была разная от 200 до 1000. Кроме денег каждый двор сдавал мяса 75 кг, молока 150 литров, яиц 90 штук.

У кого перед новым годом записывали свинью, то в следующем году нужно было сдать свиную шкуру или купить шкуру на базаре и сдать государству. Кто утаивал наличие свиньи при переписи, и когда приходило время смалить, то прятались, где только можно: в лесу, в погребе. Во дворе кошару (или другое место) обносили ветками сосны, чтобы не было видно огня. Смолили даже паяльной лампой, после чего сало пахло бензином.

Кроме налога был еще займ. При подписке на займ сельсовет тоже устанавливал, кому насколько нужно подписаться.

Если кто не хотел подписываться, то были меры принуждения. Так мужчине утром давали наряд на работу в колхозе, а вечером вызывали в сельсовет часов до 2-3 ночи, пришел домой, поспал немного, снова на работу и так до тех пор, пока не подпишется.

Но если кто не уплатит займа, могли продать свинью, теля, кур, одежду. Обычно создавали комиссию из активистов, она ходила по хутору и продавала в счет налога и займа, что в кого заберут. Время было очень трудное. Люди ходили оборванные, в плохой обуви, плохо питались.

Устанавливалась норма выработки на одного трудоспособного в год 220 трудодней. Кто не вырабатывал без уважительной причины, могли отдать под суд. На один трудодень давали в среднем: 3 = 200-400 грамм, картошки — 3 = 200-400 копеек.

Сильно был распространен бандитизм. Врывались ночью в хату, забирали одежду, сало, мясо и быстро исчезали. Зимой они налетали на санях, летом на подводах. Были вооружены обрезами, револьверами. Люди были сильно запуганы.

У бандитов были осведомители, которые наводили по дворам тех людей, где можно было что украсть. Часто грабили тех, кто привез вещи после войны из Германии и других стран.

Жителей Семеняговки, Пакуля и Линеи часто обворовывали на Бадистой горе, которая была расположена сразу за железной дорогой, как идти из Пакуля. Люди часто выходили ночью в Чернигов на базар, а бандиты их поджидали и грабили. Грабили и тех, кто ночью возвращался из Чернигова после базара. Это было время, когда транспорт не ходил, люди были вынуждены пешком ходить в Чернигов и обратно за 45 км.

Конечно, бандитов постепенно переловили, пересажали и жизнь стала нормальной.

В связи с неурожаем 1946 года 1947 год был голодным. Люди с торбами ходили по хатах и просили хотя бы картошиночку.

Ходили по картофельному полю и собирали мерзлую прошлогоднюю картошку. На полях, где была гречка, веником сгребали остатки гречки с половой, а потом просевали на решете.

Ловили, кто мог, рыбу. Охотники охотились на диких уток, зайцев и даже ворон.

В этом году был тиф. В хутор приезжала санитарная машина, в которой прожаривали одежду больных тифом. По хутору ходили санитарки в заячьих шапках с очень длинными ушами. Они проводили лечение больных тифом. Были смертельные случаи. Волосы на голове у больных тифом повылазили, но потом отросли.

Постоянно нищими по хутору ходили Гаркуша Михайло «Крегель» из Пакуля, Марта из Навозов, Галя «Метличка» из Сальниковки, Гутнянка из Шульговки.

Крегель был желанным у многих хатах. Он был слепым и ходил со своим малолетним сыном. Он приходил в хату, играл на бандуре, пел и потом в разговоре он называл всех детей хозяина. В каждой хате его слушали с огромным вниманием как дети, так и взрослые. Потом давал ему милостыню: кто хлеб, кто колбасу, кто что мог в трудные годы.

Когда появились первые сведения об атомной бомбе, а позже – о водородной, то в Семеняговке говорили, что атомная бомба все сжигает, а водородная, наоборот, все морозит. Об этом рассказывал в хуторе Якубец Петро Данилович.

Были разговоры, что на речке Пакульке будут строить электростанцию. Тот же Якубец Петро уже «знал» как будут получать электричество: будет на дамбе установлено два камня, как в мельнице, и при быстром вращении их будет получаться электричество.

Вот такие тогда ходили слухи о технике.

На весь сельский совет был всего один телефон, было организовано круглосуточное дежурство. Телефонограммы, поступающие на колхозы, разносил исполнитель сельского совета.

Следует упомянуть вещи, которые сегодня исчезли из хат. Это скрыня, колыска, дежа, ступа, жорня.

В старые времена, когда девушка выходила замуж, то ей родители дарили скрыню. В ней складывалось все приданое, которое ей давали. Обычно скрыня раскрашивалась цветами и стоила дорого.

Колыска подвешивалась к потолку на крючке и в неё ложили ребенка. В каждой хате была одна колыска, где находились дети нескольких возрастов: братья, сестры. В литературе осталось только стихотворение:

«Блима каганчик посеред кімнати, пильно припадає до колиски мати».

Дежа — кормилица представляла собой небольшую бочку с крышкой, диаметром и высотой около полметра. Распространена она была по всей Украине. В деже хранилась закваска от предыдущей выпечки, дрожжи не применялись. Из подошедшего теста делали буханки и специальной лопатой ложили в натопленную печь. После выпечки той же лопатой вынимали из печи готовый хлеб, который был душистым и очень вкусным. Хранился он целую неделю.

В жизни крестьян большую роль играла ступа, где получали пшено, крупу из гречки, овса, ячменя, кукурузы и др.

Имела распространение жорня для помола зерна. Мука шла как для выпечки хлеба, так и для корма скоту. Хлеб из грубого помола был очень полезным.

В старые времена было жлукто вместо стиральной машины. Оно представляло собой круглую бочку диаметром где-то 0,5 м и высотой 1,2-1,3 м. Выдалбливалось оно из дерева. В селе было такое выражение «залить белье». В жлукто закладывали грязное белье, сверху засыпали золой. Кипятили в печи воду и выливали в жлукто, потом закрывали крышкой. Сюда же бросали раскаленные в печи металлические болванки. Часа через два разбирали жлукто и белье

стирали возле колодца или на болоте в копанках. Мыло для стирки не применяли, его было еще мало и дорогим.

Холодильников не было. Молоко охлаждали в погребе: ставили ведро с холодной водой, а в него – кувшин с молоком. Льда можно было заготовить сколько угодно, но не было традиций.

Мясо и сало солили, рыбу с рыбалки носили в крапиве. Ближе к осени, когда уже ягоды паслена дозрели, ходили их собирать в Пущу. Носили целыми ведрами, особенно их было много на делянках, где росла гречка.

Семеняговка имела в центре хутора «Рынок» или «Пятиуглы» на пересечении улиц. Возле Рынка жили Стародуб Иван, Мойсеенко Галя, Стародуб Артем, Царенок Терешко, Репич Терешко. По преданиям здесь часто торговали приезжие различными товарами: гончарной посудой, бочками и другими изделиями из дерева.

Здесь же собирались жители хутора на беседы. Здесь находились лавочки для сидения, кому не хватало места, тот приносил свою скамейку. Молодежь танцевала, пела, ну а дети играли в свои игры.

Поездка в Чернигов на ярмарку

Осенью после сбора урожая семеняговцы ехали в Чернигов на ярмарку. До революции, когда у каждого была своя подвода, ехали на ярмарку своим транспортом. Везли все, что вырастили на своей земле: рожь, ячмень, овес, картошку, садовину, продукты животноводства, сено, доски, дрова и другое. Ярмарка была на территории современного центрального рынка. Домой везли различный инвентарь, гончарные изделия, материю, обувь, готовую одежду, различные подарки для семьи, в том числе баранки, булки, конфеты.

В послевоенное время было трудно с транспортом, поэтому колхоз давал одну подводу на два двора. Да и везти было не так

много чего. За возом шли пешком соседи и знакомые, а вещи свои ложили на воз. На семью покупали один арбуз, одну булку, немного конфет или сахара для чая.

Трудно было тем семеняговцам добираться в Чернигов, кто ехал попутным транспортом. А когда ехали домой, то собирались на переезде возле Шерстянки. Тогда еще не было моста, а был регулируемый перекресток, где дежурил регулировщик круглые сутки. Автомобили, идущие на Коцюбинск, останавливались сразу за переездом. Людей собиралось много. И как только автомобиль остановился, водитель еще не успел вылезти из кабины, а людей уже полный кузов. И сразу люди спрашивают водителя: «Куда?». Кому по пути – оставались в кузове, а остальные вылезали и ждали следующей машины. Обычно садились на машину, которая шла в ближайшие села: Ведильцы, Карховку, Ковпыту, Жидиничи, Пакуль, Андреевку, а то и до Коцюбинска. А потом шли пешком, а за плечами был груз. Кто не смог уехать домой, тот шел ночевать к знакомым или на вокзал. Стоимость проезда для взрослых была 5 рублей, для детей -2 рубля.

Напротив Шерстянки, где до войны был завод «Б», находилась свалка, куда из города вывозили нечистоты выгребных ям. Рабочие эти нечистоты на специальной тележке, на которой крепилась бочка, куда заливали нечистоты, вывозили лошадью. Часто можна было видеть, как на этой бочке сидел рабочий и ел булку с колбасой. Для людей это было удивительно: как среди такой вони можно кушать. Но дело было в том, что эти люди не чувствовали запаха: на работу их принимала специальная комиссия. Среди них было две специальности «черпай» и «наливай».

«Черпай» опускался в яму, набирал ведром нечистоты, а «наливай» веревкой поднимал наверх и выливал в бочку. Зарплата у «черпая» была больше чем у «наливая».

В городе было несколько бригад по очистке выгребных ям до тех пор, пока не сделали городскую канализацию. А на том

месте, где опорожняли бочки с нечистотами, позже построили камвольно-суконный комбинат.

Следует отметить, как жили семеняговцы по временам года: зимой, весной, летом и осенью.

Зима

После первых морозов замерзали речки и озеро. На озеро часто ходили, чтобы посмотреть как плавает подо льдом рыба, это были в основном вьюны, но иногда можно было увидеть и щуку. На озеро ходили кататься на коньках. Коньки были самодельными: деревянная колодка обтянутая стальной проволокой. Редко в кого были купленные коньки.

По первому снегу катались на лыжах и на санках. Любимым местом для детворы была гора между Семеняговкой и Заболото. Это место называли Гай. Здесь дети катались на санках и лыжах до темноты каждый день.

Эта гора, по рассказам старых людей, возникла следующим образом. Крайний житель в Токаревке терпел бедствие от песка, который наносился ветром из поля, где раньше был лес. Песок засыпал его пахотные земли. Тогда он поставил плетень высотой несколько метров и длиною от двора до болота. Через несколько лет здесь образовалась гора из песка. Ее засадили шилегой, со стороны поля на низком уклоне посадили березы.

Березы выросли очень высокими. Жители при помощи лестниц подбивали их высоко, чтобы нельзя было воровать сок.

В настоящее время эта гора исчезла, так как песок ушел на строительство дорог вокруг Пакуля и Семеняговки.

Самым интересным и проблемным был период зимы, когда снегом заносило весь хутор. Это происходило обычно где-то в феврале. С севера поступал снежный циклон. Небо покрывалось тучами, дул сильный ветер, шел непрерывно снег, были сильные морозы. Ветер с поля сдувал снег и заносил хутор. Солнце днем было еле видно.

Так продолжалось 10-12 дней. В это время ходили только в сарай, чтобы покормить и напоить скот, взять дров. Пробивали дорожку к колодцу, чтобы взять воды в хату себе и подогреть скоту.

Трудно было тем, у кого не было дров. Но, как правило, люди знали это время и запасались не только дровами, но и всем необходимым.

И вдруг как по команде: утихал ветер, небо прояснялось, светало ярко солнце, переставал идти снег. Везде было белым-бело. Люди выходили из своих домов, прокидали дорожки к колодцам, до сараев, на улицу. Каждый возле своего двора должен был расчистить путь, чтобы можно было проехать санями. Снега наметало 1-1,5 м. С некоторых домов можно было спуститься санками. Постепенно жизнь налаживалась. Большой проблемой было проложить дорогу в лес, между селами.

В это время крепчали морозы. На реках и озерах образовывалась придуха. Люди ездили на Днепр санями и привозили много рыбы. На озере делали ополонки, ставили коши на вьюнов. Во время придухи с озера вьюнов возили санками, кормили вьюнами свиней, сушили в мешки для пищи на весну.

Когда дорога в лес была проторена, люди ездили за дровами. Саньми, запряженными лошадьми, мало кто ездил, так как в это время нужно было подвозить сено для скота. Стоги сена были расположены на болоте возле хутора, в Грабовиках в Липках, на лугу возле Днепра. Поэтому за дровами ездили домашними санками. Обычно ездили в Пущу. Брали с собой шест длиной метров 6-8 с металлическим крючком на конце. Обламывали сухие ветки, выносили на дорогу на санки и везли домой. Везти было легко, так как дорога была накатана. На санки обычно ложили много дров, чтобы хватило приблизительно на неделю. Но ближе к весне, когда снег начинал таять, возить дрова санками было очень трудно, так как местами нужно было ехать по земле. Лес в это время был очень красив. Молодые сосны и кусты покрывались пухким снегом и имели сказочный вид.

Морозы все усиливались. Лед на реках «стрелял», деревья тоже «стреляли».

Охотники, кто имел ружье, ходили на зайца, лису, волка или ставили капканы на тропинках. Некоторые любители-охотники ставили петли из проволоки и часто ловили зайцев.

Школьники собирались по несколько человек и ехали на лыжах в лес. Там было раздолье. Можно было найти любую горку. Брали с собой спички, разводили костер, грелись, на палочке поджаривали сало и ели с хлебом. Возвращались домой уставшие, но довольные.

Большой популярностью пользовались у детворы «крутюлки». Они делались так: в лед загоняли палку, на нее надевали колесо из воза, к нему крепили шест длиной 4-5 метров, на конце которого привязывали санки. Колесо вращали при помощи рычага, прикрепленного к колесу. На санки садились несколько человек, при помощи рычага санки разгоняли до большой скорости и не каждый седок мог удержаться на санках, тогда он кубарем падал на лед.

Ответственной работой для колхозников был уход за колхозной фермой. Нужно было покормить скот, напоить, убрать навоз. В колхозной землянке непрерывно варили картошку, подогревали воду, резали сечку из соломы сечкарней. В деревянных корытах запаривали горячей водой сечку совместно с вареной картошкой и мукой. Этой сечкой кормили коров, лошадей. Свиней кормили мятой вареной картошкой.

Лошадей и коров кормили также сеном, а в трудные годы и соломой.

Непрерывно вывозили саньми навоз на поля, старались его вывезти до распутицы.

В хатах колхозников также кипела работа. Это был период, когда фабричной одежды было очень мало и она была дорогой. Поэтому в зимний период пряли пряжу до самой весны, когда уже начинали ткать.

Шили сапоги: Якубец Демьян и Стародуб Евдоким, у которого было много капилов, в том числе и модельные. Гаркуша Павел имел швейную машинку, он шил одежду. Кто имел овчины, тот шил сам шапки, рукавицы. Шапки шили также из шкуры зайца.

Было в моде плести корзины и коши из лозы, лоза была красная (шилега) и белая, которая росла на болоте.

Сбором шишек занимались многие. Целыми семьями ехали собирать в Липки, в Чертеж на своих санках. За день можно было насобирать несколько пудов шишек. Один пуд стоил 7 рублей (после обмена денег в 1947 году), в то время, когда в колхозе платили за трудодень 15-20 копеек.

Весна

Весна в основном начиналась где-то после 23 марта, когда школьники шли на каникулы после окончания третей чверти.

Пригревало солнце, снег быстро таял. Как правило, зимы были снежные, воды было много. Вода стекала на болото и в долины. По улицам нельзя было пройти, в многих местах ложили доски, чтобы можно было перейти ручей. Трудными местами были переходы возле Стародуба Евдокима, Дорошка Ефима, Токаря Семена.

По мере таяния снега и ухода воды люди восстановили прорезанные дороги. Обычно снег расставал за две недели, так что школьники уже могли идти в школу по подсушенным дорогам.

Скопившаяся вода образовывала большое озеро между Семеняговкой, Шульговкой, Ковпытой и Сальниковкой. Вода доходила до огородов этих сел. При большом ветре волны доставали усадеб жителей.

Когда болото было затоплено, то в большой ветер интересно было смотреть на волны, которые бились о берег. Кто имел на чем плавать, плавал по этой воде.

Питательный ил вымывался из озера и покрывал площадь

болота и прилегающие усадьбы жителей. Происходило удобрение земли, поэтому травы ежегодно хорошо росли на болоте и на усадьбах тоже был хороший урожай.

После зимы начинали выгонять скот на пашу в Липки, возле хутора выпас коров был запрещен. В начале каждый припасывал свою корову, потом выгоняли в череду.

На озеро прилетали дикие утки, кулики, чайки, цапли, курочки. Птицы днем плавали на воде или ходили по берегу, а на ночь улетали в лес, так как на озере не было еще мест, где можно бы было ночевать. Кроме того, в лесу было намного теплей ночью, чем на озере.

При спадании воды было интересно ходить по низким местам и смотреть в воду, где можно было увидеть рыбу, лягушку, различных жуков.

В это же время на болото прилетали различные мелкие птицы.

Под водой начинали расцветать цветы, ковер цветов покрывал большие площади. В основном цветы были желтого цвета. Это были цветы калюжницы болотной. Было интересно ходить по этому ковру.

Начинали рвать траву под кустами для телят. В воде уже было много травы-плавуна, ее рвали в корзину, вытаскивали на берег, а после стекания воды несли домой кормить телят.

Сухие места на болоте также быстро покрывались травой и цветами. Очень много было одуванчиков (в народе их называли «казачки»). Было очень много лютиков (в народе их называли куриная слепота).

В основном эти два вида цветов покрывали все болото, оно было в это время желтым. Приятно было смотреть в это время на болото.

В обязанности детей входило рвать щавель. Как правило, ходили в воскресенье, рвали щавель в торбу, дома перебирали и ставили в решете в погреб. Нужно было нарвать столько, чтобы хватило на неделю. Взрослые ходили на работу в колхоз, а дети – в школу, так что в будни было некогда рвать щавель.

Когда вода начинала «цвести», то при хождении по такой воде на ногах появлялись трещинки, которые вечером начинали болеть. В таком случае ноги смазывали пеной парного молока и залазили на печь. На утро все проходило. Но на следующий день собиралось ватага детей и шли снова на болото.

После спадания воды птицы начинали гнездиться. Больше всего их было на острове озера, в купняках, там их меньше беспокоили люди.

Много птиц гнездилось вокруг озера и на озере. На озере росла рогоза, ситняк, купняк. Больше всего гнезд было на купах, где гнездились утки, курочки.

Озерные чайки (в народе «крички») гнездились на озере в труднодоступных местах, обычно где плавал мох. Крижни (утки) гнездились в большей части на сухом месте, часто на узлесье, гнездо выкладывали пухом, когда утки улетали, то яйца прикрывали пухом и травой.

Утки откладывали 10-12 штук яиц, курочки — 10-14 штук, чайки и кулики по 3-4 штук, мелкие птицы по 4-6 штук. Особенно красивые яички были в птички, которую у нас называли «чухист» - они были голубые-голубые.

Вокруг озера в многих местах были «колыханки», которые образовались как покров из моха и травы.

Когда идешь по таким местам, то под ногами этот покров прогибается – «колышется».

Между Семеняговским и Шульговским озером был небольшой остров, на нем любили гнездиться птицы. Но чтобы дойти туда, нужно было перейти протоку между озерами. Протока была глубокая с «калыханками». В этом случае дети раздевались наголо, одежду удерживали на голове и переходили на остров, где одевались, грелись под кустами на солнце и занимались поиском гнезд, рвали щавель.

Из мелких птиц на озере следует отметить очеретянку. Эта

птица свивает гнездо на очерете. Когда ходишь по озеру, то слышно ее скрипучее пение, которое длиться весь день.

Самой распространенной мелкой птицей на болоте, на поле, на опушке леса является жаворонок, который у нас называют «кочубарка», за чубчик на ее голове. Гнездяться они на земле, несут 4 штук серых яичек. В народе их любят за песни. Она под-

нимается с земли медленно и начинает петь, достигнув определенной высоты, камнем падает на землю.

С большим интересом семеняговцы встречали прилет аистов или по местному буслов. В Семеняговке было два гнезда: одно в Мойсеенко Афанасия («Видиша»), а второе — в Токаревке. Так как гнезд было мало, то обычно между «претендентами» происходили драки. В саду деда Видиша была большая липа, на которой было огромное гнездо. По бокам и снизу было много гнезд воробьев.

В народе говорили, что аисты — это божьи птицы, где они селятся, там будет счастье.

Занимались изготовлением скворечней. Лесник Стародуб Хома развозил по дворам осиновые бревна, а потом забирал готовые скворечни. Стоимость изготовления одной скворечни составляла 4 рубля. Повесить на сосну — 50 копеек. За зиму семеняговцы изготавливали несколько сот скворечней.

Трудно было птицам зимой. Часто можно было видеть как стайки птиц садились на кусты растений, где были семена. Воробьи жили в дворах, ночевали в стрехах. Синички также старались поближе к людям, их подкармливали половой, различными пищевыми отходами. Красавцы — снегири были желанными для детворы. Они ими любовались. Ловили птиц силками.

Лето

Незаметно весна переходила в лето. Большую роль для жителей хутора играло болото и озеро. До сенокоса запрещалось пасти скот на болоте, за исключением отведенного участка. Им обычно был район от шульговского поля возле озера до Семеняговского озера, так называемые Сидоровки. Здесь пасли колхозные лошади и телят колхозников. Травы здесь было мало, поэтому телят еще подкармливали травой. Траву жали серпами и носили домой мешками и корзинами.

С огромным желанием дети ходили в ночное помогать пасти лошадей.

Кроме травы на озере рвали рогозу, ситняк, белые лилии. В жару купались. Вода была теплая. На два озера был один човен. Его периодически забирали к себе то шульговцы, то семеняговцы. С човна удобно было рвать рогозу, ситняк, лилии и ловить топтухами рыбу. А осенью охотники на уток охотились с човна.

Рогозу и ситняк рвали охапками, выносили на берег, садились в круг, чистили нижнюю часть и ели. В выходные дни охапки ситняка и рогозы несли домой и кушали всей семьей.

Лакомством были и белые лилии, желтые не кушали.

Траву аира (в народе ее называли «пахучая трава») также рвали и кушали нижнюю часть. Кушать рвали только ту траву, которая росла в воде, так как на сухом месте она была горькой. По преданию аир на Украину занесли татары: у них измельченный аир был у каждого воина, применялся от различных болезней. Семена попали в болотистые места и произошло быстрое распространение по всей Украине.

Привяленные стебли аира и рогозы ложили в сарай, где не было солнца. Во время уборочной изготавливали перевесла для снопов.

А ситняк зимой применялся для сбора воды на окнах. В многих хатах окна были одинарные и в большие морозы обра-

зовывался лед, а на весне таял и получалось много воды. Люди ходили зимой на озеро и резали сухой ситняк, а потом делали пучки из ситняка длиной где-то 10 см. Ставили на окно, пучки всасывали воду, которую потом выжимали в ведро.

Когда на озере рвали рогозу или ситняк, то на ноги присасывались пиявки. Иногда по несколько штук, кусали до крови.

В дождливое лето появлялись первые грибы - «колосовики». За грибами с большой охотой ходили как дети, так и взрослые.

Ягоды в жизни семеняговцев особого места не занимали. Ягодники от хутора находились далеко: земляники в лесу за Жидиничами, черники — за Днепром в белорусских лесах. В нашей Пуще земляники было очень мало, а черники вообще не было. Семеняговские женщины ходили за земляникой в жидиничский лес с ночевкой в Жидиничах. Приносили по ведру или по небольшой кошолке. Шли ягоды в это время в основном на вареники.

А вечером, когда стемнеет, почти в каждом дворе варили кашу-отливанку. В это время печь не топили: было жарко в хате, часто приходилось завешивать окна рядном, а на пол лили холодную воду. Тогда, когда варили вечерю во дворе, огни в темноте были видны далеко, их по хутору было много, интересно было смотреть на эту картину.

Для колхозников в это время основной проблемой была борьба с сорняками на колхозном поле и на своих участках.

Каждому двору на женщин выделялась определенная площадь для прополки картошки, льна, проса. А если сорняки одолевали другие культуры, то и здесь нужно было вести борьбу. Бригада огородников также в это время вела работу по уничтожению сорняков. Много работы было для колхозников и на своих участках.

Донимала в это время мошкара. В каждом хозяйстве была емкость, где ложили огонь и куда бросали кизяки, зеленую траву.

На колхозном поле делали дымовую завесу от мошек из кучи дров, на которую набрасывали зеленую траву. В дождливые годы было очень много мошек и коров выгоняли на пашу только ночью, когда не так донимали мошки, и не было жары.

В это время плели корзины из лозы, ловили кротов кротоловками. Шкурки кротов хорошо ценились: платили деньгами и пшеничной мукой.

В жаркую погоду купались в копанках, на озере. На болоте было много копанок. Они располагались вокруг Семеняговки. В копанках стирали белье круглый год, выбивали весной полотно.

Ходили купаться в речку Пакульку. Любимым местом для купания был поворот речки между Линеей и Пакулей. Здесь была большая яма. Детей собиралось много, они купались под присмотром старших, так как на яме был водоворот.

Вода в речке была очень чистая. Когда ловили рыбу удочкой, то видно было дно. Вода текла медленно.

Видеофильм про Пакуль начинается с этого места. А лес под речкой от Линеи называют Пакульской Швейцарией.

Особенно был интересным период косовицы. Где-то в июне, когда дозревала трава, начиналась косовица. Косили на болоте, в Грабовиках, в Липках и на лугу возле Днепра и за Дубовом.

Все стремились участвовать на косовице, так как одна десятая часть сена раздавалась колхозникам. У каждого была корова, а за сеноуборку на двор приходилось около 2-х возов сена, что было достаточно для одной коровы.

В каждой бригаде собиралось косарей человек 10-15. Им отводилась определенная площадь для кошения. Они становились друг за другом и косили. Все были в белых рубашках, это выглядело красиво. Периодически они останавливались, вынимали «мантачки» и точили косы. Тогда раздавалось: «Дзинь-дзинь». За косарями ходили толпой дети: косари могли выкосить гнездо птицы, зайца, а самое главное — гнездо диких пчел. Гнездо пред-

ставляло собой кучку мха. Тогда все косари останавливались. Кто выкосил, одевал на голову дополнительную рубашку, раскрывал эту купку мха, забирал мед и убегал от пчел подальше. Мед потом делили между косарями и детьми. Мед диких пчел был очень вкусным.

За детьми важно шествовали аисты: им после скоса травы было легко ловить лягушек. Аистов на болоте было много, так как они слетались с окружных сел. Через несколько дней после скоса травы ее ворочали граблями, чтобы быстрей сохла. Сухое сено сгребали и делали копны. Эту работу обычно делали женщины, но помогали и дети. Копны лошадьми стаскивали до одного места, где складывалось в стог. После этого граблями зачищали начисто, эту работу часто поручали детям.

Вокруг Семеняговки на болоте стояло много стогов. Забирали их зимой саньми на ферму по мере необходимости. В стогобычно укладывали 60-80 копиц.

Конечно, эти стоги до зимы превращались на подобие грибов: их колхозники ночью обскубывали.

Когда сено было в стогах, разрешали пасти телят. Для детей этот период был долгожданным. Собирались человек по 5-10 каждый со своим теленком и гнали их на пашу. Обычно выгоняли на день два раза: утром до обеда и после обеда до вечера. Телята очень быстро поправлялись на болоте, так как травы было много, а потом и отава росла.

А для детей было раздолье для различных игр. Любимой игрой были жмурки (у нас она называлась «застукач»). Кустов было очень много, рядом стояли стога сена. Так что было где спрятаться.

Часто играли в карты. Карты были самодельные из картона. Девушки садились где-то в стороне и пели песни, либо вышивали. Если был кто-то постарше, то вокруг него собирались слушатели из детей и слушали их рассказы. Обычно это были участники войны.

Телята паслись, как правило, в одном месте и каждая группа делала себе будку. Выбирали большой куст, вырезали внутри лозу, ставили колья с перекладиной, сплетали внутри лозу. Потом покрывали травой, внутрь заносили сено и будка готова.

Во время дождя она не промокала. С каким удовольствием во время дождя дети сидели там, играли в карты, либо слушали рассказы старших.

В это время вокруг Семеняговки было много будок.

Сенокос на лугу возле Днепра превращался в целую кампанию. Отправлялись на возах бригадами, брали с собой продукты, казаны, одежду, обувь, ну и конечно косы. Рыбаки брали с собой удочки, волоки, топтухи.

Часто косари брали с собой подростков, они также помогали убирать сено. Интересно было ходить на Днепр и смотреть пароходы, баржи, особенно ночью. Донимали, конечно, комары, но зато было интересно. Через несколько дней ехали женщины ворочать, а потом и сгребать.

Косили сено также на острове «Задубов». Туда переезжали речку лодками, а сено забирали зимой.

А когда дозревала садовина, то нужно было охранять сад. В Семеняговке хорошие сады были у Токаря Ивана Артемовича, Стародуба Ивана Лукича, Черниченко Николая Никифоровича, немного хуже — у Стародуба Евдокима, Черниченко Марии Зиньковны, Черниченко Ефима Павловича. С большой охотой ночевали в саду как взрослые, так и дети. А если еще с детьми была собака, то это уже счастье. Под деревья ложили постель, редко кто делал будку. Взрослые рассказывали различные истории.

Часто, глядя на луну, на которой были пятна, старики говорили, что это два брата ложили сено на воз и брат, который подавал сено на воз, заколол брата, стоявшего на возу. А в небе ярко светили звезды, сиял Млечный путь. И все это под песни, которые пели вокруг Семеняговки в Ковпыте, Шульговке, Пакуле, Линее. Постепенно все засыпали. А утром старики про-

сыпались и смотрели на своих «помочников», которые сладко, сладко спали, и ждали, когда они проснуться.

Уборочная

Земли семеняговского колхоза располагалось возле хутора Семеняговка, в Липках, за Ковпытой в Галах. Сеяли рожь, ячмень, овес, гречку.

Первым дозревал ячмень, потом овес, рожь. Последнюю косили гречку, ее сеяли как правило поздно на низких местах. Проса сеяли очень мало.

Косилок после войны не было. Женщины жали рожь, ячмень, просо серпами. Мужчины косили овес и гречку. Для этого косу оборудовали гребцами, позволяющими делать ровными ряды. Косой с гребцами косили и высокую траву.

Снопы вязали при помощи «цурки», перевесла делали из той же культуры, что вязали. Снопы потом укладывали в копны по 40-60 штук. Потом возили возами в хутор. В колхозе была очень большая клуня, куда вмещалось почти все, что было выращено. А зимой молотили цепями, а когда после войны появились молотилки, то ими. Привод осуществлялся от трактора. Стало на много легче. Зерно в мешках отвозили в коморы, их было две.

Возили снопы возами, запряженными либо лошадьми, либо быками. Из Липок возили по песку, было трудно и животным и людям.

В Галы отправлялись рано утром часов в шесть. Ехали сначала женщины с серпами, жали, складывали в копны. Потом по мере возможности возили в хутор в клуню. В Галы за день можно было сделать только две ходки за снопами.

После того, как жнивье сложено в копны, разрешалось собирать колоски. После войны это было подспорье хозяйству колхозника.

Возле хутора было убирать зерновые проще. Каждой женщине давали норму. Выходили всей семьей и выполняли всю работу.

Осень

Наконец и осень. В колхозе убраны зерновые, осталась только гречка и картошка. А на огороде капуста и морковка.

У колхозников наблюдалось та же картина. Но еще была не убрана кукуруза.

В это время в садах колхозников уже дозревали плоды на деревьях: груши, яблоки, сливы. Было что покушать и заготовить на зиму. В Липках собирали плоды дикой груши и яблони.

И конечно же любимым занятием был сбор грибов. Осенние грибы менее червивые, чем летние. Шла заготовка грибов на зиму.

Мармиль Григорий принимал грибы на засол и маринование. У него был большой котел, где он варил грибы, были бочки. Периодически машина приезжала из Чернигова забирала заполненные бочки грибами и оставляла пустые.

Наконец начиналась вторая уборочная – уборка картофеля, как в колхозе, так и в колхозников.

Каждому двору доводилась площадь картошки, которую нужно убирать. На уборку выходил весь хутор. В первые дни сразу появились огни на поле: пекли картошку, эту работу обычно поручали школьникам.

Картошку копали и на своих участках. Так как копали до поздна, то вокруг хутора были огни, которые были в темное время далеко видны. Это была интересная картина, когда столбы дыма поднимались вверх вокруг Семеняговки, да и в других хуторах.

Печеную картошку ели на полянке, привозили домой и кушали с огурцами, помидорами, яблоками, грушами – что у кого было.

Школьники пасли телят на болоте до темноты. В это время кукуруза уже была спелая. Любимым занятием детей было печь кукурузу на углях. Початок одевали на палочку, вращали его

пока он не спечется. Ели с большим удовольствием.

В сухие годы, когда на болоте часто горели торфяники, картошку пекли прямо в горящих торфяниках.

Осенью на Михайла оканчивался период выпаса скота. В этот день пастухам выносили «выгонщину»: буханку хлеба, кусок сала, а иногда и отрез полотна.

Первую выгонщину пастухи получают весной на Пасху.

После Михайла пастух берет мешки, безмен и едет подводой за платой по дворам. Была установлена плата — за 1 корову пуд ржи (по согласованию рожь могли заменять другим зерном).

После Михайла коров нужно было пасти самым хозяевам, если не выпал снег.

При хорошей погоде коров пасли в Грабовиках, Пуще, Стародубино, в Кудиновой займе.

Для семеняговцев большой проблемой была выпечка хлеба. Две ветряные мельницы обслуживали весь сельсовет, водяные мельницы уже были демонтированы. Для каждой семьи по очереди мололи один пуд зерна. А в безветренную погоду мельницы вообще стояли. В таких случаях выручали жорна — ручные мельницы. На них мололи муку для выпечки хлеба и для корма скота. В это время появился анекдот. Одна девушка из города вышла замуж в село. Ей приходилось молоть зерно на жорне. Работая, она приговаривала: «Как у мамки жила, чай с кофе пила, а теперь дери-дери».

Праздники

Наиболее отмечаемыми праздниками в хуторе были следующие: Рождество, Старый Новый год, Пасха, Троица.

Что касается советских праздников, то их отмечали без особого интереса.

Рождество праздновали 7 января. Как правило в это время бывают большие морозы. Люди готовились к празднику заранее:

кололи кабана, готовили колбасы и другие угощения. А 6-го января были колядки. Песни коледовальников до революции и после значительно отличались. До революции люди жили хорошо, поэтому коледовальникам давали такие угощения как колбасы, сало, хлеб, конфеты, пряники, калачи. Ходили колядовать как дети, таки взрослые.

А после революции в годы коллективизации жизнь стала беднее и праздники справляли скромнее. Кроме того, советская власть просто запрещала отмечать религиозные прздники, особенно притесняли школьников и молодежь, убеждая их в том, что это пережитки прошлого.

Большие трудности были в жизни людей после войны. Коледовальников угощали в основном сушкой (яблоки и груши) совместно с семечками тыквы. Редко кто давал конфеты, пряники, да и то детям родственников.

А на старый Новый год щедровали 13 января. Песни щедровальников отличались от песен колядовальников. А угощения были в основним такими же. Долгожданный весенний праздник Пасху отмечали с большим уважением. Оживала природа, настроение у людей было приподнято. Хотя власти по распоряжению райкома партии в Субботу и Воскресенье организовывали в колхозе рабочие дни, даже в плохую погоду (дождь, холодный ветер) людей заставляли работать. С какой неохотой они шли на работу. За каждый день в район поступали сводки, сколько колхохников вышло на работу. Ну а детвора на Пасху ходила хрестовать, их угощали крашенками, пасхой.

Любимым праздником семеняговцев была Троица. В этот день в хуторе был Храм. К этому дню готовились все: и взрослые, и дети. Делали генеральную уборку в хате, развешивали траву аира, ветки липы, различные цветы, а во дворе на кольях, на воротах крепили молодые березки или просто их закапывали в землю. Готовили различные кушанья, кто какие мог, гнали самогон, покупали в магазине водку и вино. В этот день приходили

гости из соседних сел, приезжали из Коцюбинска и Чернигова. Погостив у одного, компания переходила к другому. Обычно шли по улице уже пьяными. И когда встречались несколько компаний, то редко когда расходились мирно. Часто завязывались драки, в ход шли кулаки, рвали друг на друге рубашки, а потом в ход пускали колья. Женщины старались унимать драчунов, их, как правило, пьяные не были. Самым курьезным случаем была драка в хате Черниченка Афанасия. Его сын работал в Коцюбинске на почте. Он пригласил к себе товарища по работе. А Афанасий пригласил председателя колхоза Бориска Дениса и других гостей. Подвыпившие начали спорить: гость из Коцюбинска и Бориско Денис. Дело дошло до драки, в которой гость из Коцюбинска повалил Бориска на пол и откусил ему брову. Тот взревел, бросился к гимнастерке, где у него был пистолет, и закричал: «Застрелю!». Тот видит такое дело, выскочил из хаты и болотом убежал на Ковпыту, а оттуда уехал в Коцюбинск. Бориска перевязали, так он ходил с перевязанной бровой месяца два. Над ними в селе долго смеялись люди.

Школа

В 1943 году в «колбуде» колхоза организовали школу, так как в Пакуле школу сожгли немцы. Учились в две смены: в первой младшие классы, во второй – старшеклассники. В Семеняговке было организовано 6 классов обучения, в 7-й класс ходили в Ковпыту, там была тогда восьмилетка.

Заведующим школы был Рахубовский Максим Иванович, завучем — Липко Александр Павлович. Рахубовский жил один год в Постола Григория Степановича, а потом перешел в школу. Липко жил в хате Репич Гали.

Первыми учителями были: Бригинец Парасковия Дмитровна, Помазная Надежда Денисовна — они жили в Ковпыте, Гапшенко Галина Даниловна — жила в Пакуле.

Потом приехали две учительницы: Галина Григорьевна и Варвара Яковлевна, которые жили в Репич Терешка. Был учитель Йовенко, он жил в Репич Харитины.

Позже из Пакуля ходили в Семеняговку Кириченко Григорий Прохорович – он преподавал математику, Микитенко Василий Николаевич – он преподавал украинский язык, Кононенко Василий Пантелеймонович преподавал русский язык, Кононенко Галина Денисовна преподавала ботанику и природу.

Кириченко Григорий Прохорович

В Семеняговскую школу ходили

дети из Конюшовки, Пакуля, Линеи, Пильни (старшеклассники).

Сразу после войны не было тетрадей, учебников. Учителя приносили свои учебники. Что надо записывали на доску мелом, а ученики переписывали на бумагу, писали на любом клочке бумаги, в том числе на газетах. Не было чернил. Чернила делали

Директор школы (1949-1953 гг.) Кононенко Василий Пантелеймонович

из сажи и сока свеклы. Чернильницы были из бутылочек. Ручки делали из деревяных палочек, к которым привязывали ниткой гусиное перо. Часто книгу учитель давал домой на несколько учеников. Постепенно начали поступать в школу книги, тетради. Книгу продавали на несколько учеников, теради — по списку по 2-3 шт. на ученика. Это было уже хорошо.

Большинство детей ходило в школу босиком до первых морозов, а потом уже кто в ботинках, сапогах, а кто и в лаптях. Одежда была старая, рваная.

Рубашки были из домотканного полотна, окрашенные в сок крушины или других ягод.

Было трудно и ученикам, и учителям. Учителя жили по хатах и часто с одной семьей хозяина: хат, где было две жилых комнаты, было очень мало.

Школа совместно с сельским советом делали все, чтобы дети ходили в школу. Особенно трудно было заставить учиться «переростков»: они не хотели учиться, да и нужно было работать дома и в колхозе. На весне во время большого перерыва

Микитенко Василий Николаевич

наблюдалась такая картина: из школы вырывались ученики и бежали в Токаревку за Демида пить сок: там росли три большие березы, между ними стояло корыто, куда стекал сок. У кого были деньги бегали через дорогу во двор Гриня в магазин, там можно было купить за 15 копеек (после обмена денег в 1947 году) стакан морса, продавались также пряники и конфенты. В Семеняговке позже оформилась 4-х летняя школа, в пятый класс уже ходили в Пакульскую семилетною школу, которая была организована в хатах.

Библиотеки в Семеняговки не было, ходили в Пакуль – там была библиотека в хате.

В штате школы были техработница и завхоз.

Техробка должна была подметать классы, топить печку, звонить с урока и на урок. Техработниками были Заводенко Параска, Постол Дуня Григорьевна с 1947 года по 1950 год. Зарплата тогда техработницы составила 20 рублей в месяц. После Дуни техработницей стала Постол Ганна Пилиповна.

Завхоз должен был содержать школу в надлежащем виде,

обеспечивать школу дровами. Одно время завхозом был герой Советского Союза Конюша Есип Андреевич.

По окончании школы в Семеняговке давали свидетельство об окончании начальной школы. После окончания Семеняговской школы дети ходили в Пакуль в 5-7 классы.

Учились в 5-ом классе в Пивня Владимира Лукича, в 6-ом – в хате Малахи, в 7-ом – в хате Штых Григория.

Занятия были во вторую смену, после двух часов. Зимой после окончания уроков было темно. У нас почти у каждого школьника был самодельный фонарь. В нем устанавливали пузырек с керосином и фитилем и закрывали стеклом. Зажигали его по выходе из Пакуля в том месте, где сей час подстанция. Из хутора было видно наш свет. Люди говорили: «Идут наши светлячки». Зимой во время метели мы часто блудили, фонари тогда не помогали.

Кино

Первое кино показывали на колхозном дворе в Токаревке, где была построена маленькая коморка где-то в 1935 году. В этой коморке был магазин, в котором торговали Гринь и Постол Максим. На стене этой коморки вывешивали белое полотно и показывали немое кино. В этой установке киномеханик вращал динамомашинку за ручку, при этом вырабатывалось электричество для проекционного аппарата. Об этом рассказала дочка Гриня – Дуня.

Позже, после постройки колбуда, кино показывали в нем. Но тоже немое и так же приходилось вращать динамомашину за ручку. Но люди ходили смотреть на это «чудо» с большим интересом.

После войны кино в Семеняговку начали возить где-то в 1946 году. Передвижная установка состояла из бензинового двигателя с динамомашинкой, кинопроектора, экрана и динамика, которого люди называли «Рупор».

В школе в самом большом классе устанавливали кинопроектор, на стене вешали экран и динамик, а движок устанавливали за школой.

Киноустановку возили из одного села к другому летом на подводе, зимой — на санях.

За несколько дней до демонстрации кинофильма вывешивали объявление с наименованием фильма.

В кино приходили из соседних сел: Пакуля, Ковпыты, Шульговки, Линеи, Конюшовки.

Класс набивался до отказа, дети располагались возле стен и возле экрана, а взрослые – на партах. Были случаи, когда дети вынимали стекло окна и в класс налазило много без билетов.

Кино демонстрировалось вечером, когда стемнеет. Стоимость билета была для взрослых 2 рубля, для детей 50 копеек до обмена денег в 1961 году. После обмена денег в 1947 году некоторые примудрялись купить билет за старые деньги. После обмена денег в 1961 году стоимость билета в кино была для взрослых 20 копеек, для детей – 5 копеек.

Некоторые стремились взять киномеханика к себе на ночлег, тогда семья смотрела кино бесплатно.

Киномеханик часто пускал в кино не только за деньги, но и за кусок сала или пару яичек.

Иногда кино оплачивал колхоз. В этом случае возле школы стояло два столба, на которые вывешивали экран и динамик. Аппарат ставился на открытом воздухе. Кино продолжалось даже тогда, когда шел дождь, а зрители не уходили. Людей в таких случаях было особенно много.

В послевоенный период демонстрировались следующие фильмы: «Дети капитана Гранта», «Александр Матросов», «Чапаев», «Аршин Мал-Алан», «Подвиг разведчика», «Выборгская сторона», «Ленин в октябре», «Запорожец за Дунаем», «Царевна лягушка» и др.

Радио

Первое радио в Заболото сделал Заводенко Яков перед окончанием войны. Он первый в хуторе объявил об окончании войны.

Второе радио в Семеняговке сделал Стародуб Виктор Евдокимович уже после войны где-то в 1950 году. Оно состояло из антенны, которая монтировалась на 2-х жердях в саду и детекторного приемника с наушниками. Было много желающих послушать радио.

Первый радиоприемник на батареях «Рекорд» купил Мармиль Федор. К нему собиралось много людей послушать последние известия или концерт по заявкам. Часто набивалось много детей в хату, они ложились на пол и слушали радио.

Перепланировка хутора

Расположение улиц в хуторе Семеняговка сформировалось на протежении многих десятилетий. В хуторе сложились названия улиц, где жили однофамильцы. Такими улицами были: Мартыновка — где жили Черниченки, Ченцовка — где жили Царенки, Примаковка — где жили Примаченки, Токаревка — где жили Токари.

В 1948 году была осуществлена перепланировка хутора. До этого в хуторе были узкие кривые улицы, по которым нельзя было разминуться двумя возами с сеном или дровами. Кроме того улицы были разбиты, после дождя ни проехать, ни пройти.

Перепланировку хутора разработал землемер Молодчий. После перепланировки улицы стали прямыми и широкими, по сторонам сделали откосы для стека воды. Пробили новые улицы.

Редко у кого осталась на месте хата или хлев. Переселялись постепенно где-то около трех лет.

После перепланировки в хутор переселились несколько семей из Конюшовки, Заболото.

Землемер Молодчий после выполнения работ женился на учительнице Галине Григорьевне, которая жила в баби Ведилянки (Репича Терешка). Потом она прислала письмо Постол Дуне Григорьевне, в котором писала, что она очень довольна своей жизнью с землемером Молодчим.

После перепланировки образовалась новая часть хутора, которая возникла возле цегельни. Эту местность назвали «Груд», так как она возвышалась над ближайшими землями.

На время перепланировки в хуторе было (без Заболото) 73 двора, жителей — 280 человек, в том числе — 180 детей, школа, две ветряных мельницы, две коморы, одна большая клуня, колхозный двор в Токаревке, где был коровник, конюшня, пожарная, колодец.

Снабжение хутора товарами.

Постепенно налаживалось снабжение населения различными товарами. В Ковпыте открылись магазины сельпо, где можно было купить керосин, спички, гвозди, мыло и другие мелкие вещи.

По селам ездил на подводе из Ведилец корявник, который в обмен на ветошь и яички давал спички, шпильки, иголки, мулине, нитки, крючки для вязания, рыбальские крючки, а школьникам перья, ручки, карандаши, чернильницы, таблетки для приготовления чернил.

Он ехал по селу и кричал: «Тряпки-карепки». А после него торговал его сын.

Часто по хутору ездили гончары, которые на специальных возах, упакованных сеном, возили различную гончарную посуду. Денег они не брали, а продавали посуду на отсыпь зерном.

А в основном за различными товарами люди ездили в Чернигов либо попутным транспортом, либо из Малеек поездом, а то и просто пешком.

жизнь молодежи

Молодежи в Семеняговке было много и до революции и после где-то до 1960-1970 годов, когда молодежь начала уезжать из села в город.

Семьи до революции были многодетными — 6-8 человек, а то и 10-15 человек. После войны, конечно, семьи были 4-6 человек, редко 7-8 человек.

Так что молодежь разных возрастов нуждалась в местах, где им можно было бы пообщаться. В каждом хуторе были любимые места, где собиралась молодежь.

До революции таким местом для молодежи Семеняговки, Салниковки, части Ковпыты, Линеи и ближайших дворов Пакуля было место в районе «Вокзала», которое находилось на горбу, расположенном между Салниковкой, Линеей и Семеняговкой. Здесь до революции было где-то 6-7 дворов.

В Семеняговке молодежь собиралась на Рынке или еще подругому Пятиуглах, возле Пилипицы, в Заболото возле Сапона. Перед войной молодежь собиралась на территории колхоза, где играла скрипка.

Традиционно были песни и танцы. Из музыкальных инструментов была скрипка, мандолина, балалайка. И до революции и после гармошек не было, они появились где-то в 50-60 годах.

Молодежь обычно собиралась вечером в субботу и воскресенье, а также в праздничные дни, но были случаи, что по праздникам и днем. Это было в летние дни на Троицу и на другие праздники. Зимой, как правило, собирались у кого-нибудь в хате на вечерницы, где были «дівки-чарівниці».

Скрипка была в Леляка в Конюшовке. Он жил с женой Мотей и двумя сыновьями, когда их приглашали на свадьбу играть, они приходили втроем, а дома оставалась Мотя. На свадьбе они под

музыку пели: «Мотя дома, нас тут три». А он с собой брал двух сыновей, чтобы хорошо погостевать на свадьбе.

Песни раздавались также в Шульговке, Ковпыте, Пакуле, Линее. Пели не только девушки, но и парни. Особенно было интересно слушать песни в период весеннего разлива озера, когда вода заполняла болото между Семеняговкой, Шульговкой, Ковпытой и Салниковкой. Тогда эхо разносилось на большие расстояния. А зори здесь были тихие, светила луна, люди радовались жизни.

Часто бывало так: в одном селе кончали петь, а в другом начинали и так часов до двенадцати ночи. Не пели только в непогоду (снег, дождь, сильный ветер).

Самые популярные песни в хуторе после войны были:

- 1. Розпрягайте, хлопці, коні.
- 2. А вечір вечоріє, Маруся йде гулять.
- 3. Катюша.
- 4. Летят перелетные птицы.
- 5. На позиции девушка провожала бойца.
- 6. Одинокая гармонь.
- 7. Ой, цветет калина.
- 8. Пшеница золотая.
- 9. Услышь меня, хорошая.
- 10. Лучше нету того цвету.
- 11. Ой, рябина рябинушка.
- 12. Каким ты был.
- 13. И кто его знает.

Любимой песней молодёжи была песня: «А до мене Яків приходив»

А до мене Яків приходив,

Коробочку раків приносив!

А я тії раки забрала,

А Якова з хати прогнала:

«Іди, іди, Якове, з хати, Бо на печі батько та мати, А в запічку батькові діти, Ніде тебе, Якове, діти».

Не пішов же Яків додому Та заліз у хижку в солому, А собаки гавкати стали, Поки батько й мати не встали.

Наробили галасу діти Так, що нудно в хаті сидіти, Я забрала раки у миску, Сама пішла спати у хижку.

Коли туди й батько приходять I у мисці раки знаходять: «Хто з тобою тут женихався I хто приніс раки? Признайся!».

Поки мене батько питався, А мій Яків з хижки убрався — Через тин та через городи, Наробивши батькові шкоди.

«Не приходь же, Якове, ніччю, Бо буде сторожа під піччю... Мене батько й мати все лають, А що тебе ніяк не піймають...»

На весне молодежи часто «подпевали» лягушки. В это время вода спадала, а температура воды повышалась, размножались миллионы лягушек. Вода покрывала все пространство между Семеняговкой, Шульговкой, Ковпытой и Сальниковкой. В те-

плую звездную погоду, начинал где-то с 10 часов вечера и до полуночи, каждая лягушка начинала квакать. Кваканье огромного количества лягушек превращалось в сплошной гул, усиливающий водой. В народе его называли «лягушечий концерт». Его не было в непогоду: дождь, большая облачность. Оканчивался он в полночь, как бы совместно с пением молодежи.

Все это прошло, изменилась природа, не стало молодежи в селах. «Замолкли звуки чудных песен, не раздаваться им опять».

Следует отметить тех, кто хорошо пел в эти годы в хуторе. Среди девушек это Мойсеенко Маня Борисовна и Снитко Ольга Омельяновна. Среди женщин — Гаркуша Параска «Приколка», Токарь Галя «Боровичка», жена Токаря Василия Ивановна. После переселения из Конюшовки хорошо пели два брата Радченки: Миша и Гриша Ефимовичи. Они часто после работы садились на скамейку возле своего двора и пели. Их пение было слышно на всю Семеняговку.

Большой популярностью пользовались украинские песни у других народов. О таком случае упоминается в книге В. Шендеровского «Нехай не гасне світ науки» (издательство «Рада», Киев, 2003 год).

«Так, майбутній канадський прем'єр Джон Діфенбейкер (німецько-шотландського походження) в молоді роки жив на фермі серед українців. Почувши українські пісні, яких співали дівчата у суботу після праці, він так захопився нашими національними мелодіями, що нетерпляче чекав кожного наступного вихідного дня, аби послухати їх. І вивчив нашу мову. А ставши прем'єром Канади, захищав поневолену Україну на міжнародних форумах, засуджував русифікацію та етноцид, викликаючи лють комуністичних ідеологів».

Вышивки

В Семеняговке вышивки были потребностью для жизни молодежи. Техника вышивания передавалась от поколения к поколению.

Каждая девушка до замужества должна была себе вышить одежду, рушники. Некоторые женщины занимались вышивками до самой

Постол Дуня Григорьевна (слева), Заводенко Люба Кузьминична

Репич Галя за работой

Стародуб Надя Фоминична (слева), Дорошок Мария Ефимовна Фото 24/3-1954 г.

Слева Снитко Катя с Постол Дуней Григорьевной

Черниченко Надежда Михайловна (в центре) на выставке своих работ

старости. Вышивали дома, на вечорницах, на болоте, в Липках, когда пасли скот. Когда девчата вышивали, они и пели.

Красоту вышиваных изделий представляют приведенные фотографии.

иополёми полгаов

Большой популярностью у молодёжи пользовалось групповое фотографирование, а также фотографирование с велосипедом.

Свадьба Постол Дуни Григорьевной с Радченком Владимиром Петровичем

Верхний ряд слева направо: Дорошок Дмитрий, Заводенко Петр Кузьмич, Мойсеенко Петр Павлович, Примаченко Владимир Яковлевич Внизу слева направо: Черниченко Владимир Антонович, Черниченко Василий Моисеевич

Слева направо: Ковальчук Вера, Невкрас Валя, Стародуб Галя

Слева направо: Стародуб Оля, Заводенко Дуся Алексеевна, Мармиль Галя, Невкрас Галя

Слева направо: Моисеенко Дуся, Стародуб Валя, Шурута Дуся

Слева Заводенко Алена Ивановна, Стародуб Евдокия Артемовна, Репич Галя

Слева Мармиль Галя, в центре Шуруга Дуся, справа Заводенко Дуся

Слева направо: Черниченко Уляна Ивановна, Постол Ганна Григорьевна, Заводенко Галя Яковлевна

Невкрас Андрей

Примаченко Петро Васильевич 12.10.52 г.

Якубец Михаил Демьянович

Якубец Ефросинья Демьяновна с двоюродным братом Бригинцем Василием

Игры детей

Эти игры можно разделить на две категории: игры, которые были круглый год, и игры весенние.

Игры круглого года: жмурки, карты, шашки, домино.

Весенние игры: круг, дучки, кули, городки, классы.

Долгожданными и любимыми играми были игры весенние.

Игра в «Круг». Дети делились на две группы. Перед этим сначала по двое уходили в сторону и договаривались, кто будет «дуб», а кто «береза». Потом все дубы отходили в одну сторону, а березы — в другую. Чертили круг диаметром 10-12 метров. Одна группа уходила в круг, а другая убегала в сторону и тайком кому-нибудь отдавали мяч. Потом равномерно располагались вокруг круга, могли постепенно передвигаться по краям круга. Наконец, тот, у кого был мяч, бросал мяч в одного, находящего в круге. Все разбегались в стороны. Один из находящихся в круге быстро хватал мяч и старался попасть в убегающего игрока. При попадании мяча в убегающего игрока, последний должен выбыть из игры, а если нет — то выбывал из игры тот, в кого попал мяч. Если из круга выбыли всех игроков, которые были за кругом, то в круг заходили те, кто был за кругом.

Игра в «Дучки». Собиралось несколько детей. В земле делались лунки (дучки) по числу играков на таком расстоянии, чтобы можно было стать игроку на свою дучку, не мешая соседу. Дучки распологались в один ряд. Кто-то один из игроков катил мяч вдоль дучек. В чью дучку попал мяч, тот его быстро брал и старался попасть в убегающего игрока. Если мяч попал в кого- нибудь, то оставшиеся игроки становились на дучки, а «выбитой игрок» должен быть пролезть между ног игроков. При этом пролазившего хлопали сзади рукой.

Игра в «Кули». Собиралось два игрока с палками и «цуркой» (с палочкой длиной приблизительно сантиметров 15). На земле чертили «городок» размером где-то 80х80 см, в нем делался паз над углом приблизительно 45 градусов с таким расчетом, чтобы цурка выглядывала над землей сантиметров 5. Встанавливалась цурка в паз. Один из игроков ударял палкой по цурке. Цурка подпригивала вверх и на лету нужно было попасть палкой по цурке. Цурка улетала вдаль. Второй игрок убегал за ней, брал в руки и бросал в городок. Если он попадал в городок, то игроки менялись местами, а если нет, то первый игрок подбрасывал палкой цурку вверх и бил на лету по цурке палкой. Если цурка улетала вдаль, то второй игрок снова бежал за ней. А если нет, то она падала недалеко от городка. В этом случае не представляло труда бросить цурку в городок. Игроки менялись местами.

Игра в городки и классы происходила, как и сейчас.

«Проводы русалок». Традиционно русалки провожали дети. Это происходило летом на Ивана Купала. В Семеняговке детвора собиралась возле Креста, который стоял на пересечении дорог от мельниц в хутор и от Токаревого Семена на Линею. Девчата были в венках, которые плели из волошек или других цветов. От Креста дети шли сначало до Ефимашиной мельницы, а потом до Мойсеевой. Обычно здесь ход и кончался. Русалки проводили вечером, когда садилось солнце. Оно в это время было большое и красное. Взрослые смотрели вслед детворы и вспоминали свое быстроушедшее детство. Традиция провожать русалки была и до войны и после.

«Качели на Петра». Тоже были традицией. Их устраивали за Токарями, в Заболото. В этот день возде качелей собиралось много молодежи.

Свадьбы

Этот раздел написан по воспоминаниям Снитко Кати, Постол Дуни и Репич Гали. Обычаи по проведению свадеб значительно упростились по сравнению с обычаями до революции 1917 года. Кроме того, обычаи могли отличаться в разных селах одного района.

В обычаи свадеб в Семеняговке следует выделить следующие моменты.

Общее руководство по проведению свадьбы осуществляют отцы и матки молодого и молодой. На свадьбу подводы украшали цветными лентами, цветами, колокольчиками. В обычай входило кланяться молодой людям, сидящим возле своих ворот, когда она идет по селу. В песни обычно вставляют имя молодого и молодой, песни оканчиваются протяжным: «У-у-у-у».

Когда в хате началась свадьба, то смотреть приходят все желающие, а детей ставят на пол или даже пускают на печь (здесь пол — возвышенность над «доловкой»).

Сватовство

Идут родители с женихом, крестный отец и мать. Могут быть дядьки с тетками. Берут с собой буханку хлеба, бутыль водки, пирог.

Сватаются обычно вечером. Сватовство начинается обычно с различных прибауток (у вас невеста, у нас жених и т.д.). Если невеста согласна выйти замуж, то она разрезает ножом пирог вдоль. Часто под аплодисменты присутствующих. Садятся за стол, выпивают по чарке. Молодая дает подарки. Обычно это вышиваные полотняные платки свахам, а сватьям – рубашки. Сваты благодарят отцов за то, что научили труду невесту и идут домой.

Через неделю идут на договор решать, когда будет свадьба. Идут отец и мать и крестный отец с матерью.

За день до свадьбы пекут коровай и шишки (различные фигурки из теста) и раздают детям вечером. Коровай и шишки пекут как в молодого, так и в молодой.

Свадьба. Молодой берет два дружка и боярина. Молодая берет 5-7 дружек, одна из них старшая.

Боярин руководит молодежью на свадьбе. Ему в различных ситуациях приходиться платить откуп деньгами. Например, когда пришивают цветок, то могут потребовать деньги на изломанную иголку или порванную нитку.

Дружки помогают организовывать свадьбу. Старшая дружка во время венчания в церкви держит венец над головой молодой, а дружки стоят со свечами рядом. Выбирают также «закосянки» по одной от мо-

Наряд невесты Фото 1908 г.

лодого и молодой. Они расплетают косы молодой. Расплетание могут выполнять или в молодой или в молодого. Молодую наряжают в одежды. Молодой с боярином и родичами едут утром до молодой на подводах, забирают ее и едут в церковь с иконами (иконы покупает мать молодой) венчаться.

После венчания приезжают домой до молодой. Старшая дружка забирает молодую и дружек и идут гулять к ней, а потом по остальным дружкам.

Молодой обычно идет домой. Старшие по возрасту гуляют в молодого. С боярином идут гости по дружкам. Потом дружки вместе с молодым едут до последней хаты, где гуляет молодая и забирает ее и везут до ее дома. Здесь завивают, венок снимают и одевают чепец и платок.

Расплетать косу молодой начинает ее брат, а потом подходят «закосянки» одна с одной стороны, а другая — с другой и расплетают косы и заплетают по-новому. Свахи от молодого поют песню:

«Ой, що ми хотіли, те ми зробили з коржа паляницю, з дівки молодицю».

После завивки выводят молодую из хаты с молодым, молодая кланяется отцу и матери, плачет. Свахи поют:

Наряд невесты 30-х гг. XX в.

«Загребай, мамко, жар, жар, Да будет тебе дочки жаль, жаль.

Закидай, мамко, трески, Да жди невестки. Закидай у печь дрова, Оставайся здорова»

Садятся на воз, едут. В воротах справляют заворотное, за вывоз молодой нужно давать выкуп, обычно одну или две бутылки водки.

По пути переезжают через огонь, обычно поджигают солому. Как правило, едут на двух подводах. На второй подводе находятся музыканты.

Заезжают во двор молодого. Снова справляют заворотное. Выходит мать жениха с хлебом: «Прошу до хаты». Заходят молодые и гости до хаты. Садятся за стол.

Угощают водкой. Приходят матки с подарками до жениха, стоят под дверьми и поют:

«Ой, свату, да пусти нас в хату, Нас тут не багато, сім раз да по семеро, Свату хату перевернемо»

Выходит молодая к своим родителям и всем остальным, кланяется, зовет до хаты. Матки заходят в хату, дают подарки молодой. Дружок обходит гостей с тарелкой, чаркой, бутылкой водки, угощают гостей водкой. Гости дают подарки: кто деньги, кто вещи. Старшая сваха забирает вещи.

«Точок» на третий день свадьбы

Пьют, гуляют, продолжается свадьба. Брат молодой везет скрыню до молодого. В молодого идет торг за скрыню. Расхваливают приданое, которое находится в скрыне, и просят выкуп. Обычно, это бутылка вод-

ки. Скрыню могут везти вслед за молодыми или привезти на второй день свадьбы.

На второй день приходят подружки молодой с песнями, несут снедать. Молодая их встречает, кланяется: «Прошу до хаты». Идут в хату, выпивают, едят. Разрезают коровай. В хате молодого также разрезают коровай. Матки едут гулять до молодой.

На второй день могут ради шутки организовать «возврат» молодой. Для этого подбирают какую-нибудь женщину и муж-

чину, одевают в рваные одежды, могут дать палку «молодой» как хромой. В таком виде ведут молодую к ее родителям, чтобы те забрали ее назад. Кончается тем, что угощают в хате молодой всех, кто пришел с «бракованной невестой».

На третий день делают точок, отдельно в молодого и молодой. Собирается 10-15 человек с гармошкой, рублем и другими предметами. Идут по селу «цыганить». За это берут деньги, продукты. Потом собираются, готовят и гуляют дальше.

О трех влюбленных парах

Об этом рассказала Радченко (Постол) Евдокия Григорьевна. Было это до войны. Среди молодежи было три влюбленных пары, которым все завидовали: молодым, красивым, здоровым. Выросли они среди пышной природы, в которой хутор просто купался. Особенно было радостно на весне, когда пьянящими вечерами молодежь собиралась в своих излюбленных местах на гулянки. Здесь зори были тихие, раздавались трели соловья.

Эти пары следующие:

- 1. Черниченко Николай Никифорович и Мойсеенко Галина Афанасьевна.
  - 2. Якубец Николай Иванович и Радченко Параска Дмитриевна.
  - 3. Якубец Евсей Иванович и Мармиль Одарка Осиповна.

Они приходили на вечер и уходили с вечера под ручку. А для семеняговской молодежи это было интересно и завидно: пройти под ручку с девушкой по хутору — это много значило.

Черниченко Николай и Якубец Николай перед войной служили в армии на Дальнем Востоке. Шли письма в Семеняговку подругам.

Якубец Евсей остался дома. Для тех, кто служил в армии и воевал на фронте, поэт Константин Симонов написал стихотворение «Жди меня», которое сыграло во время войны огромную роль в поднятии духа воинов.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега лежат,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет...

<u>Черниченко Николая</u> с Дальнего Востока перевели служить в Белоруссию. Здесь его застала война. И в первые же дни по-

Черниченко Николай Никифорович с женой Галиной

лучил ранение в ногу, попал в госпиталь. За время войны он был ранен восемь раз и всё в ноги.

Галина его ждала всю войну. Когда он возвратился домой весной 1945 года, они поженились. У них родилась дочка Ольга.

Якубец Николай

продолжал служить на Дальнем Востоке, там его застала война.

Параска жила в семье Дорошка Ефима Федоровича, она была родной сестрой его жены Ходоры. В семье ее отца, Радченко Дмитра, было много детей, а в Дорошка Ефима долго не было детей. Параску взяли на содержание. Здесь она жила, здесь она расцвела, здесь нашла свою любовь.

В начале войны в Николая и Параски по какой-то причине

прервалась переписка. Параску уговорили выйти замуж за Царенка Ивана Мироновича. Свадьба была зимой 1941 года в хате Дорошка Ефима.

В день свадьбы пришло письмо от Якубца Николая. Трудно поверить, что так могло случиться, но так случилось. Когда она прочитала письмо, залилась слезами. Она выходила замуж за нелюбимого. Плакали ее подруги. Свадьба прошла в слезах. Когда свадьба переезжала до молодого (Царенка Ивана) многие плакали. Такого в Семеняговке еще не было.

Якубец Николай Иванович. Погиб в войну 1945 г.

В мае 1943 года Иван был убит мадьярами в Липках.

А Николай дослужился на Дальнем Востоке до младшего командира, попал на фронт в конце войны и был убит в Чехословакии.

Параска пожила в Полусьмачки (в свекрови), родила дочку Ольгу и перешла жить в Конюшовку. Потом купила в Семеняговке хату на Груду и перешла жить с дочкой туда.

Якубец Евсей дружил с Мармиль Одаркой. Он был высокого роста, привлекательной внешности. Но характер у него был сложный. По какой-то причине они разошлись. Евсей женился на девушке из Пакуля — Татьяне. Свадьба была зимой 1942 года. Когда увозили молодую в Семеняговку, не хотели дать заворотнее. Заворотнее справляли полицаи из Пакуля. Завязалась драка. Сразу после свадьбы участников драки вызвали в Ковпыту в стан. Становый разобрался и приказал пакульских полицаев пропустить через строй и отлупить шомполами. А Евсею предложили идти в полицию, он отказался, его тоже отлупили шомполами. Тогда он сделал отрез с винтовки и пошел искать партизан.

После освобождения хутора в 1943 году осенью, он был мобилизован в армию, погиб на фронте в 1944 году. У него родился сын Василий.

А Одарка еще до войны вышла замуж за Мойсеенко Ивана Трофимовича. Он ушел в армию в 1939 году. После армии возвратился домой и женился на другой. В таком случае Одарка вышла замуж за Конюшу Петра, они жили возле школы в Семеняговке.

Ромео и Джульетта из Пакуля

Примаченко Михаил

В Пакуле жил Примаченко Миша, он был сиротой. В Семеняговке жила Мойсеенко Люба Дмитриевна. Ему было 16 лет, а ей не полных 16. Они полюбили друг друга и решили пожениться. Но родители Любы сильно не хотели из-за ее молодости.

Но они все таки поженились, у них была скромная свадьба. Хаты у Миши не было, им временно разрешила жить в своей хате соседка Лисавета. На второй день Репич Галя и Стародуб Дуня пошли проведать молодых. Соседка им сварила картошки и нарезала

сырых буряков и поставила на стол. Вот и все было угощение.

Потом молодые из хаты соседки перешли в Мишину землянку, которая ему досталась от родителей после их смерти.

Пришло время – Мишу забрали в армию. Люба была в поло-

жении, она плакала возле сельсовета, где была отправка новобранцев в армию. Люди, глядя на Любу, тоже плакали. Репич Галя была там и об этом рассказала.

Но им в жизни сопутствовала любовь. Их трудолюбие позволило им построить вначале не большую хатку, а потом и дом. Создали хорошую семью, вырастили детей, выучили их. У них родились четверо детей: Василий, Петр, Александр и Мария.

Они были примером для пакулян.

Примаченко Люба с внучкой

СЕМЕНЯГОВСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

Исторически сложилось так, что многую продукцию приходилось делать жителям хутора самим. К такой продукции относилось полотно, кожа, деготь, изделия из дерева.

Выделывание полотна. Полотно делали из льна и конопли. После уборки льна, его связывали в небольшие снопы, ставили в кучки на сушку, затем на рядне молотили прачом. Семена забирали, просушивали, веяли и отправляли в склад.

Стебли раскладывали на стерне, где они вылеживались месяца полтора-два. Потом собирали и складировали в помещение, где они окончательно высыхали.

Коноплю обрабатывали аналогично, разница заключалась в том, что стебли вымачивали в воде. Обычно в озере, копанке, на речке. В этих местах рыба дохла. Вымокали конопли тоже где-то полтора-два месяца. После чего вытаскивали на берег, раскладывали и сушили.

Эти операции осуществлялись с тем, чтобы волокно хорошо отделялось от костры. Просушенные конопли и лен обрабатывали на терницах, где отделялись волокна от костры.

Волокно затем чесали на гребне,

Черниченко Надежда Михайловна за работой

делали из прочесанного волокна «кудели», после чего пряли на прялке.

Пряли целую зиму. Это была изнурительная работа для женщин.

Половина ниток шла на основу, а половина на уток. Ткали полотно на станке, который в селе назывался «кросна».

Полученное суровье, как правило, несли на болото, где была вода, где его растиляли для вымачивания. Вымокшее полотно ложили на кладку и выбивали прачом. Затем несли на траву, где оно сушилось, потом снова ложили в воду, снова выбивали. Так делали несколько раз, пока полотно не делалось белым.

Выбивали полотно вокруг Семеняговки, возле Шульговки, Ковпыты, Сальниковки.

Ввиду того, что воды было еще много, то эхо разносилось по всему озеру и выбивание полотна превращалось в канонаду.

Выделывание кожи. Шкуру животного посыпали дубовой корой со стороны шерсти, заворачивали. На дно бочки ложили слой дубовой коры, на него ложили подготовленную шкуру, сверху снова ложили слой коры, потом покрывали досками, а поверху ложили камни и заливали водой. В таком состоянии бочка стояла три недели.

После этого шкуру вынимали, промывали в воде, из бочки удаляли дубовую кору. Шкуру снова так же само посыпали корой, заворачивали и процесс осуществлялся аналогично. Так делали три раза.

Затем кожу вынимали, развешивали на палку и стругом или косой снимали шерсть. Промывали в воде, чистили с внутренней стороны от различных пленок. Потом сушили, мяли, красили.

Дубовая кора приготавливалась следующим образом. В лесу с молодых дубков снимали кору, сушили в печи или на солнце, товкли в ступе.

Ценилась кожа из лошадей, коров, собак. Свиная кожа не пользовалась таким спросом, так как она пропускала воду. Хромовую кожу делали из собак.

Получение дегмя. Брали два чугуна, заполняли берестом. Один чугун закапывали в землю, на него ставили второй, стык заделывали глиной. После этого на верхнем чугуне ложили огонь. Берест без доступа воздуха и высокой температуры превращался в деготь. В Семеняговке этим занимался Стародуб Евдоким. Деготь применялся для пропитки сапог с целью предохранения от воды.

Получение льняного масла. Для этого семена льна сушили, товкли в ступе, затем поджаривали в печи, ложили в ткань и после этого закладывали в олейню, где клиньями выжимали масло. Льняное масло было очень ароматным.

В Семеняговке олейня была в Якубца Ивана Дмитровича.

Получение крупы из проса и гречки. Просо или гречку сушили на печи, затем в мешках везли на круподерку. В Семеняговке круподерка была в Постола Григория («Гриня»).

Изготовление изделий из дерева. Для изделий, соприкосающих с пищей, использовалась липа, береза, осина, клен. Из этих пород изготавливались ложки, миски, доенки, барила. Для общего пользования применялись дуб, граб, из которых изготовлялись бочки, корыта для скота.

Заготовка мха. На озере было очень много мха. Его собирали в корзины, вытаскивали на берег, раскладывали, сушили. Потом собирали в мешки. Мох применялся для утепления помещений: хат, сараев. В Семеняговку приходи за мхом из других сел. Его выгодно продавали. Возили на подводах в Чернигов для продажи.

Отвожие промыслы. В колхозе оплата труда была ничтожная. Членам семей, где было несколько трудоспособных, по справке из колхоза разрешилось работать на стороне. Это были работы в лесничестве, на торфоразработках, в Ковпытской Пуще в «Шахталесе», в Чернигове.

Работа в лесничестве заключалась в следующем: уход за лесом, чистка зарослей, чистка делянок, где поваляли лес, валять лес. Работающим, кроме денег, давали возможность косить сено для себя, выписать определенное количество леса и дров, посеять картошку, рожь, просо.

После войны лесниками из Семеняговки работали Шурута Дмитро, Стародуб Хома, Ковальчук Василь, Радченко Николай и др.

Стародуб Иван Лукич долгое время работал кузнецом в Купчине.

Больше всего семеняговцев работало на торфоразработках на различных работах. Жили на Центральном поселке, который находился возле хутора Храпатого. Там была электростанция, которая освещала поселок.

Торфоразработки были также возле Ковпытской Пущи. Где-то в 1950-1951 годах возле Мнева и Пустынек начали разрабатывать болота, где было много торфа. Это был период, когда угля было еще мало.

Болото очищали от кустов, планировали. Потом пускали торфочерпалки, которые из карьера брали торф, перемешивали и прессовали на специальные поддоны, которые транспортировали тросами на расстоянии около ста метров.

Поддоны рабочие снимали, торф ложили на грунт, а пустые поддоны ложили на нижнюю ветвь конвейера, которой они возвращались в черпалку.

Сама черпалка работала на сухом торфе. На черпалке была установлена паровая машина.

Торф в виде брикетов сушили, потом подводами или машинами отвозли на погрузочные площадки узколейки, где грузили в вагоны.

Такой торф отправляли на электростанции, в котельные жилых домов.

Вели торфоразработки также на Ковпытском болоте возле Пущи. Из Семеняговки там работали Черниченко Надя Михайловна, Заводенко Олена, Мойсеенко Ольга Ралковна, Стародуб Дуся Васильевна и др.

Когда копали карьеры Ковпытской торфоразработки, то экскаватором выкопали човен длиной где-то метров двенадцать, который пролежал в болоте долгие годы. Сообщили в Чернигов, приехала машина и забрала. Потом его забрали в Москву.

ОБЪЕДИНЕНИЕ КОЛХОЗОВ

Семеняговский колхоз «Червоный партизан» был организован в 1931 году. Колхоз объединял хутора Семеняговку, Конюшовку и Заболото. В колхозе была хорошо организована работа, земли были неплохие. Держали много скота, что позволяло навозом удобрять пахотные земли. Трудились добросовестно, урожаи были хорошими. На трудодни получали значительно больше, чем в Пакульском колхозе.

Поэтому семеняговцы с большой неохотой шли на объединение. На общем собрании за объединение с Пакульским колхозом никто не поднял руки. Но все равно Семеняговский колхоз присоединили к Пакулю.

Объединение колхозов Пакульского сельсовета произошло в

октябре 1950 года с Пакульским колхозом им. Шверника. Председателем избрали Малюгу Филиппа Федоровича.

При Малюге в Семеняговке был следующий курьезный случай. Перед косовицей собрали всех косарей в Семеняговке и Малюга пообещал: «Хто в цьому році буде на косовиці, в кущах буде стояти бочка сала. Хто скільки захоче — буде брати». На косовице возле Днепра однажды приехал Малюга, ведет беседу с косарями. Ворох Потап взял палку и пошел по кустам искать бочку с салом. Малюга увидел его и говорит: «Ворох, ти що там шукаєш?» Тот ответил: «Здесь где-то должна быть бочка с салом, никак не найду!» Все засмеялись. Об этом долго говорили в Семеняговке.

СВЕДЕНИЯ О ФАМИЛИЯХ Черниченки.

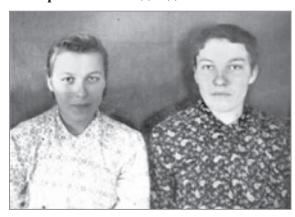
В Семеняговке фамилии пошли от Черниченко Мартына, который первым поселился в хуторе. Других данных, кто поселился раньше — нет. От него пошел Черниченко Пантелей, у которого было два сына: Ничипор и Михаил. Были ли у него другие дети — данных нет.

В Ничипора были следующие дети: Николай, Мария, Иван, Ольга. Ничипор женился на Уляне Михайловне из Пакуля, из Деркачевки. Поэтому ее в хуторе звали «Деркачка».

Черниченко Ефим женился на Василине из Ковпыты. У них были дети: два сына – Иван и Антон, и три дочери – Галя, Мелания и Палажка.

Был еще Черниченко Афанасий Дмитрович в хуторе. Он женился на Дорошок Галине Федоровне, дочери Дорошка Федора Омельяновича. У них были следующие дети: Николай, Одарка, Алена и Дмитро. Алена была многодетной матерью, она родила восьмерых детей.

Черниченко Надежда Михайловна. Родилась 14 мая 1938

Черниченки: слева Надя, справа Проня

года. Отец Черниченко Михаил Пантелеевич 1906 года рождения. Мать Мария Зиньковна из Пакуля родилась в 1907 году. Их родители были богатые. У них родились дети: Александра, Ефросиния, Надежда и Алексей.

Дед Черниченко

Пантелей купил в Ковпыте ветряную мельницу и поставил ее на своей земле. Монтаж мельницы осуществляли ковпытцы. Эта мельница досталась моему отцу по наследству.

Черниченко Ефим, родной брат Пантелея, купил в Ковпыте и себе ветряную мельницу и поставил ее на своей земле.

Работать на мельнице они обучились в Ковпыте. При кол-

лективизации отец поступил в колхоз и работал на своей мельнице. За работу ему платили трудоднями. Он был также портным, плотником, столяром, делал колеса для возов. Был на Финской войне. В 1941 году пошел на войну и погиб в сентябре 1943 года.

А Черниченко Ефим не пошел в колхоз и он был репрессирован: он и его семья были сосланы в Челябинск. По рассказу Черниченко Ульяны, дочери Ивана, его семья в это время состояла из семи человек: он, его жена Василина,

Черниченко Михаил Пантелеевич

сын Антон, сын Иван с женой Надеждой и дочерей Ивана: Ульяны и Насти. Их выслали весной 1932 года. Жили там все лето. Возвратились осенью 1932 года без Ивана и Антона, которые остались зарабатывать деньги. Они возвратились весной 1933 года. Иван поступил в колхоз. Его семья жила в Токаря Левка.

Ефим с женой жили в Мойсеенко Афанасия в его хате, а остальные в Пакуле в Гаркуши Павла Митрофановича.

Колхоз предложил купить новую хату и поставить ее в Токаревке под правлением колхоза, где уже строились колхозные помещения. Ефим купил в

Черниченко Мария Зиньковна

Ковпыте хату и поставили ее на колхозном дворе, после чего двор деда был освобожден и вся его семья возвратилась в свою хату. Иван вскоре построил свою хату и перешел со своей семьей жить туда. А Антон стал жить с дедом и бабой. Так рассказала Ульяна, дочь Ивана.

Моисей жил у нас, пока не был женат. Он доводился пасынком Шуруте Дмитру Ивановичу (его вторая жена Наталка была матерью Моисея). Когда он женился на Стародуб Марии Артемовне, ему наша мать купила хату и поставили ее рядом с нашим двором.

В 1943 году были в бегах в Липках. Когда объявили, что идут немцы, мать запрягла нашу кобылу (она была красивая, рыжая, белокопытая). На подводу сложили вещи: одежду, швейную машинку, еду. Взяли Моисеевую семью с вещами и поехали в Липки в Грабовики. Поставили в кущах воз, кобылу выпрягли, швейную машинку спрятали в кустах. А сами спрятались в круге, вокруг которого рос камыш. В круге были большие купы, на них мы сидели, как на стульях, а ноги были в воде.

Еды в спешке мы взяли мало. Проголодавшись, дети начали плакать. Мать сказала: «Пойду домой, спеку сковородников и увижу свекруху» (она была слепая и не ходячая). В бочке под навозом была мука. Она спекла сковородников, накормила свекруху и пошла в Липки.

После ухода матери, раздвинулся камыш и показался в каске немец (или мадьяр, для нас все мадьяры были немцами). Он полз на коленях. Во весь рост он не мог идти, так как его могли бы заметить другие немцы. Он услышал детский плач и приполз к нам. Моисеева Маня, испугавшись убежала, покинула нас одних. Мы, когда увидели немца, то совсем завизжали. Он сказал: «Не гут, мамка» и пошел назад.

Через некоторое время он появился снова (приполз на коленях и принес большую буханку хлеба и разделил ее на нас на всех). Что он говорил при этом не помню. Заплакал и пополз назад. Потом, когда мы об этом рассказали людям, многие говорили: «Наверное, он вспомнил своих детей».

Мы сидели и ждали. Приползла назад Маня. Мы дали хлеба и ей.

Потом пришла мать. Принесла сковородники. Воду мы брали под ногами. Поели. Сидели и ждали, пока не ушли немцы. Сидели где-то около трех дней. Потом начали собираться. Нашу подводу с вещами и кобылу кто-то забрал. Домой шли пешком. Мать несла за спиной швейную машинку, иногда брала на руки меня.

Так мы дошли до Семеняговских пагон.

Ехал Дорошок Сапон возом в порожняке, мать попросила взять хотя бы детей. Но он отказал. Потом ехал Токарь Семен. На подводе сидели дети и были вещи. Он взял на подводу детей и швейную машинку. При этом сказал матери и Мане, чтобы придерживали детей. Доехали до Семеняговки. Как ехали, то видели как догорала Пакуля.

Семен доехал до своего двора, а мы пошли домой пешком. Дома в хате лежала баба. Осталась корова, она пришла домой сама из Липок. Пришли домой только в том, что было на нас. Начали ткать полотно. Потом пришли Моисей и Алеша. Жилось очень трудно. Осталась соль в лубочке, спичек не было. Огонь получали при помощи кресала и губки. Усадьбу копали лопатами, пахали собой: запрягались по пять женщин — четыре женщины впереди тянули за перекладины, а одна шла за плугом.

Помню, как пахали возле Крижановских — на Марьяниной горе. Когда пахали, то пели песни (как бурлаки на Волге). Пахали плугом пять женщин. Однажды пришла комиссия из правления колхоза и оштрафовала их на 10 рублей. Наверное, им не понра-

вилось пение на весь хутор. Это было после обмена денег в 1947 году, так что штраф был большой, учитывая то, что на трудодень давали по 15-20 копеек. Деньги собирали в складчину. После этого пахали ночью и не пели. Мать ходила в Чернигов на базар

Мать ходила в Чернигов на базар пешком. Носила продавать хлеб, масло, сыр, сало. Ночевала в знакомых. Обычно доходила до Чернигова за пять-шесть часов. Однажды я тоже ходила пешком в Чернигов.

Сено для коровы жали серпами на болоте, ходили косить в Пущу, сушили травы со своей земли.

Во время войны Алеша работал на мельнице. В 1945 году его забрали в армию, где он прослужил семь лет. Во время службы Алеши на мельнице работал Моисей. После армии Алеша проработал на мельнице где-то

Черниченко Алексей Михайлович

три года, а потом пошел работать в колхоз шофером, так как он в армии обучился работать на автомобиле. После Алеши на мельнице все время работал Моисей.

В 1947 году не голодовали, у нас еды было достаточно. Были даже грудочки сахара.

Тогда ходили нищие и просили: «Дайте хоть картошиночку или хоть половиночку».

Постоянно тогда ходили нищие:

- 1) Марта, которая говорила: «Тютечка, милая, что ваша ласка, теє на калицтво дайте». Она была инвалидом. Ходила по улицам, в хаты не заходила, только в том случае заходила, если кто зазывал. Ей давали еду и одежду. Умерла, когда уже получала пенсию, ее приютил небож.
- 2) Из Сальниковки Галя «Метличка», она умела шептать, жила долго.
- 3) Из Шульговки Гутнянка. Она была высокого роста, полная женщина. Жила она также долго. У нее был сын.
- 4) Гаркуша Михаил «Крегель» он ходил с сыном, в хате он играл на бандуре и пел, его жители Семеняговки любили. Память о слепом лирнике Гаркуше осталась в Семеняговке и поныне.

Трудно было платить налоги и заем, которые устанавливались сельсоветом произвольно. Сумму займа устанавливали каждому двору, за эту сумму нужно было расписаться. Потом активисты ходили по хатах и требовали уплатить деньги. Если денег не было, то забирали, что у кого есть и продавали. Потом отдавали облигации.

Налог нам давали по тысячу рублей, за полгода нужно было выплатить.

Я в это время работал на торфразработке по вербовке на Ковпытском участке. Со мной работали Заводенко Олена, Заводенко Ольга, Галя Марковичка, Дуся Стародуб.

Я заработала за май 1956 года 1000 рублей и еще дали 100 рублей премии. Мать понесла платить налог в сельсовет 500 рублей. В сельсовете спросили: «А где ты столько денег взяла?» Мать ответила: «Дочка заработала на торфоразработке». Они ответили: «Тогда мы тебе еще добавим 500 рублей, дочка заработает еще» и добавили 100 рублей. А остальные деньги пошли на хозяйство. Налоги были большие, а в колхозе на трудодень давали мало. На каждого работающего колхозника доводилась пайка, на малолетних — полпайки. Устанавливался минимум трудодней — 220.

В 1959 году вышла замуж за Черниченка Григория Ивановича. Три года жили в свекрухи. Потом выменяли в Ворох Феси пять соток и построили двор. Родилось две дочери: Мария и Шура, живут в Чернигове. Судьба сестры Саши сложилась следующим образом. Саша работала и до войны, и после войны на ферме. Вышла замуж за Стародуба Николая Семеновича, небожа Стародуба Ивана Лукича. Семен, сын Стародуба Луки, был в ссылке в Курганской области с семьей и там остался жить. А сын приехал в гости к Стародубу Ивану, он был холостым.

Познакомились с Сашей, поженились и уехали в Курганскую область. Там жили его две сестры, они не захотели Сашу и ее выжили. Николай при этом проявил слабохарактерность. Саша ушла от них, будучи беременной. Ее забрала в соседнее село одна бабушка, она была одинокой.

Мать писала, чтобы она приехала домой, но она не захотела. Алеша тоже ей писал письма, упрекал ее, что будет она блукать по свету. Но она ответила: «И домой не поеду, и блукать по свету не буду». И осталась там. Работала на тракторе. Родила первого сына, очень похожего на отца. Когда Николай увидел сына похожего на себя, покончил с собой при возвращении в свое село. Саша вышла замуж второй раз, родила двух девочек.

При родах второй девочки она умерла, а ребенок остался жить. Сын, когда она умерла, ходил в 10 класс. К этому време-

Дети Черниченко Саши слева Надя, справа Оля

ни они уже жили под Челябинском, где она и умерла. Сын жил с отчимом, он ему помогал учиться. Надю взяла сестра Проня в Семеняговку, она ходила во второй класс, здесь она окончила 10 классов в Пакуле. После этого поступила учиться на бухгалтера. Сейчас

живет в Чернигове. Вторую девочку забрала его сестра, она была бездетной.

В последние годы с большим интересом я занимаюсь выши-

ванием на полотне. Особенно мне нравится вышивать на религиозные темы и портреты знаменитых людей. Мои вышивки известны не только на Украине, а и за границей. Они понравились послу Японии. Когда он был в Пакуле я ему подарила икону. Мы с ним сфотографировались на память.

Черниченко Надежда Михайловна с послом Японии в Украине Муцуо Мабучи

Черниченко Екатерина Дмитровна. Родилась 2 сентября 1938 года.

Мне было 2 года 9 месяцев, когда началась Великая Отечественная война. Это были годы выживания, годы страха, годы ужасов. При оккупации наша семья пряталась в лесу. Часто были слышны перестрелки. Временами приходилось видеть израненных и окровавленных солдат. Это не забывается. Возвращение домой радости не принесло. Кругом разруха. Отец погиб на фронте. В нашей семье было пять человек, двое стариков, мы с сестрой и мама. Много пережито трудностей.

Черниченко Екатерина Дмитриевна

В 7 лет началась школа. Я проявляла большой интерес к учебе, но бедность омрачала жизнь. Иногда не получалось купить нужную одежду. Сестра пошла работать в колхоз, а вскоре, в молодом возрасте, вышла замуж.

После окончания семилетки, я поступила в Черниговский кооперативный техникум на бухгалтерское отделение. В 1956 году окончила и была направлена на работу в Ворошиловградскую область. Проработав год бухгалтером, вышла замуж и уехала в г. Кандалакшу Мурманской области. Какой это замечательный край. Очень много в лесу грибов, ягод, в озерах рыбы, сопки заснеженные летом, лыжные прогулки зимой. А еще неимоверная красота – северное сияние. Его переливами можно любоваться часами. Сначала работала заместителем директора большого универсама, потом перешла в управление «Кандалакшторга» инструктором производственного обучения.

В 1973 году пришлось переезжать в Чернигов, так как муж заболел и ему порекомендовали менять климат. А выслуга у него

уже была. По льготам Севера мы построили кооперативную квартиру, так что ехать было куда.

Черниченко Михаил Иванович с женой Екатериной

Белоус. Место замечательное.

Прожив 16 лет на Севере, мы решили оттуда уехать. 1973 год – это год переезда нашей семьи на постоянное место жительства в Чернигов.

С детьми в это время полу-

окончила 8 классов, а младшая пошла в первый класс. В последствии они окончили ВУЗы (врач и инженер). Я в Чернигове работала экономистом подрядной организации Чн.Тэц «Киевэнергоремнот». Проработав год на предприятии, нам предложили участок для дачи и наша семья начала трудиться в этом направлении. Построили 2-х этажный домик из кирпича и привели в хороше состояние землю. Дача у нас была на Подусовке, возле речки

Мама жила в Семеняговке и мы туда очень часто ездили. Она держала корову. Приходилось помогать отпасывать согласно очерёдности и заготовлять корм на зиму. Траву косили в основном на лугу за речкой Днепр. Когда приезжали в Семеняговку, то ходили в лес собирать грибы, ягоды, вспоминали детство.

Родственники мамы ещё до войны завербовались в Херсонскую область. Отец мой тоже собирался с семьёй туда уехать, но помешала война. Он у нас был замечательным сапожником. Когда была перепланировка села и мы переезжали на другое

место, я нашла красивые высокие женские ботинки на шнуровке. Спросила у мамы, где она такие купила. Мама ответила, что шил их мой отец и заплакала.

А ещё мы с мужем запланировали маму свозить в Херсонскую область, посмотреть как живут её сёстры, брат.

Дядя Гриша, брат мамы, жил в г. Геническ, работал всё время водителем. А две сестры жили в селе Чубаровка Генического р-на Херсонской обл.

Мы с мамой осуществили такую поездку. Сколько у неё было радости. Она впервые увидела море, увидела своих родственников и оценила их жизнь.

Основателем села Чубаровка был человек по фамилии Чубарев. Правильное название «село Новый труд», а народное — Чубаровка. До моря все 3 км, но зоны отдыха нет, потому что очень крутой берег. Местность эту называют «степь». Воздух очень чистый, без радиации, замечательный чернозем, но воды для полива нет. В соседних районах прорыли канал и днепровская вода есть, а до Чубаровки он не доходит. На всё село один колодец с пресной водой, но этим же огороды не польёшь. Из-за этого жители потихоньку село оставляли, переезжали в другие места. Сейчас там почти никого не осталось.

Когда маме исполнилось 70 лет, мы её забрали в Чернигов, где она прожила 12 лет. В 1997 г. её не стало. Муж мой умер в 2003 г. С декабря 2006 г. живу в г. Киеве со старшей дочерью. Меньшая дочь живёт в г. Харьков.

Киев, конечно, многолюдный город, но в нём много прекрасного. Здесь сохранились уникальные памятники архитектуры, много памятников известным людям, музеев, театров, Дворец спорта. Прекрасно можно отдохнуть в Национальном ботаническом саду. На главной улице Крещатик в праздничные дни происходят различные торжества.

Однако, где-то в душе вспоминаю родные места, Семеняговку, где родилась, стараюсь их навещать. Там похоронены мои близкие, там многое напоминает мне о первых встречах, свиданиях, мечтах.

Черниченко Валентина Антоновна.

Черниченко Валентина Антоновна

Мій дід Черниченко Юхим Павлович і баба Василина мали по нинішнім міркам велику сім'ю. Вона складалася з трьох дочок і двох синів. Дочки — Меланія (в заміжжі Стародуб), Пелагея (в заміжжі Гаркуша), Галина (в заміжжі Мар миль), сини — Іван та Антон.

Наймолодшим сином в сім'ї був мій батько Антон, 1912 року народження. Мати мого батька — бабуся Василина була родом із Ковпити. Його батько — дід Юхим належав до шанованого роду в селі, з яким пов'язане заснування Пакуля.

За переказами одним із перших поселенців був саме Мартин Черниченко і від нього пішов наш рід – всіх нас називали «мартинами», а вулицю, де ми жили – мартинівкою.

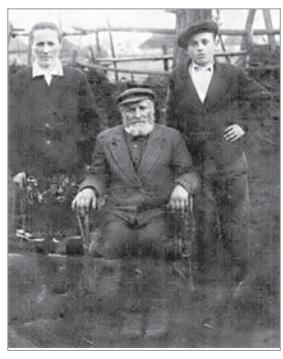
Мій дід – Юхим Павлович, своїм способом життя примножував традиції пращурів. Його працьовитість, невгамовна жага бути кращим давала із року в рік позитивні результати господарювання.

Сім'я дорослішала, усі працювали та примножували статки. Дід думав про майбутнє своїх дітей та по можливості прикупляв землю, яка тоді була товаром.

Довелося йому проти своєї волі побувати за кордоном. Попав він туди в складі російських військ до Франції. Після повернення з полону на селі його дражнили французом, тому можна здогадатися, що він був у Франції. Може ще й звідти він щось перейняв для ведення свого господарства. Сім'я держала коней, корів, овець, свиней, птицю. Дід був також гарним бджолярем. Жили, працювали, не покладаючи рук. Прикупив діді й власний млин.

Звичний уклад життя змінила Велика Жовтнева соціалістична революція. Лозунг революції про експропріацію експропріаторів не обминув і нашу сім'ю.

Не знаю точно дати, але за розповідями батьків, в один із днів у дворі з'явилися представники влади з наганами. Бабуся, коли це побачила — знепритомніла. Її відлили водою, і сім'ю — діда, бабу, родину сина Івана з дітьми і мого батька, посадили на підводу і повезли на висилку до Челябін-

Семья Черниченка Ефима: Невестка Татьяна, Ефим Павлович (1874 г.рожд.), внук Володя

ська. Дочки на той час вже повиходили заміж і жили окремо, тому це їх не торкнулося.

Хату і двір забрали під контору. Не знаю, скільки довелося сім'ї жити в Сибірі — тільки дід не змирився з таким поворотом долі та всіма силами намагався повернутися додому. Всім разом приїхати б не вдалося, тому він переправив на батьківщину членів сім'ї по одному. А дома ж жити ніде — все відібрали. Сім'ю приютили сусіди Мойсієнко.

Останнім із торбиною добрався додому глава сім'ї. І, не боячись, першим ділом, зайшов у хату, де засідали активісти. Треба відмітити, що в активістах були його два зяті — Старо-

Черниченко Антон Ефимович

дуб Хома і Мармиль Григорій. На колективній фотографії колгоспу тих часів ϵ вони та їх дружини — мої тітки Галина і Меланія. Сказавши все, що він дума ϵ про всіх і вся, дід став домовлятись, щоб повернути двір назад.

Діду поставили умову – хату повернуть, якщо він її викупить. Дід викупив хату і повернулася сім'я у свій двір.

Здавалося, що всі незгоди позаду. Батька Антона призначили від колгоспу розвозити пошту. У 1934

році він одружився на моїй мамі, Радченко Тетяні Михайлівні, 1917 року народження. І тут прийшли нові випробування для сім'ї.

В країні будувався соціалізм. На його будову потрібна була безкоштовна робоча сила. Прийшла рознарядка і у наше село — виділити із колись заможних сімей чоловіків на висилку в Карелію, де будувався Біломорканал. Рознарядка торкалася мого дядька Івана, але на сімейній раді вирішили, що повинність відбуде Антон, оскільки в нього поки що дітей нема, а Іван вже мав четверо дітей.

Повезли мого батька далеко і надовго, настільки надовго, що ніхто і подумати не міг. Опинився він у Петрозаводську, жив на поселенні, працював на будівництві каналу. Десь наприкінці 1937 року моя мама поїхала до батька. Розповідала, що народу там було, за її висловом, із усього миру. Батько пропонував мамі лишитися з ним там жити, але вона сказала, що буде його чекати дома, живучи з його батьками. Вона і уявити не могла, що розлучаються вони на такий строк. Після цієї зустрічі вона завагітніла

і у 1938 році народила сина — мого брата Володю і день за днем чекала свого чоловіка, живучи з свекрами.

Перед війною за доносом, які тоді були поширені, батька засудили як ворога народу за те, що він десь у розмові ніби сказав, що йому однаково, що Сталін, що Маннергейм. Дали йому за це 10 років увязнення. Довелося йому на собі відчути режим сталінських таборів, фінський полон, коли свої не встигли потопити їх у морі, куди вивезли на баржах.

Щодо полону батька. Здаються несумісними обстави-

Черниченко Антон Ефимович после ссылки

ни відбування покарання за термінологією «ворог народу» і німецький полон. А було так. Коли зимою 1941 року утворювалась блокада Ленінграда, німці були недалеко від Карелії, де знаходився батько. Було прийняте рішення чи вивезти «політичних» в інше місце, чи потопити в Ладозькому озері. Погрузили їх в трюми баржи і стали транспортувати. В цей час дуже була шуга на озері і корабель спинився. Їх стали атакувати німці. Наші не встигли потопити цю баржу і охорона просто покинула їх. Прийшли німці, забрали всіх на територію Фінляндії, де розмістили в концентраційний табір. Агітували вступити до армії Власова. Батько на це не пішов, а пробувши там деякий час утік із своїм другом із Коптів Зайченко Миколою. Якимось чудом дібралися до своїх, все розповіли чесно, хто вони, і звідкіля. Їм добавили ще строку покарання і відправили в концтабір, тільки вже радянський. Відправили туди, де була тільки огорожа, а всі будівлі

треба було зводити на голому місці. Спочатку робили житло для охорони, начальства, а лише потім для себе. Люди вмирали від голоду і холоду, померлих складали штабелями, які служили їдою росомахам. Різні покидьки, такі як злодії, вбивці, «блатні», як їх називали — всіляко знущалися над трудягами, до яких належав і мій батько. Забирали пайку, били. Так було до тієї пори, поки в табір за різне покарання не пригнали ешелон бувших фронтовиків, у яких на воєнній формі були ще видні сліди від погон і дірки від нагород. З їх появою установився справедливий розпорядок, вони «блатних» поставили на місце. Розказуючи це, батько казав, що він при тяжкій, непосильній роботі кілька років не з'їв і граму жиру. Це не пройшло безслідно, додому повернувся із виразкою шлунку вже після смерті Сталіна в 1954 році. Він був повністю реабілітований.

Нелегке життя прожила і моя мама Черниченко Тетяна Михайлівна (в дівоцтві Радченко) 1917 р. народження.

Моя бабуся по материнській лінії Акулина Семенівна родом із села Навози (нинішнє Дніпровське). До заміжжя служила у пана, навчилася майстерно вести господарство. Її взяли заміж у заможну сім'ю Радченків у Конюшівку.

Дід Михайло, чоловік моєї баби Кулини, загинув на імперіалістичній війні. Бабуся, маючи двох дітей — сина Іллю і мою матір Тетяну лишилася жити вдовою в сім'ї свекра разом із сім'ями братів її чоловіка. Вона розуміла, що їй треба створювати свою нову сім'ю окремо від Радченків. Чимало вдівців із дітьми сваталися до неї. Проте, вона була мудрою жінкою, маючи своїх двох дітей, боялася йти заміж за вдівця з дітьми. Говорила, що чужим дітям ніколи не вгодиш, а її рідних дітей чужий батько, який має своїх дітей, не пожаліє. І тому, коли посватався Заводенко Яків Олексійович, вона погодилася, бо він був вдівцем, у якого з першою жінкою дітей не було. Радченки не хотіли, щоб з їхньої сім'ї пішла така робоча сила, помстилися жениху і вкрали у нього гарних коней. Проте, рішення було

прийняте остаточно і баба з Радченко стала Заводенко і перейшла жити в Чертіж. Дід Радченко лишив дітей жити с собою в Конюшівці. Лише, коли у грудні 1925 року народилася у баби дочка Галя, вона забрала мою матір Тетяну в Чертіж. Старший брат матері Ілля так і лишився жити в Конюшівці. Його життя обірвалося молодим трагічно.

Отже, з 8 років моя мама стала жити в Чертежі, допомагала няньчити свою сестру Галю. Потім ще й брата Панаса. Ніколи не ображалася на свого вітчима. Він замінив їй батька, виростив і віддав заміж за Черниченко Антона Юхимовича.

Після весілля моїх батьків Антона і Тетяни моїй бабусі Акулині наснився такий сон, що вона казала, якби це було до весілля, то ніколи б не віддала б дочку заміж.

Життя матері склалося важко і самітньо. 18 років жити у свекрів без чоловіка не кожен витримав би. На моє запитання, чому вона не пішла від свекрів, вона відповіла, що її дитина, мій брат Володя, крім неї і його діду і бабі нікому не потрібний. Жили всі надією на повернення батька, чоловіка і сина. Баба Вася так і не дочекалась, померла у 1953 р., дід Юхим пережив бабу на 10 років, помер у 1963 році.

Мама доклала усіх зусиль, щоб жити матеріально не гірше від людей. Працювала в колгоспі, дома хазяйнувала, зимою пряла, ткала полотно, вишивала. Після повернення батька одним із перших у селі побудували хату на 3 кімнати, що тоді викликало насмішку у людей, які все життя жили сім'ями в одній великій кімнаті. Надалі, наслідуючи приклад, такіж і ще кращі, хати стали будувати інші... Така ж історія і з покраскою підлоги фарбою. Спочатку це викликало непорозуміння у односельців. Перші телевізори, холодильники викликали масу обговорень. Зараз нинішньому поколінню це чудно читати, а, насправді, все так і було.

Мама після Чорнобильської аварії отримала невдовзі інсульт, померла у 1989 році.

Мій брат Черниченко Володимир Антонович

Народився 21 вересня 1938 року. Все дитинство і шкільні роки прожив без батька, з матір'ю, дідом Юхимом і бабою Василиною. У дитинстві, граючи м'ячем з дітьми, дістав каліцтво. М'яч застряв на криші будинку. Він поліз діставати по приставленій драбині, зірвався і отримав вивих тазобедреного суглобу. Лікування тодішніми методами у М.-Коцюбинській лікарні привело до хромоти. Так і кульгав на одну ногу все життя.

Вчився в школі добре, закінчив в Ковпитську середню школу, після чого навчався в Чернігівському зооветеринарному училищі. На той час у м. Кіцмань Чернівецької обл.. відкрився зооветеринарний технікум, де на старші курси набирали студентів з інших навчальних закладів, запросили і Володю. Так його життя

Черниченко Владимир и его жена Лида

пов'язалося з західною Україною. Після закінчення технікуму, він отримав направлення до радгоспів цукротресту Хмельницької області. Живучи і працюючи зоотехніком у Підволочиському р-ні, зустрів свою

майбутню дружину, яка працювала вчителькою в школі. Побралися, народили двох дочок Тетяну і Олену.

По роботі довелося декілька разів змінювати місце проживання. Останнє — знову-таки, м. Кіцмань Чернівецької обл.

Мав дві вищі освіти, працював головним зоотехніком обласної племінної станції, був республіканським суддею на виставках тваринництва республіканського і союзного значення. Помер у 2000 році. Похований у м. Кіцмань.

У 1956 році народилася я, Черниченко Валентина Антонівна. Закінчила Пакульську середню школу, Чернівецький держуніверситет. Після одруження з моїм чоловіком, який родом з Харківської області, моя подальша доля була повязана з містом Харковом, де я працювала інженером, провідним інженером, завідуючою лабораторією. Зараз на пенсії. Маю дочку і сина, які також живуть з нами у місті Харкові.

Жалію, що в силу свого тодішнього віку, мало розпитувала свого батька про всі його поневіряння.

Одне знаю, що таке життя не вбило в ньому його добру душу і доброту. Останні роки його життя він жив у моїй сімї і помер у 1997 році майже у 85 років, поховний в місті Харкові.

Радченко (Черниченко) Ольга Никифоровна

Черниченко Ольга Никифоровна

Родилась в 1927 году. Отец Черниченко Никифор Пантелеевич 1901 года рождения, мать Уляна Михайловна 1901 года рождения из Пакуля из Деркачевки, поэтому ее в хуторе звали «Деркачка».

В их семье были следующие дети: Николай, Мария, Иван и я, Ольга.

Брат Николай окончил в Пакуле 7 классов, в армию служить забрали на Дальний Восток. Там с ним служили Якубец Николай Иванович, Черниченко Николай Афанасьевич. В письмах они писали, что плохо с питанием, просили высылать посылки с продуктами, там было все

привозное. Потом его направили служить в Белоруссию ближе к Польше. Война его застала там. Он сразу получил ранение в

ногу, его отправили в госпиталь. За всю войну его ранило 8 раз. Последний раз в конце войны в Германии его ранило разрывной пулей снова в ногу, нога держалась на одной шкуре, кость раздробило. Лежал он между немцами и своими с раненой ногой в канаве с водой. В течение трех суток эта местность переходила то к немцам, то к русским несколько раз. Наконец он услышал русскую речь, начал кричать, пришли санитары и его забрали. Сделали очередную операцию и после лечения он пришел домой на весне 1945 года. До войны он дружил с Мойсеенко Галиной Афанасьевной. После войны они поженились. У них родилась дочь Ольга.

В школу пошла в 1936 году. Сидела за одной партой с Репич Мишей Павловичем, а потом с Якубцом Григорием Демьяно-

вичем. Я немного походила в школу, а потом мать заставила помогать по хозяйству.

Во время войны, когда в Андреевском лесу были разбиты наши войска, Иван поймал молоденького черного коника, а Алеша, сын Черниченка Михаила, - рыжую кобылу. Потом они сделали сами возы.

Алеша во время оккупации работал мельником в отцовой мельнице. Однажды наш Иван, возвращаясь с мельницы, зашел к Гриню, чтобы проведать Ганну (они вместе дружили). В это время из Конюшовки возвращались два полицая: Дорошок

чтобы проведать Ганну (они вместе дружили). В это время из Конюшовки возвращались два полицая: Дорошок Заводенко Алексей Андреевич

Денис и еще один полицай. Уже темнело, Иван смотрел в щель во двор Гриня, где работала пшенодерка. На Ивана начали кричать: «Кто такой!». Иван ответил: «Я Иван!» Кто-то из них выстрелил разрывной пулей, пуля прошла под рукой, обожгла тело. Иван убежал домой. Вскоре пришел Денис с двумя полицаями и стал в матери спрашивать, где Иван, сейчас мы его поведем в Ковпыту в стан. А это значило, что его могли расстрелять. Мать стала на колени и начала умолять, чтобы его не вели в Ковпыту. А Иван в это время был в Апанаса. Она угостила их супом и водкой. Они сказали: «На этот раз мы его прощаем» и ушли. Когда пришел Иван домой, он рассказал, как было. Мать постирала его одежду, которая была в крови.

Весной 1943 года, когда немцы шли на Пакуль, прибежал к нам Токарь Левко и сказал: «Немцы стреляют по Линее!» Мы посмотрели на болото и увидели, что из Линеи бегут люди рудкой и нашим болотом в Липки. Мы быстро запрягли лошадь, впопыхах положили одежду, еду и поехали в Липки. А мать осталась дома, она потом спряталась в озере.

Мы сидели с Иваном вначале возле Белого, но когда начали немцы стрелять, убежали в Грабовики, там с нами сидели Заводенко Алексей, Токарь Левко, Коля Сапонович.

Вечером мы увидели огоньки в нашей Пуще. Левко предложил Ивану пойти в разведку. Иван с Николаем Сапоновичем пошли в разведку и я с ними. В нашей Пуще мы услышали немецкий разговор и сразу же убежали в Заболотскую Пущу. Переночевали. Утром увидели человека, который шел из Шульговки. Он сказал: «Пакулю сожгли, часть Семеняговки тоже, немцы уже ушли, идите домой». Пошли искать коня в Грабовики, но напоролись на немцев, они шли на Днепровское. Мы спрятались. Потом Иван нашел коня. Запрягли и поехали.

А дома случилось следующее. Мать сидела в озере, она видела, как трассирующими пулями жгли Пакуль. Ее немцы нашли и повели в Липки. По дороге ей говорили: «Мамка, капут!», привели в Липки, в Кудыновую займу, там был сборный пункт

арестованных. Им переводчик сказал: «Идите дорогой, в лес не сварачивайте, вас никто не тронет».

Мать пришла домой. Ей кто-то сказал, что твоих детей поубивали возле моста на Белом, их узнали по одежде. Мать плакала: «Лучше бы моя хата сгорела, все забрали, а дети были живы».

Но когда мы приехали, она плакала от радости. Позже к нам ночью пришел Мармиль Григорий и другие партизаны. Они забрали Ивана, а затем Заводенко Алексея, Дорошка Николая Сапоновича и повели их в лес в Ковпытскую Пущу. Не было известно целое лето, где Иван.

Первый раз Иван пришел с Сашком из Пакуля, родичем Евдокимовой Наталки (наша мать и ее мать – родные сестры). Они пришли поздно вечером. Мать открыла хату. Сашко идет первым, Иван – вторым. Иван зацепился пулеметом за дверь, я испугалась – и на печь, Иван за мной: «Не бойся, это я!» Снял патроны, я вылезла с печи, мать плачет, поставила вечерять. Рано утром они ушли. Уходя, он сказал: «Дома не ночуйте, партизанские семьи будут уничтожать».

Мы с Апониной Оленой жили в Сидоровках в канаве, из лозы

сделали будку, нас было не видно. Лоза принялась. После войны я говорила: «Вот моя хата».

Уходя Иван сказал, что они живут в Мажуговке, в конюшне. Мать насушила сухарей и я с Апониной Оленой пошли через Андреевку в Мажуговку. Нашли конюшни, никого не видно. Мы хотели идти назад. И вот из леса выходит отряд партизан. Стали подходить ближе, стало видно, что они плохо одеты. На боку у каждого была привязана половина тыквы, которая служила за миску. Ноги у партизан были поморожены.

Черниченко Иван Никифорович

Токарь Федор нас узнал и сказал Ивану. Николай Сапонович повел нас в конюшню и показал жилье. Они спали в гнилой соломе, крыши на конюшне не было. И пропел нам песенку:

«Жизнь моя нелегкая, – Пуда полтора. Мать моя не родная – Гонит со двора».

С ними был Примаченко Григорий Фотийович. Мы отдали продукты и ушли домой. Позже отряд пошел через Днепр в Белоруссию. В Перках жители обманули, что в селе нет немцев. Когда они вошли в село, то немцы начали стрелять по них с чердаков. Были убиты и раненые. Иван переплыл речку, которая была возле леса, с раненным партизаном и ручным пулеметом. Сидели в лесу, замерзли. Николай Сапонович предложил Ивану пойти в село и попросить одежду, но Иван отказался. Тогда Сапонович пошел в ближайшее село и принес ему шапку, фуфайку из брезента и другую одежду.

Позже Иван пришел ночью домой, переоделся и утром ушел снова за Днепр к партизанам.

Однажды Николай Сапонович пришел в хутор и сказал, что партизаны голодные. Были приготовлены продукты. С ним пошли сестра Маня, тетка Токаревого Федора, отцовая сестра Марушка. Он их повел за Днепр в глубь Белоруссии. Когда они шли, то какой-то командир начал кричать: «Кто вас сюда пустил, здесь вторая линия обороны, сейчас здесь будет бой, вас всех поубивают!» Сапонович их быстро отвел до партизан, у них забрали продукты и они ушли домой через Чернобыль.

После этого Иван попал на фронт и служил в конце войны в Германии. Пришел домой в 1947 году. С собой привез гармошку. Это была первая гармошка в хуторе после войны.

Работал в колхозе бригадиром, в Пакуле завфермой. Женился на Постол Ганне Григорьевне. Они встречались еще до войны.

Они поселились на Груду. У них родилась дочь Светлана.

Но жизнь его оборвалась трагично.

Было это так. К Постол Ефросинии Антоновне (Руднянке) на Троицу ехал ее зять Орел Петр Федорович из Чиковки. Он доводился кумом Ивану. Когда он ехал в Заболото, на рынке были Дорошок Николай Сапонович и Иван. Дорошок Николай бросил «шпильку» Орлу: «А у Орла нет Троицы!». А в Чиковке тоже был храм на Троицу. Орел понял намек на то, что Орел сам не собирается встречать гостей, а поехал в Семеняговку.

Черниченко (Постол) Ганна Григорьевна

Погостевав в Заболото, Орел приехал в Семеняговку, был в хате Ивана, а его дома в это время не было. Потом он заехал на рынок. Дорошок Николай ушел во двор Царенка Терешка, а Иван сидел на скамейке на рынке. Орел был пьян, придрался к Ивану, поднял его в воздух и бросил на землю. Иван сильно ударился и с обидой сказал: «Ой, кум, зачем ты меня убил!». На следующий год летом Иван умер от этого удара. Он воевал в партизанах, был на фронте, а смерть пришла дома от родственника.

Мария вышла замуж за Заводенко Алексея. Они тоже поселились на Груду, жили почти рядом. Работали в колхозе. У них родились дети: Евдокия, Валя, Люба. Алексей также трагично погиб в пьяной драке от рук племянника Заводенко Петра Кузьмича. Они вместе воевали и вместе погибли от рук родственников дома.

Я вышла замуж за Радченка Николая из Конюшовки. Сначала жили в его хате, а потом построили свою в Семеняговке возле Шуруты Дмитра. Я работала в колхозе, а Николай – в Пакульском

лесничестве лесником. У нас родились дети: Николай, Галя, Надя, Шура.

Отец Никифор Пантелеевич в числе первых поступил в колхоз, был активистом, работал бухгалтером. Он перед войной работал бухгалтером в Сивках. Его там очень ценили.

Когда началась война, пошел на фронт и погиб в 1941 году. О его смерти рассказал Якубец Демьян Дмитрович, когда осенью 1941 года он возвратился домой. Было это под Белгородом. Однажды пошли в атаку на немцев

Черниченко Никифор Пантелеевич

после обстрела немцами позиций наший войск. Когда Якубец Демьян пробегал возле расчета минометчиков, то он увидел Ничипора, который был уже мертв.

Якубцы

По рассказу Постол Григория Степановича родословная Якубцов пошла от Якубца Ефима, выше сведений нет. Гринь рассказал следующее, а эти сведения были известны в Семеняговке и другим жителям: Якубец Ефим прослужил в царской армии 25 лет. Возвратился домой в возрасте около 45 лет. За него никто из девушек не хотел идти замуж. Он часто сидел в корчме и пил водку. А в Гриневого деда была некрасивая дочь, которую никто не хотел сватать. Вот однажды он предложил Ефиму следующее: если он жениться на его дочери, то он в бодне выложит дно золотыми червонцами. Тот согласился. Их обвенчали в церкви в Пакуле и повезли в Семеняговку на свадьбу.

Тогда был такой обычай, что невесте ложили приданое в бодню, которая представляла собой бочку, высотой около 1,2 метра, расширяющуюся к низу до дна. Бодню привозили на второй подводе (на первой жених с невестой со всеми дружками, бояринами и т.д.), а если зимой, то на вторых санях. Свадьба идет своим чередом: пьют, веселятся, играет скрипка, а потом объявляют, что привезли приданое.

Ефим выскакивает из-за стола и бежит в сенцы к бодне. Опрокидывает ее, добирается до дна, а золотых червонцев нет. Он взревел, устроил скандал, но было поздно. Если в церкви обвенчали, то развестись было невозможно по тем временам. Она часто, когда он пьяным возвращался домой, открывала окно и убегала в круг с водой и кричала ему: «А сюда ты не доберешься». Он был грузный и ему трудно было зайти в круг. Он уходил домой, а она следом. Это повторялось часто.

Кстати, это был круг, куда в 1950 году переселился жить Гринь после перепланировки Семеняговки.

В такой жизни у них родилось два сына: Дмитрий и Микита. **Якубец Микита Ефимович**. У него было два сына: Данило и Игнат и три дочери: Копыта, Устя, Марта. Данило жил с ним, а Игнат женился и отделился, построил рядом двор.

Данило женился, у него родилось двое детей: дочь Катерина и сын Петр. Данило был убит в Липках весной 1943 года мадьярами.

Катерина вышла замуж за Дорошка Николая Сапоновича. Николай стал жить у нее примаком. У них родился сын Василий.

О жизни Дорошка Василия Николаевича подробно написано в разделе «Дорошки».

Петро женился на Катерине из Паперни, у них родились дети: Анатолий, Володя и Нина.

Игнат женился на Галине Михайловне из Конюшовки. У них были следующие дети: Иван, Савко, Корней, Мария и Ольга.

Савко погиб в Финскую войну в 1939 году. Весной 1943 года в Липках были убиты сам Игнат, его сын Иван и муж Марии. Корней в это время был на фронте. После войны Ольга вышла замуж за Радченко Григория из Конюшовки. Мария второй раз вышла замуж в Заболото за Мармиля Мишу.

Микита в хуторе имел прозвище «Ойда» за его любимые выражения «ой да» хорошо то или другое.

Он ходил и зимой и летом в одной и той же шапке черного цвета из овчины, носил грубую шерстяную одежду в жару.

Якубец Дмитрий Ефимович имел пять сыновей: Пилипа, Ивана, Федора, Демьяна и Александра и пять дочерей: Ходору, Химу, Ульяну, Проню и Марию.

Пилип погиб на русско-японской войне 1905 года.

Якубец Иван Дмитрович 1888 года рождения.

В Первую Мировую войну попал в плен, был в Австрии и Швейцарии.

Он женился на Татьяне Яковлевной из Дубицких. У них было два сына: Николай, Евсей и дочь Евдокия. Сын Николай 1920 года рождения, погиб на войне в 1944 году в Чехословакии. Сын Евсей 1917 года рождения погиб на войне без вести в 1944 гогду. Жена Ивана Татьяна после войны плакала по сыновьям и говорила: «А мои сыночки дай не повернулись».

Николай окончил семь классов в Пакульской школе и работал бухгалтером в Семеняговском кол-

Якубец Иван Дмитриевич участник войны 1914 г.

хозе «Червоный партизан». С ним в конторе еще работал Снитко Николай Омельянович. Они были одноклассниками, комсомольцы.

С ними дружил Черниченко Николай Ничипорович. Они вместе учились стрелять из малоколиберной винтовки. Все они пошли пе-

Якубец Татьяна Яковлевна

Дочь Евдокия вышла замуж за Ковальчука Василия Назаровича, у них родились следующие дети: дочь Вера, сын Миша, сын Володя, дочь Галина, сын Сашко.

Якубец Иван часто говорил: «Советская власть знает только два действия: отнять и поделить, а додать и умножить не знает».

ред войной служить в армию. Николай Якубец и Николай Черниченко попали служить на Дальний Восток. Якубец Николай выучился на младшего командира, поехал на фронт. Когда он ехал на фронт, то в Красноярске встретил Примаченко Григория Фотийовича, тот ехал на Восток для переподготовки. Погибли на войне и Снитко Николай и Николай Якубец.

Якубца Евсея в 1941 году на фронт не взяли. В 1942 году женился на Татьяне. В 1943 году был мобилизован и погиб на фронте.

Внизу слева направо: Черниченко Николай Никифорович, Якубец Николай Иванович, Царенок Иван Терентьевич, вверху Черниченко Николай Афанасьевич

Якубец Демьян Дмитрович 1900 года рождения.

До революции учился в Поповой школе, окончил два класса, по праздникам ходил в церковь. Ходил гулять на Вокзал, место

между Сальниковой и Линеей. Там собиралась молодежь из Пакуля, Линеи, Сальниковки, Семеняговки и части Ковпыты. Там познакомился с Карандой Галиной Андреевной и поженились. Венчались они в Ковпытской церкви в один день с учительницей Проней Зиньковной. Его брат Иван тоже женился и сразу отделился, построил свою хату рядом со своим отцом.

Демьян после женитьбы завербовался в Херсонскую область, Генический район, село Чубаровка. Там родился сын Григорий в 1927 году. Они спорили с братом Федором за землю, который тоже туда переселился. В это время пришло письмо от отца Дмитрия, который просил, чтобы он возвратился домой, так как он решил переписать номер на него. Демьян там продал землю, двор и уехал домой где-то в 1928 году. Когда он уже был дома, кто-то донес, что у него есть винтовка. Его посадили в тюрьму в Михайло-Коцюбинске и сказали «Держать будем до тех пор, пока не сдашь винтовку». Сидел он где-то 40 суток, еле не умер. За него поручились два человека: один из Ковпыты и один из Навозов. Тогда выпустили.

В это время проводилась коллективизация. Он сразу не пошел в колхоз. Но когда забрали землю (осталось только немного возле двора), саломорезку с конным приводом, клуню, инвентарь, обложили большим налогом, то он вынужден был поступить в колхоз. Двор колхоза в это время уже был в Токаревке. Он ходил на работу в колхоз плотником.

Было очень трудно в 1933 году. Активисты из сельсовета позабирали продукты, семена. И в тоже время нужно было ходить на работу. В эти голодные годы

Якубец Демьян Дмитриевич, воевал в финскую войну 1939 г. и войну 1941 г.

умер его отец Якубец Дмитро Ефимович, его мать и две его дочери Ольга и Мария.

Перед войной учился в МТС в Карховке на машиниста молотилки. До самой войны работал в своем колхозе на молотилке, привод осуществлялся от двигателя. Трактором возили молотилку из Карховки в колхоз и обратно. Весной 1939 года он был мобилизован в армию, участвовал в освобождении Западной Украины. Потом войска направили в Финляндию. Он воевал на линии Манергейма. Морозы были большие. Солдаты лежали перед линией Маннергейма в белых маскхалатах, в полушубках, валенках, в теплых шапках и рукавицах. Кто не выдерживал мороза и вставал, чтобы убежать, того сразу финский снайпер убивал.

Потом его направили в штаб полка, где он ходил с командиром полка на совещания. К фронту он шел впереди командира, а назад в обратном порядке после совещания в землянке с другими командирами. Домой пришел в 1940 году. Работал на молотилке.

Перед войной 1941 года был на переподготовке в Курской области, зимой было очень трудно: были большие морозы, ветер, а солдаты были одеты в шинели, ботинки с обмотками.

В первые дни войны 1941 года он был мобилизован на фронт. Под Белгородом попал в плен, строил под Можойском блиндажи для немцев. Жили в лагере, кормили гнилой капустой. Осенью сбежал из плена домой. С ним сбежали еще два человека: двоюродный брат Савки Орла и учитель с Чернигова. Подошли к одному селу, попросили покушать. Старуха дала еды и сказала, чтобы уходили подальше от села, в селе немцы, и не шли вместе, а поодиночке.

Во время оккупации был дома. После освобождения села в 1943 году был мобилизован на фронт. В Калининской области проходил переподготовку, после чего был направлен в Белоруссию в марте 1944 года, где был ранен. После ранения был в госпитале в Тамбовской области в г. Котовске. Там лечился шесть месяцев, было сделано две операции.

Осенью 1944 года пришел домой инвалидом. Работал в колхозе полеводом, завхозом.

Когда Постол Иван Григорьевич с Постол Михаилом Максимовичем собирали в Чернигове по частям грузовой автомобиль «Шевролет», ему пришлось доставать части и оплачивать за колхозный счет. Для семеняговцев этот автомобиль имел большое значение: им возили лес из Пущи, вывозили навоз на поле, ездили в Чернигов и другие пункты за грузами, иногда возили семеняговцев на базар в Чернигов. В других близких селах еще не было грузовых авто. Конечно, трудно было тогда доставать бензин и запчасти.

Когда в Карховку пришла новая молотилка МК-1100, он стал работать на ней, так как уже имел опыт работы на молотилке до войны. Обмолачивал не только Пакульский колхоз, но и другие колхозы района, такие как Карховка, Ведильцы, Гуты. Иногда посылали вести обмолот за Днепр в Белоруссию. Возил и осуществлял привод молотилки колесный трактор.

У него родились следующие дети: Григорий, Михаил, Василий и Ефросиния.

Якубец Александр Дмитрович. Родился в 1907 году. Женился на Дорошок Екатерине Григорьевне 1909 года рождения, отделился от отца и построил хату рядом с двором отца. Был активистом в колхозе.

Учился в Пакуле на дому у одного учителя. Прошел курс обучения за два класса. Работал сначало бухгалтером в Чернигове на Шерстянке, потом направили начальником отдела кадров в Киев на завод. Туда он взял на работу Мармиля Мишу, он был сиротой. Завербовал он так же Ворох Потапа и Якубца Ивана Дмитровича.

Осенью 1941 года приехал домой на несколько дней, вечером он пришел из Малейок. На следующий день в обед над Семеняговкой пролетали самолеты и бросали бомбы. Он вышел посмо-

Якубец Екатерина Григоровна с сыном Володей и мужем Александром Дмитриевичем

треть, что за самолеты. Стал возле хаты напротив окна и в это время упала бомба возле его ног, она его обожгла и убила на смерть. Жену и детей, которые в это время сидели за столом, ранило осколками стекла. Срочно приехала из Пакуля санитарная машина, раненым была оказана помощь.

Остались жена и трое детей: Мария, Владимир и Ольга. Жили они все в Семеняговке. Было очень трудно после войны. Копали лопатой усадьбу, носили на плечах из леса дрова, была очень плохая одежда и обувь. Все работали в колхозе.

Владимир женился на За-

воденко Марии Дмитровне. У них родились дети: Валентина и Алексей. Валентина живет в Днепропетровской области, у нее родились дети Юля и Катя.

Алексей известный в хуторе фермер, у него родился сын Владимир. Ольга вышла замуж в Шульговку, там и живет, она родила троих детей: Наташу, Анатолия и Василия.

Якубец Григорий Демьянович. Дата рождения 1927 год. Родился в селе Чубаровка Генического района Херсонской области. Отец с матерью завербовались в 1925 году туда на переселение. С ним поехал дядько Иван с семьей (сын деда Андрея). Там мы жили вместе с семьей дядька Федора. В 1928 году после неуро-

жая и конфликта с дядьком Федором мы уехали домой на Черниговщину. Перед этим дед Дмитро прислал письмо, чтобы отец приехал домой, дед решил переписать номер на отца, чтобы с ним дожить до смерти.

Когда приехали домой, то уже началась коллективизация. Запомнился тот день в 1933 году, когда представитель района с активистами ходили по дворам и забирали продукты питания. Он полез на печь, где лежал больной

Якубец Григорий Демьянович

дед, выдернул у него из-под головы мешок с зерном, при этом сказал: «Давай я тебя, дедушка, освобожу от греха». При этом дед сильно ударился об черень печи головой и через несколько дней умер. А следом за ним умерла и бабушка.

В школу пошел в 1936 году в девять лет в Пакуль. Вначале учился в Поповой школе, окончил 4 класа. В детстве со мной случился трагичный случай. Я однажды взял стеклянные обрезки и побежал за поросятами, споткнулся, упал, а стекла вошли в руку, порезали сосуды. Меня повезли в Пакульскую больницу, сделали операцию, но нервы пальцев были травмированы, в результате чего я стал инвалидом. Из-за того меня не взяли в армию.

Первая учительница была Проня Зиньковна, вторая — Татьяна Павловна учила в третьем классе. В четвертом классе учил Иван Зинькович.

В пятом классе ходил в Центральную школу. В 1940 году к Центральной школе пристроили дополнительные помещения и школа стала десятилеткой.

Перед войной в колхозе были почти все. Одноособниками

были Дорошок Григорий, Мармиль Олена Лукинична, Заводенко Яков, Заводенко Свирид, Репич Павел, Дорошок Григорий Омельянович. В колхозе на то время было около 75 дворов, были лошади, коровы, телята, бычки, овцы, свиньи, куры, утки. Была колхозная пасека. Во время оккупации я часто ходил на станцию Жидиничи обменивать яйца на соль. За десятой яиц давали пачку, в которой был 1 кг соли. Иногда отец подвозил меня на подводе до Жидинич на станцию, а сам ехал в лес работать. В хуторе немцы мобилизовали бригады по заготовке леса. В бригаду входило 10 человек, в лесу они валяли лес и подводами подвозили его к узкоколейке, грузили на площадки узкоколейки. «Кукушка» отвозили лес на станцию в Жидиничи, где разгружали в вагоны. Немцы зимой жили в бараках, а летом – в вагонах. На станции были выкопаны траншеи под углом с таким расчётом, чтобы крыша вагона в случае обстрела партизанами находилась на уровне земли.

Когда весной 1943 года мадьяры начали отступать за Днепр, то они в семеняговцев забирали хорошие возы и лучших лошадей, а взамен оставляли поломанные свои возы и истощённых лошадей. В это время семеняговцы с возами и лошадьми прятались в лесу возле Ченцового поля. Мадьяры начали спрашивать, где ваши мужчины, что в хуторе только старики и дети. Люди отвечали, что они вам делают переправу на Днепре.

Во время боев за Днепр в хуторе стояли связисты. В нашей хате жили телефонистки, а в хате Стародуба Евдокима на раскрытых окнах стоял коммутатор. В Ковпытской школе был полевой штаб Рокоссовского. Связь была от Ковпыты через Семеняговку до Днепра, где шли бои.

Когда фронт ушел дальше, я на своей подводе, а Царенок Терешко на своей возили телефонистов за Днепр через Лукоди в Карловку. Ночевали под стогом, домой завидно не успели приехать. Немецкие самолеты бомбили обозы на дорогах, но нас, к счастью, не бомбили.

В 1942 году я пас коров в Пуще лесника и рабочих – 14 коров

и 3 телят. Потом в 1943 году пас коровы уже своей улицы в Семеняговке. В день победы в 1945 году я гнал коровы в Липки и баба Заваденко Якова сказала: «Уже окончилась война». Яков в конце войны как-то сумел сделать радиоприемник и часто слушал передачу. Потом уже окончание войны люди узнали из газет.

После войны в школу не ходил. В 1946 году поступил в школу ФЗО №1 на Шерстянке, получил специальность столяра. После чего поехал в Киев на шелковый комбинат в феврале 1947 года. Строили дома на Крещатике и в других местах. В июне 1947 года уволился домой. В колхозе пахал землю, ездил на луг косить сено.

В 1948 году работал под Сапоновой Гутой в Шахтолесе с Шульгй Дмитром Исаковичем с Шульговки. Жили в землянках, грузили вагоны лесом, ремонтировали кузова машин, валяли лес. Шульга работал кузнецом в кузне.

В 1949 году работал на торфрозработке на Центральном поселке, бил дранку в строящихся домах. В конце 1949 года забрали в ФЗО в Кривой Рог, где учился на каменщика.

Весной 1950 года согласно перепланирования хутора перенесли хату на новое место, помогал отцу делать сруб, рамы, слать полы, делать крышу.

Осенью 1950 года учился в Мрине на комбайнера, после чего работал помощником комбайнера в Карховке.

В 1951 году завербовался на масложиркомбинат в Запорожье, вернулся домой, возвратил 300 рублей подъемных.

Из Запорожья по вербовке поехал в Среднюю Азию строить новый маслозавод из хлопка. Там же пошел в 6 и 7 класс вечернего обучения. После окончания семи классов поступил в нефтяной техникум в г. Коканде, где проучился один год, а потом перевелся во Львов, в такой же техникум. Неокончив техникум, приехал в Чернигов, пошел работать на кирпичный завод, жил в общежитии.

В 1970 году устроился на молокозавод, где проработал 25 лет до пенсии.

Женился в 1957 году на Галине Петровне из Козерог.

Выростили 9 детей: Зинаида, Оксана, Надя, Валерий, Виталий, Наташа, Татьяна, Леонид, Александр. Зина вышла замуж за англичанина и живет в Англии, имеет сына Роса. Наташа также вышла за англичанина и живет в США. Надя живет со своей семьей под Киевом, имеет троих детей: Вадима, Диму и Наташу. Виталий живет в Чернигове и имеет пять детей: Николая, Александра, Евгению, Юлю, Настю. Александр живет с семьей в Ульяновке под Черниговом и имеет двоих детей: Тимошика и Данило. Галина Петровна родила и воспитала 9 детей и стала «Матерью-героиней».

Якубец Михаил Демьянович. Родился в 1928 году. В детстве был со мной такой случай. Однажды отец меня поругал, я обиделся и ушел в лес в Пущу, при этом взял с собой в торбу хлеб и сало. В пятом квартале на березе свил гнездо. Там я жил несколько дней, пока лесник Шурута не обнаружил меня.

Он приказал мне слезть с дерева, посадил на воз, привязал и пригрозил: «Если будешь убегать, пристрелю». Привез домой на бригаду.

Якубец Михаил Демьянович

Отец как раз там работал, он меня забрал домой, дома все обрадовались. Мы договорились с отцом: он меня больше не будет бить, а я должен слушаться.

Запомнился голодный 1933 год. Колхозные активисты забрали все, что можно было есть. В этом году от истощения умерли дед и баба, сестра Ольга и Мария.

Я учился в Поповой школе, сидел за одной партой со Снитко Катей. Она хорошо себя вела и хорошо училась. До войны окончил 4 класса.

Люди рассказывали, что когда разбирали церковь в Пакуле, то пригласили робочих из Ведилец, так как пакуляне отказались. Ведиляне сбросили первый колокол, а когда начали снимать второй, то рабочий зацепился на верху, упал и разбился. Потом люди говорили: «Это его бог наказал».

После разгрома наших частей в Андреевском лесу в 1941 году, там осталось много трофеев. Люди брали там возы, лошадей, различные трофеи и даже винтовки с патронами. Я поймал себе раненую кобылу, привел ее домой, вылечил и она была у нас до освобождения хутора в 1943 году, а потом ее забрли в колхоз.

А дядько Иван поймал там молодого коня, взял воза, которым привез две подводы различного обмундирования, а его сын Евсей взял винтовку с патронами.

Потом из плена пришел отец и сложил из колхозных разбитых возов себе воз.

Я был на свадьбе двоюродного брата Евсея. Он женился в 1942 году зимой на Татьяне из Пакуля. Старшим дружком был Постол Демьян, боярином Володя Федотов из Сальниковки. Не хотели отдать заворотное – бутылку водки, такая была традиция. Заворотное справляли полицаи из Пакуля. Завязалась драка. Полицаев побили. Свадьба уехала в Семеняговку, а полицаи взяли с собою помощь и тоже поехали в Семеняговку на свадьбу. В хате они выстрелили из винтовки в потолок. Старший полицай из Пакуля Геращенко остановил полицаев, они ушли домой.

На завтра всех участников драки вызвали в стан в Ковпыту. Вызвали также свидетелей. Становый разбирался и приказал пакульских полицаев пропустить через строй, их отлупили шомпалами. При этом становый сказал: «Едет свадьба, я становый должен дать ей дорогу, а вы организовали драку». Участников свадьбы отпустили.

На следующий день Евсея пригласили в стан в Ковпыту и предложили ити в полицию, он отказался. Тогда и его отлупили

шомпалами и отпустили домой. Он взял винтовку, сделал обрез и пошел в лес искать партизан. Дома он не появлялся, долго прятался в лесу. После освобождения хутора от немцев, было организовано несколько групп по борьбе с диверсантами, их в народе называли «стребками» (истребителями). Я тоже был в одной группе, с нами был Мойсеенко Николай Борисович, Черниченко Алексей Михайлович, Постол Дмитро и др.

Осенью после освобождения возил своей подводой ящики с боеприпасами за Днепр. Ездил два раза до Янова. Назад везли раненых до Грибка возле Линеи. Со мной ездил Царенок Терешко, Мойсеенко Афанасий.

После войны пас коровы в Липках два года. Потом пасли с Гаркушей Василием колхозные телята где-то голов 50. Мы их выпасывали также в Навозах возле Шмаевки, там был колхозный луг. У нас была хорошо сделанная будка. Телят пасли до заморозков.

После войны учиться в школе не было возможности. Работал в колхозе на разных работах: сеял, пахал, возил лошадьми и волами различные грузы.

В 1946 году я пахал под гречку в Галах, возле Андреевского леса. Осень была ранняя, выпал снег и прикрыл гречку. На весне в 1947 году, когда был голод, люди ходили и собирали (выметали веником, потом просеивли на решете) эту гречку. Я тоже ходил собирать гречку, мать пекла из нее гречаники с добавкой картошки.

Из колхоза ушел по вербовке на Мневскую торфоразработку в 1949 году. Сначало жил на Центральном поселке, потом на Северном. Работал грузчиком торфа в вагоны. Зарабатывал в месяц 700-800 рублей. На то время это были большие деньги. Уволился в сентябре этого же года. После этого забрали в ФЗО и отправляли в Донбасс. Но я не хотел, там плохо кормили и на шахте мог покалечиться.

Меня первый раз поймали и отвезли в Михайло-Коцюбинск, но я сбежал из милиции. Это было в конце 1949 года. Потом меня снова забрали и отправили на Донбасс, но с дороги в Макеевке я сбежал, сел в вагон поезда, который вез уголь до Киева. Три дня ехал голодным. В Киеве в Дарнице попросил в людей поесть. Меня помыли, покормили и отправили с машинистом в Чернигов, дали на дорогу кусок хлеба.

С Чернигова пошел пешком на Белоус, потом на Зайцы, ночевал в скирдах, обошел Михайло-Коцюбинск и пошел на Андреевку. Ночевал в Галах в скирдах. Потом пришел до тетки в Линею, попросил есть и пошел снова ночевать в поле в скирды. Я боялся, что меня смогут снова поймать.

Домой пришел где-то через три недели. Потом с Мармилем Николаем пошли до начальника пилорамы Прохоренко в Чернигове. С ним был знаком отец Николая, нас взяли работать на пилораму на пристане на один месяц, а затем приписали на один год.

С пристани устроился на параход «Полина Осипенко» матросом, ездил по Десне. На нем было четыре матроса. Со мной работал Луговой Николай.

Потом устроился на завод «Октябрьский молот» учеником фрезеровщика до Пивень Прони Ивановны, дочери дядька Ивана с Жидинич. Жил в это время на частной квартире. В 1950 году дали общежитие. В это время в городе уже были два маршрута автобусов: первый — от Шерстянки до Бобровицы, второй — от нашего завода до пристани. На втором маршруте работала кондуктором Касьян Дуся. Стоимость проезда от завода до пристани была 50 копеек.

Поработав немного после завода в облпотребсоюзе в мастерских фрезировщиком, я завербовался в Крым на переселение. В это время я уже был женатым. Уехал я в 1954 году.

Тогда завербовались из Заболото Постол Микита с Дусей Григорьевной, Дорошок Данило Макарович, тетка Ольга из Локотькова с семьей. Много было из Пакуля.

Многих пакулян поселили в Бахчисарайском районе село Почтовое. Я попал в поселок Приятный этого села.

При переезде из Симферополя в район был такой случай. Когда начали подъезжать к Бачисарайкому району на грузовом автомобиле, одна бабушка начала стучать по кабине автомобиля. Водитель спросил: «В чем дело?» А бабушка говорит: «Постой, я выброшу камни, у меня их 5 штук, я их везла из дому, чтобы прижимать круги в бочке, когда солят капусту». Она увидела, что по обе стороны дороги лежат камни, так что пакульские камни будут не нужны.

Я прошел курсы садоводов и работал в садоводческой бригаде. Весной 1955 года я переехал в г. Алушту в колхоз имени Ильича. Мне дали полдома. У меня уже была очень хорошая корова. Дали мне 10 соток поливной земли, там у меня был виноград, садили помидоры. На базар на набережную носили продавать молоко, помидоры. Работал ездовым в колхозе. Мне дали очень прочную повозку и пару лошадей. Лошади стояли на военном учете. На случай войны их забрали бы в армию. Ездил я этой повозкой на выпас скота, который находился за Перевалом в горах. Места были изумительно красивыми.

В 1956 году в феврале приехал в Чернигов. Устроился на работу в пожарную, дали мне комнату. Потом получил участок под застройку на Подусовке. В это время по совместительству работал полотером в горкоме партии. Был тогда секретарь горкома Коротков Федор Иванович, бывший командир партизанского отряда. Он мне помог выписать лес на дом.

Потом устроился фрезеровщиком на капроновый завод. Проработал там до пенсии в 1990 году.

Вырастил троих детей: Виктора, Александра, Светлану.

Минун.

Минун был жителем села Пакуль. О нем много было разговоров после войны. Мне заполнились следующие факты. Кто были его родители и их фамилии не известно. Осталось только прозвище «Минун».

Минун в детстве отнимал в попового сына булку. Дети простых крестьян булок не кушали. Бывало так, сын попа кушает булку, Минун просит, чтобы тот дал и ему, но он не дает. Тогда Минун плюет на булку, сын попа бросает ее в песок, а сам побежал жаловаться попу. Минун обтирал булку и съедал ее.

Он был очень сильным. Однажды в молодости его кто-то обидел. Он отнял у обидчика шапку, поднял хлев за угол одной рукой и подложил туда шапку.

Во время войны устроился парикмахером в Пакуле. Он не любил немецкую власть. И когда к нему пришел немецкий офицер подстричься, он усадил его в кресло, сделал на голове машинкой крест и сказал офицеру, что ему нужно на минутку от лучиться. Офицер стал ждать «парикмахера», а он убежал в лес. У него был обычай: после какого-либо проступка убегать в лес.

Однажды он достал шприц и ампулы с ядом. За Днепром он представился врачом. Становому и раненым немецким офицерам он делал уколы якобы для профилактики воспаления. После укола он исчезал, а его пациенты через несколько часов умирали. Так он умертвил 6 человек в Днепровском, Лукодях и других селах. Его ловили, но безуспешно.

После войны он жил в Киеве, там у него была квартира, спал он на соломе. Как жулик он был на учете на Житнем базаре. Он имел неприкосновенность за 6 немецких офицеров. Однажды к нему приехал брат (фамилия его тоже не известна). Они пошли вдвоем по Киеву. По дороге им встретился поп с рукавом, в котором была мелочь, собранная в церкви. Минун отнял этот рукав, попа толкнул в канаву, а сам убежал. Брат после этого уехал от Минуна и больше к нему не ездил в Киев.

Потом он устроился лесником в Пакульском лесничестве. Продавал сосны по следующему принципу. Кто хорошо заплатит, разрешал валить большую сосну, приговаривая «Тебе даю угнетателя» (она угнетала рядом другие сосны). А кто заплатит мало, тому говорил: «А тебе вот эту угнетенную» (малую сосну).

Якубец Василий Демьянович. Дата рождения 23 июня 1936 года.

Детство

Самое раннее, что осталось в памяти — это 1939 год. Мне три года. Отца провожали в армию, войска тогда направляли на освобождение Западной Украины и Белороссии. В селе Пакуль возле Деркачевки играл духовой оркестр. Там собирались все, кого отправляли на фронт. Провожали их родные и близкие. Мы с

1000000		
1	Openings Mrs Deanings of	epole, conducations of
	народный комиссариат Виутренний комис внутренних лед СССР	
	ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР № ВНУТРИШНІХ СПРАВ ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ	crer
	BIDGIT ARTIS TPOMATRICARDEO CYARY	
	свидетельство о рождении	
124		
	посвідка про народження	-7
	Na 1005522	34
Tp.	Georgicas - Anyther Government of State & Comments of the State of the	P. C.
To B.	coul Decesation - Is soit to	w. Somb
	(was a orsected) + (loca so femeral)	
редилен вароднясь	"我们的现在分词是有一种人,不是有一个人的,我们就是一个人的,我们就是一个人的,我们就是一个人的,我们就是一个人的,我们就是一个人的,我们就是一个人的,我们就是	cemero kom c
-Carlo	Opposition a tradpass. The metals a variety-paperties I embrace ple, where t	The Parket
	книге венесей актов гражданского состоями о рождения за 190	6 . 33 -
spo mo a	в визм задисів актів громеданського стогу про зародження за 183	62.23
	Acally secure uponinaries conserveryment same. An	15 N 36
ORCH 1/4		Sor Mamore
Родучеля	BUTLED DESCRIPTION OF THE PROPERTY OF THE PROP	
Datem	Mary Madein James week which much on Tend	TONG EVENTERS
Место ре		chueroles a
мих реб- Мисае жи	прод. исто, равон, гелине С П поред Роспублика, область	reactive re
жения дл Место ре	encremen Francischet nur Verreiter ill Redetis	weeker so
Mit per per	transference of any the respectives	one prisun
44	San Bego SAIC	
2 1 min	See Empo SAVC MAN Besonpoundamen A.	,
3916	Theres A	
· Salami	5 N	
A CONTRACTOR		

матерью были вдвоем. Когда шли домой, то возле Моисеевой мельницы я убегал от матери по картошке (было очень тепло, светило солнце, картошка уже была по колено), а мать меня ловила и хохотала. Больше за этот день ничего не заполнилось.

Где-то в это же время мать меня повела в Линею до деда Андрея. Он был уже слепой, сидел на печи в белой рубашке и штанах. Мать меня поставила на припечок, дед погладил по голове и сказал: «Так це уже такий великий хлопець у Гали». Он тяжело работал и поэтому ослеп.

Якубец Василий Демьянович

Умер перед войной. А потом я сам ходил в Линею болотом, брал с собой палку. На болоте возле Линеи паслось много гусей, гусаки шипели и старались укусить. А болото было все в желтых цветах.

Однажды шел с озера домой по стежке возле цегельни. Возле дороги лежал кирпич-сыровец, я прошел по рядам кирпича босеком. Меня заметил Стародуб Артем Лукич, он работал тогда директором цегельни, и сильно меня напугал. Я испугался, прибежал домой и все рассказал. Я был бледным, отец привез из Конюшовки бабку, которая меня шептала. Помню я пил воду из кружки, где был тертый уголек из печи.

Мы часто ходили купаться в Заболото. Возле двора Стародуба Артема была дорожка, которая вела вниз до болота. Тогда этот уклон был сильно заметен, сейчас это почти ровное место. Погода была жаркая. В Заболото тогда было небольшое озеро. Росла рогоза, ситняк, много было куп, там гнездились утки, чайки, кулики. Прилетали цапли и аисты. На воде плавали свойские гуси, утки, паслись кони, телята. Купались в болоте свиньи. Мы

находили себе место, где не было грязи, а росла одна трава, покрытой водой и долго купались. Жаль, что все это уже исчезло.

В детстве ходили смотреть свадьбы. Когда была свадьба в цехмистера Тихона, он женил сына, мы ходили смотреть и нас угощали «шишками» — разными фигурками из теста. А когда была свадьба в Стародуба Василия Лукича в Заболото, то мы залазили на пол и смотрели на свадьбу. Тогда была такая традиция — пускать детей на пол даже в сапогах. Он возвышался над «доловкой» где-то на 70-80 см.

Когда началась война, отец ушел на фронт. При подходе немцев к селам Михайло-Коцюбинского района, колхозы начали ликвидировать: разбирали помещения, плуги, бороны, возы, которые не успели отправить в обоз армии. Скот, как правило, гнали впереди отступающей армии.

Осенью немецкие самолеты начали бомбить переправу на Днепре и село. Каждую семью заставляли делать окопы вдали от хаты. Было очень интересно и в то же время страшно. Мы научились распознавать самолеты по звуку: где немецкие, а где наш.

Однажды немецкий самолет пролетал над хутором и сбросил несколько бомб. Одна упала на поле возле хутора, другая — возле хаты Стародуба Хомы, третья — возле хаты Якубца Александра Дмитровича, четвертая — в саду Репича Ильи возле сарая Мойсеенко Афанасия. Как падали бомбы видел Мармиль Григорий Омельянович.

Я стоял с другом Стародубом Виктором Евдокимовичем и Стародубом Надей под нашей грушей на расстоянии где-то метров 25-30 от хаты дядька Александра. Когда розорвалась бомба у ног дядька, то было видно красное пламя, а вокруг черный дым. Дядько Александр в это время стоял возле своей хаты и смотрел на самолет. Его нашли убитого в соломе, которую волна сорвала с крыши. А семья в это время обедала в хате за столом, детей ранило осколками стекла, но они остались живы.

После этого случая все ночевали в окопах. На полу окопа ложили солому, а поверх одежду. В стене окопа делали нишу для керосиновой лампы. Где-то в углу стояла вода и еда.

Мы, дети, ходили в гости друг к другу. Так жили до глубокой осени. Когда стало холодно, перешли в хаты. В это время соблюдали светомоскировку, в хуторе были ответственные за светомаскировку всех жителей.

В период оккупации мало что запомнилось. Только, когда весной 1943 года в Липках расстреливали людей, отдельные моменты врезались в память.

Вечером 5 мая немцы из минометов обстреливали лес возле Ковпыты, который находился со стороны Андреевки.

Хотя карательные операции в селах осуществлялись мадьярами совместно с венграми, в народе осталось, что это делали немцы. Так будет и в книге.

Мы всей семьей в большой спешке погрузились на подводу и уже затемно приехали в Липки, остановились в Евдоченковом олешнику. Утром мой отец с дядьком Иваном пошли в Пущу искать место, где можно было бы спрятаться от немцев и я пошел с ними. По дороге в лесу я увидел возле сосны белку и стал ее гонять, а отец с дядьком пошли дальше и свернули с дороги. Потом я побежал по дороге и начал кричать, но они уже не слышали. Я шел и плакал. Больше ничего не помню. Меня подобрали пакуляне и привели по той же дороге назад и передали родителям.

Как началась стрелянина в Липках не запомнилось. Когда была уже ночь, стало холодно, а я с братьями находился в кустах в Грабовиках возле Ковпытской Пущи. Там спасались многие семеняговцы. Там мы просидели три дня. С нами был двоюродный брат Евсей. Ночами было холодно, а мы были в летней одежде.

На третий день нас нашла мать и мы пошли домой. Хата наша осталась целая, но в хате ничего не было, мы все погрузили на

подводу и там в Липках все сгорело: немцы наш воз облили бензином и подожгли. Так мы начали жить. Нам помогали с одеждой родственники и просто люди.

После освобождения хутора осенью 1943 года, отец снова ушел на фронт, а мы остались сами. Матери помогали старшие братья, а я был с сестрой Ефросинией.

Школьные годы

В школу пошел в 1945 году, когда мне было 9 лет. Школа была в Семеняговке в колхозном клубе. Как учились тогда, описано в разделе «Школа».

Следует только отметить, с каким интересом мы шли в школу. Детям-сиротам помогали ближайшие родственники или просто люди.

Семья у нас была большая — 6 человек, жилось трудно. Отец вечерами шил сапоги или ремонтировал себе, а также людям. Он сам выделывал кожу, у него были колодки разных размеров. Нитки делали из конопли, их просмаливали, называли «дратвы», на конце заделывали щетину (вместо иголки). Гвозди были березовые (они делались из березовой пластинки, срезанной под углом с двух сторон, потом ножом разрезали на «колочки», сушили в печи). Он ставил возле себя лампу и работал. Было интересно смотреть за работой, да и мы ему помогали и одновременно учились.

Отец выполнял так же столярные работы, делал бочки. В зимнее время делали скворечни. Лесник Стародуб Хома привозил из леса осиновые бревна, из которых и делали скворечники. Сбор шишек для меня был особо интересен: можно было зарабатывать денег и в тоже время побыть в лесу. Один пуд шишек стоил семь рублей, за зиму я собирал гдето пудов 10-15. Были деньги в кино и на книжки.

Летом собирали гусениц в лесу на соснах, за одну гусеницу

платили три копейки. Можно было собрать где-то 50-70 гусениц за день. Лазить нужно было по деревьям.

В Семеняговке я окончил четыре класса. В 1949 году я пошел в пятый класс в Пакуль. Учился в пятом классе в хате Пивня Владимира Лукича, в шестом — в хате Малахи, в седьмом — в хате Штых Григория.

Летом я часто помогал отцу косить траву в Липках возле Белого, в Грабовиках. А потом ворочал сено и сносил в копны.

Однажды Стародуб Хома взял меня, свою дочь Надю, Крижановскую Марию в Чернигов работать на хозяйственном дворе лесничества. Мы помогали копать яму под колодец, были дранку в строящемся доме. Спали в сарае на сене. В город ходили в кино. В лесхозе я заработал 70 рублей.

В 1948-1950 годах в хуторе была перепланировка. Мы сначала перенесли сарай, а потом хату. Хату начали переносить на весне. Крыша была соломенная. Когда ее снимали, то нашли сверток, там было много денег еще царских времен. Их разобрали братья и сосед Стародуб Василий Хомич, а мне достались две пятирублевые бумажные банкноты и одна десяти рублевая.

В этом свертке были банкноты по 50, 100 рублей. Деньги эти, по словам отца, спрятала бабушка, она умерла и никому не сказала. За сто рублей до революции можно было купить хорошего

коня, за пять копеек — низку баранок. На эти деньги работала вся дедовая семья, а она была большая. Деньги от продажи скота и другой продукции хозяйства забирал дед и передавал на хранение бабушке. Зарплата учителя тогда была 30-35 рублей в год. Отец в Карховке прошел курсы обучения для работы на молотилке. Он обслуживал село Пакуль с хуторами, Ведильцы, Карховку и даже колхозы за Днепром.

Когда он работал в Пакульском колхозе, я носил ему в обед кушать. Пока он обедал, я брал шприц, залезал в молотилку и смазывал все места. Обед я носил ему не только в хуторе, а и на поле далеко от села.

Несколько раз меня отец устраивал весовщиком при себе от МТС. Работал весовщиком только в Пакульском колхозе. Зарабатывал за осень 300-400 рублей. В это же время я часто возил зерно на машине в Чернигов на «Заготзерно» для сдачи государству.

Так как наша одежда сгорела в Липках во время карательной операции в 1943 году, то мы вынуждены были пасти скот. За каждую корову в конце сезона (осенью на Михайла) платили пуд зерна, кроме того давали так называемую «выгонщину» - буханку хлеба, кусок сала. А нам иногда давали отрез полотна. Стадо состояло из 35-40 коров. Я часто помогал пасти коров. Особенно интересно было в начале весны, когда еще в кругах было много воды, было много цветов. Гнездилось много птиц на всей территории Липок.

Кроме коров мы пасли колхозное стадо телят, голов 50-60, где были бычки и телки. Пасли, как правило, вдвоем. Мы часто пасли с Гаркушей Василием, ему помогал его брат Петрусь, а я брату Мише. Было несколько черед коров и одна телят. Часто подпасичи собирались по несколько человек и шли в Пущу гонять белок, зайцев или ходили за грибами и ягодами.

В обед варили кушать, отдыхали под деревьями, слушали рассказы старших, особенно участников войны.

Я часто брал с собой книги и там их читал. Это было в дни когда я не шел в школу, а вынужден был пасти коров вместо брата.

Семь классов окончил в 1952 году. Выпускной вечер был в Деркача Миколы. Нам разрешили в школе пить вино на этом вечере, но некоторые уже пробовали и самогон. Семь классов я окончил на отлично.

По окончании семилетки я решил поступить в геологоразведовательный техникум на подземную разведку, там стипендия была 390 рублей. Мне отец дал адрес в Навозах, где я заночевал, и утром сел на пароход «Краснофлотцы» и поехал в Киев.

Ехать было интересно, пароход останавливался возле сел, расположенных по Днепру. На пароходе я впервые попробовал макароны «по-флотски» и манку на молоке.

В Киев приехал вечером. Сошел на пристани и пошел искать адрес рабочего, который мне дали в Навозах, но его не было в общежитии, он был в командировке. Я возвратился и заночевал на пристане под стульями. Утром я устал и пошел искать техникум, адрес его был по улице Прозоровского, 38, за стадионом Хрущова.

Я нашел техникум, но в приемной комиссии мне сказали, что отличников уже набрали и предложили сдавать экзамены на общих основаниях. Я отказался, сел на пароход и поехал назад.

Но на этом мечта стать геологом не окончилась. Я подал документы в Старооскольский геологоразведовательный техникум Курской области. Со мной подал заявление Деркач Микола и Токарь Григорий.

Так как я был отличником, то мне нужно было пройти собеседование, а им сдавать экзамены. Но ни я, ни они не прошли на вступительных экзаменах, купили билеты и поехали обратно.

Там я распросил в одного студента, что значит подземная разведка. Оказалось, что это работа связана с прокладкой туннелей в шахтах, очень опасная и вредная для здоровья. Вот почему там была стипендия 390 рублей на первом курсе.

Приехав домой, я подал документы в Ковпытскую среднюю школу.

В этом году в Ковпытской школе было организовано три восьмых класса. Было три учебных корпуса и одно деревянное общежитие. Главный корпус был кирпичный, остальные два деревянные. В главном корпусе во время войны был госпиталь.

Учиться было интересно, часто привозили кино. Учились во вторую смену, с двух часов до шести-восьми часов вечера. Кино пускали после уроков. Домой приходили поздно. Из Семеняговки со мной ходили Черниченко Владимир и Дорошок Миша. Много было учеников из Пакуля. Учились несколько человек из Ведилец, было много смолинцев. Они жили в общежитии. Больше всего, конечно, было школьников из Ковпыты.

Учеба была платная, за год нужно было уплатить 150 рублей. Не платили только сироты, чьи отцы погибли на фронте. Платное обучение отменили после смерти Сталина.

Учились при керосиновых лампах. На перерыв и на урок техработница звонила ручным звонком.

Осенью и весной, когда озеро разливалось, ходили через Сальниковку (делали круг).

В девятом классе на зимних каникулах умерла мать. Похоронили ее 10 января, а 11 я пошел в школу.

В школу ходил через озеро, сапоги протекали, я часто с мокрыми ногами сидел в школе до окончания уроков, потом шел домой и только тогда раззувался и лез на печь. В результате я сильно заболел и хотел в 10 классе зимой уехать в Крым до брата Миши и там окончить 10 классов. Но учителя, спасибо им, отговорили, и я окончил школу дома и потом уже поехал в Крым до брата Миши, он жил в это время в Алуште.

Окончил десять классов хорошо, в аттестате у меня было только две четверки. Отгуляли выпускной вечер в Душенок Нади.

Отец занял в Стародуба Хомы 150 рублей. Я взял чемодан с книгами, еды на дорогу и поехал в Чернигов до брата Гриши.

Он мне купил новый чемодан, ботинки и рубашку. Купил билет до Симферополя за 105 рублей и я поехал через Киев до Мелитополя. В Мелитополе сдал документы в институт механизации сельского хозяйства и поехал на Симферополь. Рано утром я сел на автобус и поехал на Алушту.

Ехать было интересно, первый раз смотрел горы. На Перевале стало очень холодно, потом автобус пошел вниз, а когда въехали в Алушту, то стало очень жарко. Я сошел с автобуса и сразу пошел смотреть море.

Первый раз увидев море, его волны, крик чаек – такое запоминается на всю жизнь.

Потом пошел искать брата. Он работал в колхозе Ильича ездовым, дали

Справа Якубец Василий Демьянович в Алуште. Фото 1955 г.

ему полдома. У него была хорошая корова, участок поливной земли, где рос виноград и помидоры.

Стал готовиться к экзаменам в институт. Часто ходил на пляж загорать, купаться в море. Это было просто блаженство после Семеняговки.

Однажды мы поехали с братом в горы за Перевал по сено. Там был колхозный участок, где пасли скот и косили сено. Заночевали в шалаше пастуха, ночью было очень холодно. Погрузили на подводу сено и с трудом спустились с гор на трассу, которая вела в Алушту. Впечатления от этой поездки были огромные.

С 1 августа сдавал экзамены в институт. Жил в актовом зале. Со мной сдавали экзамены со школы Тарасенко Дмитро и Ком-

панец Николай. Тарасенко экзаменов не сдал и уехал домой. Я сдал экзамены хорошо: две пятерки и две четверки и поехал снова в Алушту. Нас с Компанцом приняли в институт. Когда пришел вызов, я поехал в Мелитополь.

Учеба в институте

Жил я по улице Селянская, 4. потом менял квартиры, пока не получил на третьем курсе место в общежитии. За квартиру я платил 75 рублей, за общежитие — 2 рубля 50 копеек. Стипендия была на первом курсе 290 рублей, а потом каждый год добавляли.

Сразу на первом курсе нас отправили в колхоз на уборку арбузов. Вот в это время я накушался их досыта. Кормили хорошо. Заработал немного денег и сохранилась стипендия. Ходили в кино. Запомнились кинофильмы: «Адские водители» и «Плата за страх». Американского производства.

Зимой на каникулах ездил в село Терпенье. Там жил Макаренко Давид из Ковпыты, а у него жила Стеченко Люба из нашего класса.

После первого курса я поехал домой, интересно было сходить в школу, поговорить с учителями.

Из нашего выпуска поступили в институты семь человек: со мной учился Компанец Николай, в политехническом — Ревун Михаил и Милейко Раиса, Рослый Андрей — в университетете, Брей Володя — в сельхозооакадемии, Вергун Владислав — в Саратовском авиационном институте.

На втором курсе снова послали в колхоз на целый месяц, убирали в основном кукурузу.

Когда учился, часто ходил разгружать вагоны с углем, дровами и камнем.

Учиться было очень интересно. В актовом зале часто были концерты силами студентов. По дороге в Крым к нам заезжали артисты, поэты, писатели. Проводились вечера танцев. К нам в институт приходила молодежь со всего города. Особенно было много

молодежи весной, когда танцы организовывали перед институтом.

В городе была знаменитая «стометровка». Там в выходные дни собиралась молодежь со всего города и ходили несколько часов: одна часть молодежи двигалась в одну сторону, другая в другую. От обуви был какой-то специфический шум.

После второго курса я проходил практику на заводе «Компрессор», сверлил маховики на сверлильном станке, заработал 400 рублей. Одновременно знакомился с производством завода.

После третьего курса проходил практику в колхозе под Мелитополем в с. Константиновка. Потом поехал на один месяц в г. Осипенко (теперь Бердянск) в дом отдыха «Осипенко». Мне в институте дали две путевки по 12 дней, лечился я на курорте возле моря, туда из города ездил автобус.

После четвертого курса был на военных сборах в Крыму возле Феодосии. Жили в палатках, было очень жарко, в обед и вечером ходили на море купаться. Отсюда нас отправили на целину на уборку урожая. Я попал в Павлоградскую область, Иртышский район, совхоз «Северный», «Северное отделение».

Жили в бараке, все спали на настиле друг возле друга. Я работал на прицепной жатке, убирали пшеницу, заработал 900 рублей. По окончании работ я поехал в Москву, садились в Омске. В Москве купил себе первый костюм и светлый плащ китайского производства «Дружба» и поехал домой на Черниговщину.

Осенью проходил преддипломную практику в Переяслав-Хмельницком в совхозе «Переяславский». После практики уже в Мелитополе работал над дипломом. После защиты я выбрал себе Хмельницкую область. Там меня направили в Полонскую РТС старшим инженером по гостехнадзору с окладом 1100 рублей, это тогда была хорошая зарплата. Работа мне не понравилась, через три месяца осенью 1960 года я уволился.

Следует отметить двух выпускников Ковпытской средней школы, которые окончили 10 классов со мной в 1955 году. Это Компанец Николай Прокопович и Ревун Михаил Павлович, оба они из Смолина.

Компанец Николай был сиротой: отец погиб на фронте, а мать убили бандиты после войны. Он окончил 7 классов в Смолине, а 10- в Ковпыте.

Слева направо Ревун М., Колотуша Н., Компанец Н., Корж В., Мозговой Н.

Потом он поступил в Мелитопольский институт механизации сельского хозяйства, который окончил в 1960 году.

Трудовую деятельность начал главным инженером колхоза в Дунаевецком районе Хмельницкой области. Здесь он женился на Галине Барановской. Потом переехал на работу в Винницкую область, работал на различных должностях. Затем перевели в Киев в министерство заготовок, где работал сначала первым заместителем министра, а потом министром хлебопродуков Украины.

После всех реорганизаций в сельском хозяйстве он работал президентом зерновой ассоциации Украины и одновременно генеральным директором представительства американской компании WJ Crain в Украине.

Вырастил сына Николая, который окончил Винницкий политехнический институт, защитил кандидатскую диссертацию, в настоящее время работает в том же институте доцентом.

Сын женился на Тамаре и они подарили родителям трёх внуков: Александра, Диму и Настю.

С ним учился в школе Ревун Михаил Павлович, он тоже

Слева Н.Компанец, справа М. Ревун

из Смолина. После окончания десятилетки он поступил в киевский политехнический институт, после его окончания поработал немного на производстве, а потом возвратился в институт, окончил аспирантуру.

После этого работал преподавателем в индустриальном институте г. Запорожье, а

потом был назначен ректором этого института, переименованного после в инженерную академию. Он доктор технических наук.

Часть данных взяты из книги В. Кава: «Людина живе любов'ю» г. Нежин, 2005 год.

Учился с нами в институте и Онуфриев Владимир Яковлевич. Родился он в 1932 году в селе Кагальник Ростовской области, в бывшей станице Донского козачества. В детстве он узнал, что такое война, разруха, послевоенный голод.

С 14 лет работал в литейном цеху завода им. Воровского в г. Мелито-поль. Работая, учился в вечерней школе с 5 по 10 класс. При этом заводе приобрёл ещё профессию музыканта: он играл в духовом оркестре.

После службы в армии поступил в Мелитопольский институт механизации сельского хозяйства, который окончил в 1960 году.

Владимир Онуфриев

Я пролетел по жизни, как комета, И завершил немало добрых дел. Без скромности скажу – во мне душа поэта. Я для друзей писал и для друзей я пел!..

В. Онуфриев

Работал инженером на заводе «Бытмаш» (г. Мелитополь), «Электродный» (г. Запорожье), потом в Министерстве цветной металлургии СССР в Москве.

Жизнь его проходила в кругу друзей, где любили музыку, поэзию, юмор. В такой атмосфере он начал писать стихи и песни.

(сокращённо)

А что если нырнуть нам в молодость былую И в мыслях пролететь назад полсотни лет, По клавишам годов пройтись напропалую, Где были мы тогда юнцы в расцвете лет.

Вот там, где с булавой стоял Богдан Хмельницкий, На улице его прекрасный институт, В зеленке утонул наш скверик институтский И, где бы ни был я, кусочек сердца тут. Пожалуй, что у всех у нас, Пожалуй, что у всех у нас, Пожалуй, что у всех у нас кусочек сердца тут.

Как холодно внутри сжимало слово «конкурс», Улыбки, радость, смех и слезы юных бед, Любимым нашим стал чудесный главный корпус. Все страхи позади, о сладкий миг побед!

Учили все подряд: конспекты, схемы, книжки, А вечером стонал Володин саксный альт, Под звуки без идей и проклятого «Мишки» Стирали дружно мы подошвы об асфальт. Стирали дружно мы, Стирали дружно мы, Стирали дружно мы подошвы об асфальт.

Давайте пить, гулять и дружно веселиться, Да, если в среднем взять, ещё мы ого-го! Кто скажет, сколько нам по шарику катиться? Лет двадцать, тридцать пять, не более того. Я предлагаю жить, пока ещё живётся, А не сидеть и ждать какого-то конца, Смеяться, юморить, пока ещё смеётся, За здравье Милки пить и Коли Компанца! Смеяться, юморить, Смеяться, юморить, За здравье Милки пить и Коли Ком-пан-ца!

> 12.05.2005 г. г. Мелитополь

Данные взяты из его поэтического сборника «Перебирая струны и страницы».

Немецкий язык нам преподавал Кривень Юрий Прокопович. Он из своей жизни рассказал следующий случай. Перед войной он, будучи курсантом училища, пошёл на свидание к своей девушке, она ему отказала в дальнейших встречах. Он в расстроенных чувствах пришёл домой, спрятал китель в чемодан и возил его с собой всю войну.

Будучи в Берлине после победы, он однажды поднялся на радиовышку, которая была в городе самой высокой точкой, осмотрел и когда голова закружилась (так как вышка раскачивалась), то он сразу опустился вниз.

Однажды он со школьниками пошёл в поход на Днепр в районе Новозов. Он был в кителе, с биноклем. Ему захотелось посмотреть Днепр. Пробираясь лугом по кустам, он подошёл к Днепру и в бинокль начал рассматривать Днепр. А женщины из Новозов гребли сено и решили, что это немецкий шпион. Они его гуртом повели в сельский совет и на его возражение, что он пришёл со школьниками из Ковпыты на экскурсию, не обращали внимания. В сельсовете связались по телефону с Ковпытой и только тогда его отпустили.

Работа

В начале 1961 года я устроился конструктором на Нежинском машзаводе. Завод специализировался по изготовлению оборудования для животноводства. Тогда в Союзе был объявлен «Нежинский почин». Курировал этот почин лично Хрущов Н.С., он был тогда первым секретарем ЦК КПСС.

Сначала работал в КБ завода, а потом перешел конструктором в экспериментальный цех. Там я многому научился. Мне пришлось сопровождать конструкторскую документацию на все опытные образцы, которые осваивал завод.

Завод начал изготавливать карусельные доильные установки, где процесс дойки коров осуществлялся на вращающейся платформе. В Ведильцах была самодельная доильная установка карусельного типа. Меня послали в командировку для ознакомления с ее устройством. Заехал, конечно, и домой.

Завод изготовил 25 штук этих установок, их распределили по всей Украине.

Одна из них была смонтирована под Киевом в Ново-Петровцах в савхозе. Здесь находились наблюдательные пункты украинских фронтов (кажется второго и третьего), и комната-музей, где были личные вещи Хрущова.

Однажды, где-то в апреле, к нам на монтаж приехал Шелест П.Е., он был вторым секретарем ЦК КПУ. Ознакомился, распросил о сроках пуска в работу и уехал.

После этого все работы были ускорены с тем, чтобы к началу пленума ЦК КПУ, который планировался в июне, она полностью работала. Руководство Украины решило показать эту установку Хрущову.

В начале июня она была запущена в работу. К нам несколько раз приезжал Шелест на вечерние дойки. Я становился возле пульта управления этой установки, а Шелест со своей свитой располагался на специальной смотровой площадке.

Шелест решил лично ознакомится с процессом дойки, чтобы при необходимости, давать объяснения Хрущову, если он приедет смотреть карусель. Но он не приехал.

После пленума Подгорного перевели в Москву, а Шелеста избрали первым секретарем ЦК КПУ.

Вскоре комиссия Министерства приняла в эксплуатацию эту установку, а меня направили в Одесскую область, в Татарбунарский район, в колхоз имени Татарбунарского восстания. Там я проконсультировал специалистов по этой установке и вылетел в Одессу «кукурузником». Это был мой первый полет на самолете. Этот колхоз был очень богат, в нем было только винограда десять тысяч гектар. Председателем был Тур, он был депутатом Верховного Совета СССР.

Побывал я впервые и в Одессе, ознакомился с достопримечательностями, с портом.

Уволился с завода в марте 1964 года.

Нежинский период оставил в памяти приятный след. Там пришлось работать с хорошими друзьями и специалистами. Это: Худобец Владимир Сергеевич, Коломийченко Владимир Григорьевич, Щетка Владимир, Быков Александр, Пинчук Наташа, Асеев Герман и другие. Я благодарен начальнику экспериментального цеха Пучку Ивану Ульяновичу, который много мне подсказывал.

В Чернигове я устроился на работу на завод «Октябрьский молот». Сначала мастером в цех шестерен, а потом перешел в техотдел конструктором. От завода по туристической путевке я ездил на Кавказ. Сначала нас знакомили с городом Орджоникидзе (теперь Грозный) и его окрестностями, Военногрузинской дорогой, с музеем Сталина в Гори и в конце были в г. Нальчик. Впечатления остались на всю жизнь.

С 1966 по 1972 год работал конструктором в КБ облместрома. Женился в 1967 году.

С 1972 года по 1986 год работал в конструкторском отделе конструкторского бюро Минлегпрома, находящегося в Киеве. Отдел же находился в Чернигове на комвольно-суконном комбинате. Особенно этого периода было то, что по работе нужно было ездить на предприятия легкой промышленности по всей европейской части Союза для сбора различной информации.

С 1986 года по 1996 год работал на заводе «Агрореммаш» конструктором в техотделе. Отсюда ушел на пенсию. Имею дочь Людмилу, в которой имеется внучка Лилечка, и сына Вадима. Они живут в Киеве.

Репич (Якубец) Ефросиния Демьяновна. Родилась в 1941 году.

По рассказам старших в семье, когда в 1941 году осенью немецкие самолеты бомбили хутор, одна бомба упала возле хаты дядька Александра. Он в это время стоял возле хаты и бомба разорвалась возле его ног, его убило. До нашей хаты было метров двадцать. После взрыва бомбы повыбивало стекла в хате в их хате и нашей тоже.

Я в это время лежала в хате в колыске, а мать копала окоп на околице с семьей дядька Ивана. Мать прибежала и забрала меня. После, когда повставляли стекла в окнах, в хате нашли в стене осколок, он пробил стену от хаты

Якубец Ефросиния

дядька Александра, пролетел над колыской и застрял в противоположной стене. Он мог бы попасть и в меня.

После этого наша семья перешла жить в окоп. Потом когда наша семья была в бегах весной 1943 года, мы остановились в Евдоченковом олешнике. Отец пас лошадей далековато от места, где находился наш воз, он уснул. Было это днем. А мать лежала

со мной на канаве недалеко от олешника.

И когда она увидела, что из Шульговского леса идут мадьяры, она бросила меня и побежала вперед, разбудила отца и они уже не смогли забрать меня и убежали в Пущу.

А я лежала и плакала. Мадьяр меня забрал и передал Мойсеенко Ходоре, она была со своими детьми недалеко от нас. При этом он сказал: «Мамка дура». Мол зачем она убежала, ее не тронули бы. Ходора принесла меня домой и передала моим родителям.

Так в моей жизни было два опасных случая.

Детство прошло в Семеняговке. Любили бегать гулять на Рынок, пасти телят на болоте.

В школу пошла в 1948 году в Семеняговку, потом ходила в школу в Пакуль. Рано умерла мать: когда я была в шестом классе. Через год окончила семь классов и осталась дома, всю жизнь работала в колхозе.

Репич Петро Иванович

В Семеняговке после войны были овцы у нас, Стародуба Евдокима, Черниченко Мойсея и Постола Демьяна в Заболото. Пасли овец по очереди. Сильно не хотелось пасти их на Троицу. Мы с Евдокимовой Марией и Мойсеевой Ольгой брали календарь и составляли график так, чтобы на Троицу пасти овец припадало Постолу Демьяну. Он удивлялся: почему каждый год пасти овец на Троицу приходилось только ему.

Замуж вышла за Репича Петра Ивановича из Пакуля, жили у него до 1966 года.

В Пакуле родились Витя и Коля.

Потом переехали жить в Семеняговку, где родилась Наташа. Витя женился на Любе из Анисова, у них родились дети — Аня и Алла. У Коли родился сын Ярослав, у Наташи — Артем.

Стародубы

Когда-то из Пакуля в Семеняговку на свободные земли переселился Стародуб, от которого и пошли Стародубы в хуторе.

Самым старым жителем из Семеняговки, известным на сегодня, является Стародуб Лука. У него было шесть сыновей: Хома, Иван, Артем, Ефим, Василий и Семен, и одна дочь Олена.

Хома и Артем, когда поженились, отделились и поселились на отцовской земле, Василий поселился в Заболото, а Ефим перешел в Шульговку. Дочь Олена вышла замуж за Мармиля Осипа и они поселились возле Мармиля Григория.

Иван остался на дворище отца. Он был кузнецом. На его усадьбе была кузница, поэтому его прозвали «Коваль», с этим прозвищем его и знали. Он ковал для людей сапки, серпы, ножи, топоры и другие изделия из металла. Перед кузницей было устройство, при помощи которого на колеса из воза набивали стальной обод.

Дед Лука оставил после себя память не только своей семьей, но и поступком в мае 1943 года, когда мадьяры начали жечь хутор. Все семеняговцы убежали в лес или Липки, а дед Лука остался дома. Мадьяры ходили по хутору и искали людей, нашли только деда Луку. Его повели в Токаревку, где находился их стан. В это время уже горели хаты Снитко Омелько, Снитко Ефима, Дорошка Григория, Примаченко Пилипа. Когда Луку привели к старшему, тот его спросил: «У вас есть партизаны?». Дед ответил: «У нас партизан нет, у нас есть бургомистр». И рассказал, где он живет. Его двор был Заболотом. Старший приказал прекратить жечь хутор, а деду сказали: «Иди растаскивай плетни, чтобы пожар не распространялся дальше». Он пошел и стал растаскивать плетни.

Стародуб Артем Лукич

Стародуб Артем Лукич

Артем женился на Мармиль Марии из Конюшовки. Она была в Семеняговке как «Мармилька». Они поселились рядом с двором Луки через улицу. У них родилось трое детей: Петро, Евдокия и Валентина.

До войны Артем работал в колхозе директором цегельни.

Как вспоминает дочь Дуня при мадья-

рах были в бегах в Грабови- ках. После мой пешком

ухода мадьяр, шли домой пешком из Липок отец, мать и я, Валя была на руках у матери. Когда подходили к дому, то я плакала: «Параска уже дома, вишеньки цветут, а мы еще не дома». (Параска – соседская девочка).

После освобождения Артема забрали на войну осенью 1943

Черниченко Валя

года. Когда его часть шла из Чернигова на Белоруссию

Стародуб Евдокия Артемовна

через Пакуль, он отпросился домой на одну ночь, а утром ушел на переправу, где встретил Мойсеенко Ралка. Его часть пошла на Неданчичи, а часть Артема пошла на Белоруссию. Ралко после войны пришел

домой, а Артем убит 16.07.1944 года, похоронен в с. Олександровка, Луцкого района, Волынской области.

Пустовойт (Стародуб) Анна Евдокимовна, 26 апреля 1949 года рождения.

Отец Стародуб Евдоким Артемович 1910 года рождения, женился на Натальи Кондратьевне из с. Пакуль.

Дед Стародуб Артем, брат Стародуба Луки, женился на Якубец Ходоре Дмитриевне из Семеняговки и поселился по соседству с Лукой. Во время первой Мировой войны 1914 года он был на фронте в Западной Украине, заслужил три Георгиевские креста. Был убит на глазах у соседа, солдата из Пакуля, который и рассказал о случившемся.

Жена Ходора, оставшись вдовой с четырьма детьми (Параской, Марией, Катериной и Евдокимом) вынуждена была тяжело работать на земле в с. Андреевка у помещика. Там работали многие из с. Пакуль.

Ходора вышла второй раз замуж за Примаченко Василия Григорьевича. В 1943 году при немцах он был убит.

Отец Евдоким до войны работал в колхозе на разных работах. Перед войной он обучился на тракториста, был в резерве со многими односельчанами (семеняговцами) на случай, если в колхоз

поступят трактора. В то время в колхозе был один трактор, на котором работал Репич Илья.

На войну забрали в 1943 году. Однажды во время немецкой артподготовки его присыпало зем-

Стародубы Евдоким и Наталка

лей. Была видна только кисть руки. По этой руке его и нашли. Он был оглушен и потерял речь. В госпитале его подлечили. После этого работал в мастерской по ремонту и пошиве обуви. Когда пришел домой после войны — шил сапоги для себя и для людей. Имея различный инструмент он мог делать даже модельную обувь.

Мать Наталья работала в колхозе на полевых работах. Всего в семье было четверо детей: Виталий, Мария, Вера и Анна.

Виталий, 1935 года рождения, после войны окончил 10 классов Ковпытской средней школы, окончил Днепропетровский инженерный институт, работал инженером. Вместе с женой Анной воспитали сына Олега, у которого сейчас трое детей: Татьяна, Александра и София.

Сестра Вера (по замужеству Луговая) 1938 года рождения, окончила 10 классов Ковпытской средней школы, окончила пединститут и работала учителем физики и математики в Чернигове. Воспитала вместе с мужем Николаем дочь Людмилу и внука Сергея.

Сестра Мария (по замужеству Буренок) 1942 года рождения вышла замуж в Ковпыту и вместе с мужем Иваном выростила двоих сыновей Анатолия и Сергея, двоих внуков Николая и Владимира.

Стародуб Вера Евдокимовна

Я, Анна, 1949 года рождения окончила Черниговский педагогический институт и больше 40 лет проработала в Ковпытской средней школе учителем математики. Вместе с мужем Федором воспитала двух детей Елену и Валерия, троих внуков Милену, Валерию и Романа.

В 1994 году, сопровождая группу детей, побывала в Японии. Эти дети — пострадавшие от Чернобыльской катастрофы и проживавшие в разных селах района. Во главе группы был на то время главный врач Черниговской ЦРБ Иващенко Василий Иосифович. В составе группы — педиатр Михайло-Коцюбинской районной

больницы. Детей обследовали японские врачи в специализированных клиниках. Проживали дети в японских семьях, где были их сверстники.

Каждый день были интересные экскурсии в школы, у открытый океан, в мерии городов и т.д.

Незабываемые впечатления оставила встреча с женщиной, которая пережила бомбандировку города Хиросимы.

г.Хиросима

Наша делегация принимала участие в изготовлении аистов, которые, за легендой, клеила больная японская девочка в надежде выздороветь от лучевой болезни. Но ее мечта так и не осуществилась.

Возле памятника этой девочке и всем пострадавшим детям делегации туристов оставляют

гирлянды разноцветных аистов. Наша делегация тоже оставила свою гирлянду.

Посещая школы, рассказывали детям и учителям об Украине, оставляя на память сувениры. На уроках математики наши дети вместе со своими японскими одногодками решали задачи и упражнения,

Встреча с футболистами Протасовым и Цвейбой

показывая высокий уровень знаний. С большим удовольствием работали в компьютерном классе, на уроках физкультуры, принимали участие в различных играх.

Незабываемой была встреча с известными футболистами Протасовым и Цвейбою. Они

работали в Японии по г.Нагасаки. Фото на фоне средней школы

контракту. Не смотря на свой очень плотный график тренировок и занятий по японскому языку, футболисты приехали к нам за двести километров, как только узнали, что в Японии пребывают дети с Украины. Фотографии, подарки от футболистов дети привезли домой.

Отдельно хочется рассказать об отношении к нашим детям у японских семьях. Все взрослые с неподдельной искренностью, родительским беспокойством заботились об украинских детях. Каждая семья, в которой жили наши дети, придумывали новые развлечения: сбор мандаринов, посещение тепличных хозяйств,

выход в море, запуски воздушного змея, посещения ресторанов, культовых сооружений, приготовление национальных блюд.

К прощальному вечеру я приготовила украинский борщ. Все присут-

Учимся кушать палочками

ствующие взрослые и дети с аппетитом лакомились украинским блюдом. На следующий день хозяйка спросила рецепт украинского борща – он им очень понравился.

Провожали нашу делегацию в порт Нарита много детей и взрослых. Дети за 20 дней настолько подружились, что все плакали. А нам, взрослым, так бы хотелось, чтобы эти дети когда-нибудь еще раз встретились.

Стародуб Віталій Євдокимович

Дата народження 5 грудня 1935 року.

Стародуб Віталій Евдокимович

Першими із Стародубів, хто поселився в Семенягівці, були брати Лука і Артем.

Лука прожив довге життя і помер в глибокій старості.

Артему випала інша доля. Одружився він на Якубець Ходорі Дмитрівні. У них народилось четверо дітей: доньки Параска, Марія, Катерина і син Євдоким. Життя його обірвалось в Карпатах у першу світову війну 1914 року.

Параска вийшла заміж у Пильню за Пильник Микому Яковича. В них народились син Григорій і дочка Настя. Миколу Яковича в період колективізації вислали, звідкілля він і не повернувся.

Марія вийшла заміж у Семенягівці за Черниченка Мойсія. У них було четверо дітей: дочки Ганна і Ольга, сини Василь і Іван.

Катерина вийшла заміж за Деркача Якова Петровича в село Пакуль. У них було двоє дітей – дочка Марія і син Володя.

Євдоким одружився на Цибулі Наталці Кіндратівні з Пакулі. У них народилось четверо дітей: син Віталій, дочки – Віра, Марія і Ганна. Віра і Ганна закінчили Чернігівський педагогічний

інститут, а я, Віталій, Дніпропетровський інженерно-будівельний інститут. Ганна закінчила десять класів із золотою медаллю.

В дуже важкі часи революції і громадянської війни до бабусі Ходори пристав у прийми дід Василь Григорович.

У них народилися дві дочки: Проня і Малаха.

Дід Кіндрат Ісакович по матері був із села Пакуль, він там і жив. В обох посмішка була такою щирою, лагідною і з ними мені було радісно, затишно, безтурботно.

До нас часто приходив брат діда Василя Пилип, його звали в селі Пилипица. Дід Пилип просив, щоб я його поголив. Я робив з перегнутої соломини «бритву» і починав «гоління». Дід терпеливо чекав, поки я скінчу. Потім він вставав і дякував мені за роботу.

Понад вулицею, з двох боків нашої садиби, росли велетенські груші, стовбури яких одна людина не могла їх обійняти. Це були «дички», плоди на них були дрібні, але смачні. Були в нас дві сахарки і одна лісова красуня. Кожен рік ми насушували декілька мішків груш, яблук, слив, вишень, грибів. Потім майже рік варили узвар, кисіль, кашу. А гриби йшли в борщ.

Згадуючи дитинство в пам'яті спливають пісні в хуторі на роботі під час перепочинку, в свята вечорами, дома в гостях.

Коли я був в дуже важкому стані під час хвороби скарлатиною, дід Василь привіз із Запоріжжя кавунів і булок. Я їх поїв і мені стало набагато легше. З того часу в мене постійна любов до кавунів.

З довоєнних років мені запам'ятався смак і аромат цукерок. Це були подушечки, обсипані цукром. У нас були ще грудки цукру, давали його до чаю тим, хто хворів і по святам іншим.

Моя бабуся була неписьменна, а батько Євдоким навчався читати і писати в лікнепі.

Перед колективізацією у нас був такий випадок. Злодій продер солом'яну кришу комори і стрибнув у низ. В цьому місці стояла діжка в обхваті більше метра і висотою більше двох. Діжка була

заповнена майже до верху просом. Злодій не міг вилізти і сидів до ранку, поки його там не замітили. Дід Василь постукав по діжці і сказав: «Ти тут?» Почулось: «Да». «А зброя ε в тебе?» « ε , обріз». «Тоді викидай!» Що він і зробив. Позвали сусідів, дітей і за допомогою віровки витягнули його з діжки. Це був односельчанин, він просився і каявся. Його простили.

Тітка Проня виходила заміж в день, коли почалася війна, за Конюшу Івана. Він був партійний і зразу ж пішов на фронт і загинув. Прийшло повідомлення, що пропав безвісті. У тьоті Проні народився син Іван.

Батько був нездатний до строєної служби, у нього був білий воїнський білет. До окупації він працював в тракторній бригаді від Кархівської МТС.

Якось в хутір заїхала вантажна машина, водій шукав бензину і батько повів його на бригаду, допоміг йому закатити бочку з бензином на машину. Водій тоді сказав, що в нього на машині ϵ багато солі, правда вона перемішана з соломою. Тоді на рядна швиденько лопатами згребли ту сіль. Тієї солі нам вистачило на весь період окупації.

Невдовзі в хутір втупили німці, вони їхали на конях. Настав період окупації. Нехватало першого необхідного. Знову, як при колективізації, люди стали ховати все, що могли забрати німці: зерно, картоплю, сало, одяг і т.д.

Почали робити жорна. Щоб намолоти доволі грубого борошна на декілька хлібин, потрібно було крутити ці жорна декілька годин. Мій батько з Якубцом Дем'яном зробили млинок по зразку вітряка з різних деталей, що знайшли на бригаді. Крутили його за спеціальну ручку.

Одного дня додому повернулись дід Василь і дядько Яків. Вони були в одному німецькому таборі під Харковом. Вони попали спочатку в оточення, потім в полон і випадково зустрілись в одному таборі. Дід умовив дядька тікати з табору поки ε сили. Вони стали допомагати полоненим вивозити величезну бочку

з нечистотами в яр, що знаходився далеко від табору. Одного разу їм пощастило непомітно зникнути. Йшли вони ночами, а в день ховались в ярах і лісах. Так однієї ночі вони добрались додому. Вдягнені вони були в полосаті костюми (біла полоса і синя), це був одяг, в який німці переодягали радянських солдатів, що попали в полон.

Перші карателі з'явились в хуторі зимою 1942 року. Це були німці. Їх на ніч розсилали по хатах. У нас їх було троє. Батько хворів, у нього на нозі була рожа, нога була перев'язана. Німці подумали, що він поранений і зразу: «Партизан, партизан!», бабуся розмотала ногу і показала їм, вони обдивидись, що рани немає і заспокоїлись. А вечером знову сталась біда. Дід Василь зробив незграбну цигарку і запалив. Запах тютюну розійшовся по хаті. Німці по черзі і загелкотали: «Сигара, сигара». Одному дід дав покурити ту цигарку, той закашлявся сильно, ніяк не зміг зупинитись. Ті два німці знову на діда: «Партизан, партизан!». А цей німець уже відкашлявся і каже: «Найн партизан, сигара гут». Ті заспокоїлись, а потім попросили діда Василя, щоб і їм скрутив цигарки. Вони в трьох курили і голосно сміялись. А для нас це був великий жах.

Десь літом 1942 року в Пакулі німці убили діда Петра, батька Деркача Якова, а хату їх спалили. Дядько Яків був в партизанах, він був чоловіком тітки Каті. З нашої рідні в партизанах були, крім дядька Якова, мамин брат Цибуля Олександр і племінник баби Ходори. Вони були в загоні Таранущенка який не входив ні в об'єднання Федорова, ні до Збанацького.

Після бою в Ревуновому, ми, хлопчики, ходили дивитись на наслідки бою. Я бачив тільки лісопилку, цілі скирти тирси з дерева, а під тирсою лід, великі штабелі шпал. Німці проклали туди залізницю, щоб вивозити деревину.

Там був такий сосновий ліс, якого зараз немає вже мабуть ніде. В народі його називали «корабельний ліс». Сосни внизу були такої товщини, що доросла людина не могла обхопити

двома руками. Внизу кора була чорна, а в верху золотистою. Висота сягала десь 20-30 метрів. Стовбури рівні, прямі, без гілля і тільки на самісінькій вершині невеличка шапка зелених гілочок.

Розпилювали колоди на дошки або бруси вручну, спеціальними продольними пилами на козлах (по місцевому сталюги). Пиляли колоду двоє людей. Один стояв зверху на колоді, а другий під козлом внизу.

В нашому побуті вся посуда – діжки, барильця, цеберки, відра, корита, ночви, лотки були з дерева і все ручної роботи.

Майстрів по виготовленню діжок, відер і т.д. називали бондарями, а тих, хто виготовляв збрую для коней — шорниками.

У нашому селі був майстер, який виготовляв прядки, скрині і інші вироби. У нього був токарний верстат, крутили його вручну. Це був Заводенко Кирил.

Після бою в Ревуновому навесні 1943 року загін Таранущенка пішов в Білорусію. В селі Пірки загін потрапив в засаду. Тут було багато загиблих і поранених. Загинули дядько Олександр і бабусин племінник.

До самої осені було безвладдя: німців прогнали партизани, а наші ще не прийшли. Під виглядом партизанів у 1943 році були і відверті банди, які займалися мародерством, грабунками селян. Одна така банда у нас забрала кабана, одяг, продукти. Коли про це дізнались наші партизани, банда була розгромлена, багатьох польовим судом розстріляно.

На весні 1943 року карателі збиралися спалити село Пакуль. Про це люди взнали і вечером стали виїжджати в ліс, забирали з собою скот.

Ми теж виїхали до Липок, стали в Примаковій пасеці, а потім, коли взнали, що карателі ідуть лісом в нашому напрямку, я з батьком, тіткою Малахою і іншими чоловіками перейшли канаву. Ми сховались в чагарнику і сиділи на купах, як на стільцях. А бабуся і мама з малими дітьми (Марією і Вірою) залишились в таборі біля воза. Під вечір на узліссі вийшли карателі, вони стояли в своєму

таборі цілу ніч, а ранком пішли в напрямку Навозів. Коли ми прийшли до воза, то ні матері, ні бабусі з дітьми не було. Батько запряг у воза чужого коня, бо свого уже не було, і ми поїхали до дому. Дома була мати з дітьми і бабусею, а діда Василя не було. Він ходив в цей час в хутір подивитись, що там робилось дома, а коли йшов назад лісом, то в Пущі попав на засідку і його вбили.

В ці дні в хуторі відбувались похорони. Людей було вбито карателями багато, плач стояв декілька днів.

Десь на початку вересня 1943 року повернулись наші. Першими були розвідники. Вони зупинились у дядька Левка. Невдовзі прийшли і основні частини.

В нашій хаті військові влаштували свій вузол зв'язку. З усіх боків тягнулись в хату дроти, а в хаті, крім телефонів, стояли і апарати, які друкували на паперовій стрічці повідомлення. Працювали в основному дівчата. Нас із хати вигнали, щоб їм не заважали. Ми ночували в коморі і в хліві на сіні. Через декілька днів вони знялися і пішли від нас, а через деякий час і батька забрали на фронти. Залишились ми самі. Жити було дуже важко.

Я розпочав навчання в Семенягівській початковій школі в 19343 році. Не було підручників, зошитів, чим писати теж не було. Першою моєю вчителькою була Шибирин Люба Григорівна. Потім було багато інших, а запам'ятався Липко Олександр Павлович. Подальше навчання я проходив в Ковпитській середній школі. Із Семенягівки в Копиту зі мною ходив Стародуб Василь Хомич і Конюша Іван Сергійович, а з Пакулі — Артинов Олександр Петрович, Деркач Микола, Шлапак Володимир.

Найближчим моїм товаришем у школі був Шульга Анатолій Семенович із хутора Шульгівка. Це з його допомогою я дома зробив перший в селі детекторний радіоприймач.

Після закінчення школи ми з Стародубом Василем Хомичем поїхали в місто Миколаїв поступати в кораблебудівельний інститут. Після екзаменів нам стало ясно, що навчаться нам буде

там неможливо: гуртожитку для всіх немає, за навчання треба платити триста карбованців на рік. Стародуб Василь поїхав в Одесу поступати в гідротехнічний інститут.

А я поступив в Миколаївський будівельний технікум зразу на 3й курс як десятикласник в групу механіків, мені дали місце в гуртожитку. Стипендія була в сумі двісті тридцять п'ять карбованців. Одночасно я влаштувався в монтажно-будівельну організацію електриком третього розряду, де мені теж платили зарплату. Життя налагодилось.

Після закінчення технікуму проходив службу в армії, а з 1958 р. по 1963 рік навчався в Дніпропетровському інженернобудівельному інституті. Після закінчення інституту деякий час працював в Кременчуку, а потім – в Чернігові.

Одружився в 1961 році в Дніпропетровську на Галі Товченик, в нас народився син Олег, в якого народилися три дочки: Тетяна, Олександра і Софія.

В даний час проживаю в Полтавській області, село Горби.

Примаченко (Стародуб) Надежда Хомична, родилась в 1936 году.

Примаченко (Стародуб) Надежда Хоминична

Мой отец, Стародуб Хома Лукич, 1896 года рождения женился на Черниченко Меланье Ефимовне. После женитьбы отделился от отца и поселился немного дальше от его двора. У него было пять детей: Мария, Ефросиния, Василий, Настя и Надя.

Старшая дочь Мария вышла замуж в Пакуль за Снитко Петра. Ефросиния вышла замуж за Радченко Ивана Дмитровича из Конюшовки и поселилась в Семеняговке. Василий после женитьбы жил в Коцюбинске.

Стародуб Хома Лукич

Сестра Настя вышла замуж в Ковпыту.

Я вышла замуж за Примаченко Николая Яковлевича и живу в Семеняговке. У нас родились дети: Анюта, Наташа и Василий.

Отец в колхоз поступил в 1933 году. Работал в колхозе на разных работах. Во время войны 1941 года его забрали рыть окопы под Киевом, здесь он попал в плен, но его отпустили домой. Пришел он осенью, мы очень обрадовались. Во время оккупации был дома. Ему предлагали стать

бургомистром, но он отказался. Он же советовал и Репич Павлу не соглашаться идти в бургомистры, но он не послушал отца.

При бегах от немцев в мае 1943 года мы поехали своей подводой в Пущу в 23 квартал. С нами поехал и дед Черниченко Ефим на своей подводе, он взял с собой семью сына Ивана.

Под большим поваленным деревом сделали окоп и там сидели

до утра. С нами была и семья Гриня. А утром разбрелись по лесу. Я с Гришей Ивана пошла искать подснежники, нас долго не было. Уляна нас нашла и налупила. Я была папина дочка и не хотела от него отходить, когда он куда-нибудь шел. Он мне говорил: «Если меня убьют, что ты будешь делать?» Когда начали немцы идти по линиям и стрелять, то большинство из нас спрятались в окопе под деревом. А мы с отцом лежали в папоротнике и слушали как они гергечуть.

Стародуб Меланья Ефимовна

Когда они прошли и стрелянина утихла, мы сели на подводы и поехали домой.

Дома мы узнали, что Пакуль была уже спалена, многих людей поубивали как в Пакуле, так и в Семеняговке. К нам перешла жить сестра Мария с мужем Петром и маленьким ребенком.

Запомнился случай, когда в нашем саду стояло много лошадей партизан, они стояли рядами. А партизаны спали в нашей хате на полу и в клуне, а мы все на печи. Зять Петро был в партизанах, его тяжело ранило в правую руку в Перках. Ему сделали операцию, но он остался без правой руки по локоть. Он так и жил. Косил сено левой, а под правой рукой он привязывал веревку и так крепил косье. Много разных работ он делал левой.

После войны отец работал в лесничестве. Директор лесхоза Черноус Сидор Кириллович, когда строил свой дом в Чернигове по Красноармейской улице, нанял для работы отца, Свирида и Сотника из Левкович. Ему понравилась работа отца и он назначил его бригадиром. Позже, когда он работал снова в Пакульском лесничестве, его назначили лесником.

Работая лесником, он кроме основной работы, принимал шишки, развозил осиновые бревна по дворам для изготовления скворечней. Готовые скворечни развозил по лесу и с рабочим устанавливал на соснах.

Так как при приемке шишек он не обвешивал, то к нему несли

сдавать шишки большинство в хуторе. В результате он выполнял по несколько планов по сдаче шишек за зиму.

В нас был хороший сад, пчелы. Часто ездили

Примаченко Яков Хотинович (слева)

в Пущу убирать сено. В грибной сезон любила ходить в лес за грибами. А осенью, когда было много маслят, отец запрягал воза и мы ехали в лес за грибами всей семьей.

Когда я уже была замужем, мой свекор Примаченко Яков рассказывал, что он на фронте был вместе с Моисеенком Иваном и Черниченком Михаилом Пантелеевичем. Он возвратился домой инвалидом (у него был выбит один глаз), а они погибли на фронте.

Дорошки

Дорошки в Семеняговке пошли от Дорошков, которые переселились из Пакуля. В начале они поселились в Заболото, которое раньше так и называлось Дорошковка. А позже перешли и в собственно Семеняговку. О своей ветви Дорошков рассказывает Якубец Владимир Александрович. Их род пошел от Дорошка Федора Омельяновича. У него было четыре сына: Григорий, Алексей, Андрей, Ефим и одна дочь Галина, которая вышла замуж за Черниченко Афанасия Дмитровича.

<u>У Григория</u> было четыре дочери: Катерина, Олена, Мотя, Евдокия и один сын Денис.

166 **—**

Катерина вышла замуж за Якубца Александра Дмитровича и жила в Семеняговке. Мотя вышла замуж в Чернигов.

Евдокия вышла замуж за Постола Микиту Петровича и переехала с семьей жить в Крым.

Дорошок Дмитро Денисович (слева) и Якубец Владимир Александрович

Олена вышла замуж в Вересочи и там жила.

Денис женился на Марте, у них родились следующие дети: Дмитро, Мария, Евдокия.

Дмитро окончил в Пакуле семь классов, занялся физической подготовкой. В хуторе сильнее его среди молодежи не было. Он двухпудовую гирю одной рукой выжимал много раз. В армии он попал в морфлот, стал водолазом. После демобилизации из армии сначала жил в Севастополе, а потом в Ялте. Женился на Валентине, у них родился сын Владимир. Однажды во время работы возле берега Ялты он трагически погиб, работая водолазом на судне по укреплению берега.

Мария вышла замуж в Ковпыту, там и живет.

Евдокия работала в Чернигове и осталась там жить.

Что касается Марты, ее в хуторе называли «Мартушкой», то она отличалась крепким здоровьем. После войны ей пришлось работать в колхозе на разных работах, копать усадьбу лопатой, носить из леса дрова на плечах. Ей часто зимой приходилось стирать белье на льду на болоте босеком, так как у нее не было резиновых сапог, а у кого они были не хотели давать. После такой стирки она никогда не болела. Но трагическая смерть сына Дмитрия ее свела в могилу.

<u>Братья Андрей</u> и <u>Алексей</u> жили в Севастополе.

Ефим женился на Ходоре из Конюшовки. У них родились следующие дети: Мария, Василий, Алексей, Николай и Людмила.

Василий окончил в Пакуле семь клас-

Дорошок Ефим Федорович (первый слева) с братьями

- 167 *-*

сов и четыре класса в школе в Чернигове. Потом после армии окончил Остерский строительный техникум, работал в Чернигове на строительстве разных объектов в качестве бригадира. Стал известным строителем, награжден орденами и медалями. Перед выходом на пенсию работал в Белоруссии и России. Женился на Марии, у них родились дети: сын Виталий и дочка Вита. У Виталия родился сын Данило и Ярослав, а у Виты – сын Богдан и Илья.

Мария вышла замуж в Шульговку, там живет и сейчас. У нее родились дети: Валя, Надя и Шура.

Людмила окончила одиннадцать классов в Пакуле, потом окончила Черниговский политехнический институт, сейчас живет и работает в Житомире. Имеет сына Евгения.

Алексей женился в Семеняговке, работал на разных работах. Рано трагически погиб. У него родились дети: Владимир и Люба.

Николай, которого в детстве любовно называли «Калинка», окончил в Пакуле восемь классов и три класса в Ковпыте. Всю

жизнь проработал водителем, а это 35 лет. Был участником ликвидации аварии на Чернобыльской атомной станции, получил инвалидность второй группы.

Федор был на переселении в Таврии, ездил туда быками. Потом возвратился домой, приехал назад тоже быками. Здесь он заболел, нужны были дорогие лекарства, он продал несколько быков и вылечился.

Брат Федора был лесничим в Ревуновом круге, он дал Федору леса на двор. Баба Ориша (баба Снитко Кати) попросила в лесничего леса, он ей тоже дал леса на двор. Потом

Дорошок Василий Ефимович

лесничий приехал в Умань, там построил двухэтажный дом. Григорий ездил туда помогать строить этот дом.

Во время войны 1941 года жена лесничего лечила подпольно раненых советских солдат. Немцы узнали и сожгли в доме и лесничего и его жену.

Дорошок Василий Николаевич

Наш род по линии отца пошел от Дорошка Макара. У него были следующие дети: Сапон, Данило, Илья, дочери Зеня, Груня и Уляна.

Сапон женился на Палажке из Шульговки. У них родились дети: Николай, Меланья, Дуня, Алеша. Сапон был участником войны 1941 года, с фронта пришел инвалидом. Работал в колхозе в основном сторожем.

Николай женился на Якубец Екатерине Даниловне и остался жить примаком на дворище отца жены. Во время оккупации был в партизанах, потом пошел на фронт. На Сандомирском плацдарме по-

Дорошок Василий Николаевич

лучил тяжелое ранение, в результате чего ампутировали ногу. После войны работал контролером на мельницах в Семеняговке, учетчиком в колхозе, директором Семеняговской и Пакульской пегелень.

Меланья вышла замуж за Ивана в Шульговку. У них родились дети: Петро, Катерина, Миша.

Дуня тоже вышла замуж в Шульговку за Андрея, у них ролились лети: Василий и Ольга. Алеша остался жить на дворище отца, женился на Серафиме из Линеи, у них родились дети: Григорий и Анатолий.

Данило женился на Моте. У них родились дети: Мария, Валя, Григорий, Олена. Перед войной был на переселении в Бессарабии, после войны работал председателем колхоза в Семеняговке, потом переехал жить в Крым.

Илья жил в Заболото. У него были дети: Ольга и Омелько.

Уляна вышла замуж за Постола Петра Яковлевича, у них родились дети: Миша, Григорий, Галя.

Груня переехал жить в Чернигов.

Я родился 18 февраля 1948 года. Детство прошло в Семеняговке. Как и для многих семеняговских детей для меня занимала жизнь на болоте и озере. На болоте пасли телят, строили будки, когда горел торф, пекли картошку, устраивали различные игры, искали диких пчел, чтобы полакомиться медом. Любимым занятием летом было ходить по грибы и ягоды. Было интересно пасти коров в Липках, когда подходила очередь. Здесь ловили рыбу, ходили в Пущу за грибами.

Однажды недалеко от мостика, что на дороге от Пакуля до Ковпыты, упал учебный самолет-истребитель. Он упал в болото и загруз. Мы бегали смотреть. Кое-кто смог взять с собой детали из самолета. Самолет вытянули и повезли в Чернигов. Этот истребитель проводил учебные тренировки, он бросал ленты в круг, находящийся недалеко от Семеняговки, возле кладбища. А радар фиксировал эти ленты. Летчик упавшего истребителя к счастью остался жив.

Я окончил в Семеняговской школе четыре класса, в Пакульской – тоже четыре класса, а в 1966 году окончил одиннадцать классов в Ковпытской средней школе с серебрянной медалью. После этого поступил в украинскую сельскохозяйственную академию в Киеве на факультет механизации сельского хозяйства.

В 1971 году я окончил академию и был призван в армию на

службу. В 1972 году за выполнение государственного задания был награжден орденом «Знак почета».

После армии в 1973 году меня направили работать главным инженером в колхоз им. Войкова в Михайло-Коцюбинск, а в 1976 году был избран председателем колхоза в с. Андреевка того же района.

В 1982 году назначили начальником райсельхозуправления в Городне, а в июне того же года — председателем совета агропромышленного объединения.

В 1984 году избрали первым секретарем Городнянского райкома партии. В 1988 году окончил академию общественных наук при ЦК КПСС.

С 1990 года по 1992 год работал председателем районного совета народных депутатов.

После этого назначен заместителем главы госадминистрации Черниговского района.

С августа 1994 года по июнь 1996 год работал первым заместителем начальника управления сельского хозяйства Черниговского облисполкома, председателем Черниговского обласного комитета «Облагросервис».

С 1996 года по 2000 год председатель правления — директор открытого акционерного общества «Черниговское главное предприятие «Облагросервис».

С апреля 2000 года по настоящее время работаю начальником инспекции гостехнадзора Черниговской облгосадминистрации.

Имею награды: орден Трудового Красного знамени, орден «Знак почета», почетное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Украины».

Был депутатом Черниговского облсовета трех созывов. Женат: жена Людмила Ивановна 1951 года рождения. У нас родилось две дочери: Татьяна и Олена. В Татьяны родились дети – Данило и Никита, а в Олены – Василий и Артем.

Мармили

Мармили в Семеняговке пошли из Пакуля. Мармиль Омельян поселился между Токарями и Примаченками. Были у него следующие дети: Григорий, Есип, Проня, Аксинья, Афанасий и Иван.

Григорий женился и стал жить на дворище отца.

Есип женился на Олене, дочери Стародуба Луки, и поселился рядом с двором отца через улицу.

Проня вышла замуж в Андреевку, а Аксинья – в Ведильцы.

Афанасий жил в Семеняговке, он был безвинноубитый. По рассказам людей, когда его убили, то его лошадь прибежала с болота, заложила голову между ног и сильно ржала. А когда хотели везти гроб на кладбище, то

Стародуб Фома Лукич (стоит). Сидят Мармиль Галя, дочь Уляна, Григорий с сыном Колей

разбила воз (ее запрягли в воз), пришлось запрягать другую лошадь. А его лошадь шла вместе с людьми на кладбище и плакала. Об этом рассказывал Токарь Семен.

Иван – женился на Софине из Шульговки, жил возле отца.

Мармиль Григорий Омельянович. Женился на дочери Черниченко Ефима — Галине. Из всех детей он только один жил на дворище отца. Когда организовали первый колхоз в Семеняговке, он был первым председателем колхоза. Был на Финской войне в

1939 году, получил ранение. До войны работал в колхозе на разных работах. Во время войны был в партизанах. Однажды возле его двора сел самолет «кукурузник». Это было в начале войны, когда Григория определили как будущего участника партизан, самолет привозил какие-то сведения. Тогда вся Семеняговка пришла смотреть самолет, особенно было много детворы.

После войны принимал грибы, мариновал, закрывал в бочки, из Чернигова приезжала машина и забирала грибы в бочках, одновременно привозила пустые бочки.

У него было трое детей: Николай, Уляна, Мария.

Николай после войны выучился на шофера, завербовался на Север, проработал там три года. Потом приехал в Чернигов, женился, но на Севере сильно простыл и рано умер.

Уляна вышла замуж за Демьяна Варивонового, жили Заболотом. После его смерти переехала в Михайло-Коцюбинск.

Она родила и выростила пятерых детей и стала «Матерью-героиней».

Мария вышла замуж за Каранды Василия брата – Мишу, живет и сейчас в Пакуле.

Токари

Токари, по всей вероятности, пошли в Семеняговке из Пакуля. Они поселились в хуторе ближе к лесу. Земля, на которой они жили была хуже земли, на которой поселились Черниченки.

Самый старый из них на послевоенный период был Токарь Иван Артемович. До революции он жил богато: у него был большой сад, пасека, скот, лошади, овцы.

Был трудягой, пользовался уважением в жителей Семеняговки. При коллективизации у него забрали землю, лошадей, воз, плуги и другой сельскохозяйственный ремомент. В колхозе он работал пасечником. У него с женой Натальей было четыре сына: Демид, Семен, Василий и Федор.

Демид - после женитьбы поселился рядом с двором отца, ближе к лесу. У него от первой жены было двое детей: Владимир и Парасковья. Второй раз он женился на Галине из Ковпыты, детей не было. На их усадьбе ближе к гаю расло три больших березы, распологались они рядом, что позволяло на весне, когда шел сок, ставить большое корыто. Люди шли и пили сок. Особенно часто туда бегали на перерыве школьники. Сын Демида, Владимир, женился на Снитко Катерине, у них

Токарь Иван Артемович (слева), Токарь Павел Назарович (справа)

Токарь Владимир Демидович

Снитко Катя

родились сын Василий, дочь Надя, сын Коля. Демид погиб в войну 1941-1945 года.

<u>Семен</u> женился на Галине Левковной и поселился между Мармилями и Примаченками. У них родились дети: Константин, Виктор, Василий и Вера.

<u>Федор</u> во время оккупации был в партизанах, получил ранение. После освобождения Пакуля в 1943 году был мобилизирован на фронт. По воспоминании Токаря Константина, когда Федора провожали в Пакуль на сборный пункт, то по дороге он плакал и целовал родственников. Погиб в ноябре 1943 года на фронте.

<u>Василий</u> женился на Гале из Боровиков. У них родился сын Федя. После войны Василий был первым председателем колхоза в хуторе.

Жил еще <u>Токарь Павел</u> Назарович, он женился на Лисавете Ивановне. У них родились дети: Иван, Николай, Ольга, Михаил.

<u>Токарь Григорий</u> Назарович был женатым на Марте Прохоровне. У них родились дети: Миша, Мария.

Токарь Левко Прохорович женился на Татьяне Михайловне из Пакуля, из «Деркачевки». У них родились дети Галя, Надя и Александр. Галя вышла замуж за Токаря Семена. Надя вышла замуж за Постола Михаила Максимовича в Заболото. Александр женился на Стародуб Евдокии Артемовне.

Мойсеенки

Откуда появились Мойсеенки в Семеняговке не известно. Мойсеенко Михаил, которого в хуторе звали «Михалюша», жил возле Стародуба Артема Лукича.

У него были следующие дети: Борис, Ралко, Галина, Варвара, Зина, Михаил и Фёдор. Варвара вышла замуж в Поперню за Марковича, Зина — в Ковпыту за Помазного, брата мужа Гали. Фёдор и Михаил погибли на войне 1941 года. Галина вышла замуж за Помазного Макея.

<u>Борис</u> женился на Гапе из Ковпыты и жил на дворище отца. У них родились дети: Николай, Мария, Дмитро и Василий. Борис и его сын Николай, погибли на войне в 1941-1945 годах.

Мария вышла замуж в Линею.

Дмитро женился на Зине в армии и поселился на Груду.

Василий стал жить в Чернигове.

<u>Иван</u> женился на Едовкии из Ченцовки и поселился возле Черниченко Афанасия. У них родились дети: Параска, Ольга, Надя, Дуня, Иван. Параска вышла замуж в Ковпыту. Надя вышла замуж сначала за Примаченко Григория Романовича, а потом за Царенка Михаила Ивановича и тоже живет в Семеняговке, недалеко от своего брата и сестры. Иван женился на Ефросинии Ивановне и живет на дворище отца. Их отец Иван Михайлович погиб на войне 1941-1945 годах.

<u>Ралко</u> женился на Орине из Семеняговки. У них родились дети: Григорий, Петро, Михаил, Ольга, Люба, Валя, Мария, Дуся и Катя.

Был еще Мойсеенко Павел Степанович, он женился на Ходоре из Шульговки. У них были дети Петро и Василий.

В Заболото жил <u>Мойсеенко Трофим</u>, у него была жена Мотя. У них были дети: Иван и Мария.

Возле Репич Ильи жил Мойсеенко Афанасий (по уличному «Видишь»). У него был сын Дмитрий, который женился на Палажке из Шульговки, у него были дети Люба и Катя, он погиб на войне в1941 года. У Афанасия была еще дочь Галя, которая вышла замуж за Черниченко Николая Никифоровича.

Мойсеенко Галина Михайловна. Жила она возле брата Мойсеенко Бориса Михайловича.

Была она в колхозе активисткой, передовой звеньевой, о ней часто писали в районной печати. Добровольно подписывалась на государственный заем и выплачивала деньги на заем досрочно. В Карховке построили дом культуры, там были зеркала, показыва-

ли кино. Она туда ездила как передовик колхоза, смотреть пьесу. Потом она с восторгом об этом рассказывала семеняговцам.

Она первой из Семеняговки летала на самолете. Возле Федькового круга на болоте садился «кукурузник», брал колхозников из Пакуля, Семеняговки и других ближайших хуторов и облетал вокруг сел и хуторов. Катали передовиков колхозов. Галина этим случаем гордилась всю жизнь.

Галина была строгой звеньевой. Если кто из ее звена опаздывал на работу, то могла залить водой печь.

После войны вышла замуж за Помазного Макея. Они построили новую хату на своем участке.

Заводенки

По сохранившимся сведениям Заводенки жили первоначально в Чертеже вокруг Варивонового круга под Пущей. Возможно, они переселились в Чертеж из Пакуля. Фамилия Заводенко, наверное, возникла в жителях, которые работали на бумажных заводах возле Папирни.

По воспоминаниям Постол Григория Степановича там жили:

Заводенко Алексей

Заводенко Яков Алексеевич

Заводенко Андрей Алексеевич

Заводенко Кирило Исакович

Заводенко Свирид Исакович

Заводенко Иван Иванович

Заводенко Вариван Федорович

Заводенко Кузьма Андреевич

Заводенко Дмитро Андреевич

Струк Федор Васильевич.

В Липки после революции переселились:

- 1. Заводенко Кузьма Андреевич
- 2. Заводенко Дмитро Андреевич.

Перед войной в Заболото переселились:

Заводенко Яков Алексеевич

Заводенко Андрей Алексеевич

Заводенко Свирид Исакович

Заводенко Варивон Федорович.

В Семеняговку переселились в это же время:

- 1. Заводенко Иван Иванович с сестрой Оленой и братом
- 2. Заводенко Кирило Исакович
- 3. Заводенко Кузьма Андреевич
- 4. Заводенко Дмитро Андреевич.

Иванина Валентина

Заволенки

Если охарактеризовать этот род в целом, то следует отметить, что в подтверждение версии происхождения этой фамилии, из поколения в поколение передаётся умение делать, творить своими руками. В Семеняговке этим особо никого не удивишь — все умельцы, но степень мастерства у всех разная. Сделать не просто вещь, а красивую вещь, — это не всем удаётся. Как пример — Заводенко Яков Алексеевич. Скрыни, деревянные диваны, окна, двери, возы, сани (кареты) — всё красиво и аккуратно.

Заводенко Алексей Андреевич – плотник, столяр, печник, его брат Владимир, несмотря на инвалидность, всё умел красиво делать и даже собрал из подручного материала «драндулет», и многие другие вещи.

Жили Заводенки, вышеперечисленные в книге, вместе со своими жёнами и детьми в красивейшем месте — Чертеже. Пахали землю, растили скот, собирали грибы, ловили рыбу. Когда началась коллективизация, всех принудительно стали переселять в Семеняговку. Для тех, кто соглашался идти в колхоз давали землю под усадьбу в хорошем месте, для тех же, кто не соглашался, одноосибныкам, как их называли, выделяли на

песку, возле погон. Бросали своё обжитое, родное. Отказаться от переселения было невозможно.

Нелегко было жить, выживать помогал заводной характер, отсюда, возможно, и второе толкование этой фамилии. Артистический ген, присущий всем Заводенкам, доминирует, не исчезает, соединяясь с другими фамилиями. Это умение петь, танцевать, играть на разных музыкальных инструментах, на ложках осуществлять разные выдумки. Вспомните Заводенко Алексея Андреевича, Александра Дмитриевича (балалайка, мандолина), Петро Игнатьевич (гармоника), детей Домны Заводенко (Шуруты), Дусю, Володю...когда они выходили с гармоникой, баяном на «Рынок», сразу был праздник в любой день. Все умеют красиво петь, невозможно всех перечислить, особо хочется назвать ещё Заводенко (Токарь) Елену Ивановну, всех дочерей Заводенко Алексея – Дусю, Валю, Любу. Передался талант уже внукам – близнецам Заводенко Валентины Алексеевны. Они прекрасно поют и играют на гитаре, заканчивают музыкальную школу, мечтают профессионально заниматься музыкой.

Заводенко Галина Яковлевна

Родилась в декабре 1925 года. Хорошо училась, учёба давалась легко. Закончила семилетку. Под её давлением родители стали колхозниками вместе с ней.

Пользовалась авторитетом среди сверстников. Работала коморником (зав складом) в колхозе, пока с фронта не демобилизовались мужчины-инвалиды. Стала потом работать в поле.

Прямолинейность, пытливый ум, умение самой всё делать (косить, шить одежду, вышивать, вязать) не добавляет счастья в личной жизни. Все требования к претендентам на руку и сердце были слишком жестокими. Её сердце покорил Постол Иван Григорьевич, но, к большом сожалению, эта любовь обернулась для неё страданиями на долгие годы. Лишь после 40-летия она

решилась связать свою жизнь с Карандой Григорием Михайловичем, прожив с ним в паре до его смерти.

Детей своих не было, последние годы своей жизни прожила в Харькове в семье своей племянницы и крестницы Иваниной (Черниченко) Валентины Антоновны. Похоронена в 2005 году.

Радченки

Несмотря на то, что представители этого рода в Семеняговке появились не так давно, их удельный вес достаточно высокий.

Они выходцы из Конюшовки.

Мой прадед по матери Радченко (Черниченко) Татьяны Михайловны имел большую семью. Если кого-то не упомянула, да простят меня родственники, это лишь из-за незнания.

В семье жили вместе.

- 1. Петр и Софина. Их дети Анна (в замужестве Царенок), Григорий, Анастасия (в замужестве Мармиль), Владимир, Михаил.
- 2. Ефим и Мотя (Куцовна). Их дети Григорий, Михаил, Ольга (в замужестве Крыжановсткая).
- 3. Михаил и Акулина (Навозчиха). Их дети Илья и Татьяна (в замужестве Черниченко).
- 4. Василий и Варвара. Дети Николай, Дмитрий, Анастасия («Рельки»).
- 5. Степан, последние годы жизни жил в с. Вересочи, имён детей не знаю.

По-разному у всех сложилась жизнь.

Дед Михаил не пришёл с империалистичекой войны, переросшей в гражданскую, его жена, моя бабушка Акулина, где-то в 1924 году вышла замуж за Заводенко Якова Алексеевича и ушла из этой семьи.

Прадед Радченко считался зажиточным и их выслали в ссылку. Оттуда не смогли вернуться (умерли) прадед и его сын Ефим.

После возвращения каждая пара с детьми стала отделяться, жить отдельно своими семьями.

Постепенно из конюшовцев все стали семеняговцами, образовав семьи с семеняговскими хлопцами и девчатами.

Великая Отечественная война отняла ногу у Радченко Григория Петровича, где он был пулемётчиком, стал инвалидом. Принимала участие в партизанском освободительном движении и его сестра Мармиль (Радченко) Анастасия Петровна.

Наблюдательность, чувство юмора, переходящее иногда в острую сатиру – характерная черта этого рода.

Во времена, когда телевизор ещё не был таким родным членом каждой семьи, семеняговцы любили собираться в какойлибо хате играть в карты, просто собираться вечером и поточить лясы. Так вот, любимым место сбора была хата тётки Анны Царенок. Здесь обсуждались все новости, каждому событию давались меткие комментарии.

Помимо вышеперечисленных моих родственников Радченко, ещё есть две ветки такой же фамилии, проживавшей в Семеняговке. Это дети Дмитрия Радченко – Иван, Федор, Галя, Параска, Ольга, Ходора. Федор длительное время работал почтальоном в нашем селе. Также проживает и ныне семья Радченко Владимира Андреевича. Родственных связей между всеми не могу охарактеризовать.

Царенки

Царенки в Семеняговке пошли из Пакуля. Они жили до перепланировки Семеняговки по улице, которая называлась «Ченцовка».

<u> Царенок Павел</u> Васильевич, участник первой мировой войны. Из войны пришел инвалидом, имел награду Георгиевский крест. Женился на Арине Федоровне, дочери Евдоченка. У них

были дети: Яков и Лисавета. Яков женился на Авдюхе и жил на дворище отца. Погиб на фронте во время Финской войны. Лисавета вышла замуж за Снитко Ефима, жили они напротив Пилипицы, у них родилась дочь Катя. Лисавета рано умерла, Ефим женился на Насте и ушел на фронт в 1941 году, где и погиб. А Павел и после войны продолжал работать в колхозе, часто работал сторожем на Семеняговской цегельне.

<u>Царенок Антон Гаврилович</u>, женился на Домне. У них родились дети: Уляна, Параска и Алеша. Уляна вышла замуж в Ведильцы, Параска вышла замуж в Ковпыту. Алеша живет в Семеняговке.

<u>Царенок Михаил</u> женился на Стекле, у них родились дети: Галя, Настя, Миша и Олена. Михаил погиб на фронте в 1941 году.

<u>Царенок Василий Прокопович</u>, женился на Ольге, у них родились дети: Галя, Настя, Николай. Погиб на войне 1941 года. Николай женился на Евдокининой Дусе.

<u> Царенок Мирон Степанович</u>, женился на Варваре, которую в хуторе называли «Полусьмочка». У них родились дети: Иван, Проня, Владимир, Галя и Мария.

Мирон погиб на войне 1941 года, а сын Иван был убит при немцах в Липках. Проня вышла замуж за Примаченка Мишу, Мария вышла замуж в Стольное, Владимир женился на Шуруте Дусе.

Царенок Ефим Прокопович женился на Снитко Татьяне.

<u>Царенок Марина Прокоповна</u> жила с сыном Григорием возле Крижановских.

РАССКАЗЫ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Примаченко Григорий Фотийович

Дата рождения 8 января 1925 года в хуторе Семеняговка.

Отец – Примаченко Фотий Павлович, мать – Примаченко Марфа Фёдоровна. У них было трое детей: Я, Григорий, брат Василий и сестра Ольга.

В школу пошёл в 1934 году в Пакуль, окончил шесть классов. До начала войны 1941 года пас коров в Липках.

Когда в 1941 году немцы начали отправлять в Германию людей, меня тоже забрали, с другой молодёжью нас погрузили на грузовик и отправили в Чернигов на ж/д станцию, где

Примаченко Григорий Фотийович

всех погрузили в вагоны для транспортировки в Германию. Я сказал своему товарищу Володе, что нам надо бежать, и мы вдвоём совершили побег из вагона на станции в Чернигове. Потом я сказал, что домой нам идти нельзя, приедут немцы и нас расстреляют, ты как хочешь, а я пойду в партизаны.

В 1941 году поступил в партизаны, мне не было ещё и 17 лет. Принимали на Вьюнище, там давали клятву, из Чиковки была Дедусенко Паша.

Наш отряд располагался в Мажуговке. Я попал в группу 25 человек по хозяйским работам: заготавливали продукты питания, дрова.

Из Мажуговки отряд пошёл в Белорусские леса. Мы были в селе Пасека, недалеко от Карловки. Оттуда пошли в Перки, нас там немцы обстреляли.

Возле села Михайловка был партизанский аэродром, оттуда самолётом возили раненых за линию фронта.

После освобождения нашей территории от фашистов в 1943 году, так как мне ещё не исполнилось 18 лет, на зиму я пришёл домой.

Дома перезимовал. Царенок Ефим принёс повестку в армию. Формировали часть в Чернигове, потом нас отправили в Прилуки, оттуда проездом в Уфу, а потом в Красноярск.

В Красноярске стояли два состава: один шёл на фронт, а наш на Дальний Восток. От состава, идущего на фронт, отделился молодой офицер и стал спрашивать, кто из черниговской области. Я ответил: «Я!».

Он подошёл ближе и спросил: «Из какого района?». Я ответил: «Михайло-Коцюбинского». Он подошёл совсем близко и спросил: «А из какого села?». Я ответил: «Из Пакуля!» Когда он подошёл к вагону, мы узнали друг друга. Это был Якубец Николай Иванович. Он прошёл курсы младших офицеров, и по его словам, их дивизию направляют в Среднюю Азию на учения. Но я ему сказал, что вас отправляют на фронт.

Позже я узнал, что он действительно попал на фронт и погиб в Чехословакии.

А я из Красноярска попал в Заозёрное, где прожил две недели в бараках. Оттуда нас отправили в Канск в 37 стрелковый полк, прошёл обучение с апреля 1944 по январь 1945 года, дали звание сержанта.

После этого нас отправили в г. Белосток в Польшу в 128 стрелковый гвардейский полк (был командиром отделения ПТР), 44й дивизии, 2го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского.

Затем нас отправили на передовую.

16 февраля 1945 года получил осколочное ранение левой ноги, лечился в городе Маринвердере, на излечении находился с февраля 1945 по май 1945 года.

После лечения выбыл из госпиталя в 205й запасной стрелковый полк, командиром стрелкового отделения.

Дальше меня отправили во 2ю армийскую авиационную школу, взяли 36 человек, приехали во Львов, оттуда повезли в Читу. Нас 12 человек отправили на аэродром, а остальных во Владивосток.

Получил военную специальность: авиационного моториста и мастера авиаспециалист-моторист (по самолётам Туполёв 104, с автоматическим управлением). Проходил службу в Хабаровске

Примаченко Григорий Фотийович

- 2, в 18м истребительном полку с апреля 1947 года по август 1947 года.

При прохождении службы заболел минингитом, меня комиссовали и отправили домой на лечение.

В сентябре 1947 года был уже дома.

Награждён боевыми медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», орденами:

- «орден Отечественной войны» I – степени;
- орден «За мужество» III степени, другими отличиями и медалями. Присвоено звание лейтенанта. Имею партизанский билет №65.

Пошёл работать в лесничество до 1950 года, с 1950 по 1966 годы работал на разных работах в колхозе, с 1967 – зав складом. Работал до 1989 года.

Женился в январе 1949 года на Заводиленко Варваре Свиридовне. Прожили вместе без 2 месяцев 60 лет. У нас с женой Варварой Свиридовной родилось шестеро детей, 5 дочерей и 1 сын: Валентина, Валентин, Екатерина, Раиса, Алла, Ольга; имею – 9 внуков; – 5 правнуков. Почти все проживают в г. Чернигове. **Радченко (Постол) Евдокия Григорьевна,** дата рождения 28 ноября 1928 года.

Отец наш, Постол Григорий Степанович, 1898 года рождения, жил в Пакуле. У его отца была большая семья: семь братьев и одна сестра: Максим, Хотин, Есип, Михаил, Дмитрий, Григорий, Павел и Мотя. Павел был репрессирован и погиб в 1938 году, реабилитирован в 1956 году.

Мать, Онися Романовна 1898 года рождения, жила в Заболоте. К ней сватался Стародуб Хома Лукич, который перед этим сходил к Черниченко Ефиму свататься к его дочери Малахе с пирогом (тогда была такая традиция), а потом передумал. Но Онися любила

Радченко (Постол) Евдокия Григорьевна

Гриня – он был молодой, красивый, ходил в сапогах со шпора-

Постол Григорий Степанович

ми. Хоме она отказала и вышла замуж за Гриня. Обвенчались они в церкви в Пакуле. Об этом она рассказала после войны. Поженились они в 1920 году.

Земли свободной, где можно было бы построить двор, в отца Гриня не было, то молодая семья переехали в Липки, где были свободные земли. Они поселились возле Пущи, здесь построили двор, завели скот, купили коня.

В это время из Семеняговки выезжала семья на Кубань и отец купил двор в хуторе со старой хатой возле Гаркуши Павла. А потом в Ковпыте

купил в другого переселенца хорошую хату из двух комнат и кладовой. В Семеняговке он построил сарай и клуню. Это было в 1927 году. После чего переехали жить в Семеняговку всей семьей.

Стали жить в Семеняговке на том месте до перепланировки в 1948 году.

В 1928 году в нашей семье было четверо детей: Мария, Ганна, Иван и я, Евдокия.

Во время коллективизации отец не хотел идти в колхоз. Где-то в 1929 году он отвез двух лошадей железной до-

Постол Анисья Романовна

рогой на юг Украины и продал. Шестедерку разобрал и закопал на огороде. После этого подал заявление в колхоз. Пришлось отдать клуню.

В 1932 закопал бодню зерна перед порогом, засыпал землей, насыпал по верху проса, выпустил кур на это место. И активисты не догадались, где было спрятано зерно.

Активистами тогда были из Пакуля Репич, Гаркуша Илья из Семеняговки, Токарь Григорий, Царенок Ефим и другие.

Колхозный двор перенесли из двора Черниченко Ефима в Токаревку, недалеко от нашего двора. На колхозном дворе построили помещение для скота, лошадей, птицы. Была также построена пожарная, колодец и контора из хаты купленной Черниченко Ефимом в Ковпыте после возвращения из ссылки.

Здесь же была построена коморка для различных нужд. Там часто показывали немое кино: на стену вешали белое полотно, на столе стоял аппарат с ручным приводом. Собиралось много людей посмотреть кино. Я тоже часто ходила с матерью смотреть кино. В этой коморке потом торговал отец и Постол Максим. Запомнилось в детстве как носили из болота траву «плавун» для

телят. За ней ходили даже в Федьков круг, который находился между Линеей и дорогой Пакуль-Ковпыта. Зимой привозили из леса санками глицу. За щавлем ходили не только на болота, а и за Днепр.

Я однажды с бабой Борисовкой, матерью Мармиля Григория Александрой, ходила по щавель и за калиной в урочище Борисовку, находящееся в Пакуле за Вороховкой.

Там жила жена брата бабы Борисовки. Их раскуркулили, хату забрали и они сделали землянку без дверей, лазили в окно. Мы с бабой Борисовкой тоже лазили в окно, она нас угощала в землянке дерунами.

Внизу на речке Пакульке стояла водяная мельница, она еще работала, было интересно смотреть.

Я нарвала в торбу калины и когда переходила речку, то стала ногой на бревно и впала в воду. Сушилась в этой землянке.

Ходили также с Борисовкой по землянику и струговины в Пущу.

Собирали на колхозном поле колосья, за это платили кусками цветной ленты, тогда это был большой дефицит.

Помню в детстве в Липки гоняли на пастбище не только коров, но и свиней.

Катались на самодельных каньках. Коньки делали из деревянного бруса, снизу делали канавку, куда вкладывалась стальная проволока, которая одним концом заделывалась спереди, а вторым — сзади бруска. Вместо сапог одевали лапти и так катались.

В первый класс пошла в 1936 году (в 1935 году съела яблоко на первом уроке и меня учительница Проня Зиньковна отправила домой, сказала «Еще рано»). 4 класса окончила в Поповой школе, один год проучилась в центральной школе, потом началась война. В Пакуле было три школы: Попова, Центральная и Борискова (которая находилась от Центральной ближе к Линее).

Из Семеняговки со мной ходили в школу:

1. Репич Михаил Павлович

- 2. Черниченко Настя Ивановна
- 3. Стародуб Петро Артемович
- 4. Якубец Григорий Демьянович
- 5. Черниченко Алеша Михайлович
- 6. Черниченко Ольга Ничипоровна. и др.

Я ходила в школу и в церкву с матерью до войны, поэтому хорошо помню, где какие были здания. На Поповой горе ближе к круче стояла церковь и здания, которые примыкали к ней. Попова школа находилась напротив церкви. Вход в школу был со двора. При входе в ворота справа располагалась Центральная школа.

Немного дальше слева от Поповой школы была дорога на Вороховку с проулком к основной дороге. Между проулком и дорогой на Вороховку располагалась корчма и магазин. Под одной крышей. В корчме выпивали, а в магазине продавали водку. Баба Коноплевна, жена Царенка Терешка, покупала здесь водку, продавала в Семеняговке, а бутылки потом собирала и сдавала в магазин.

Как идти на Вороховку, по дороге справа был расположен дом учительницы Прони Зиньковны.

На Поповой горе был сад, здесь росли высокие деревья, при ветре они шумели, поэтому в народе назвали это место «Ветров сад».

Возле церкви слева и справа были спуски до речки Пакульки. Возле правого спуска располагался цвинтар, где хоронили священников. Здесь же была похоронена семья из Линеи, которую вырезали бандиты, остался только мальчик, который от испуга спрятался в припечку. Его назвали «Недорезок», а звали его Николай. Он вырос, женился, у него был сын Михаил, которого немцы убили в 1943 году в лесу, и две дочери: Маруся и Вера. Маруся вышла замуж за Бориско Антона, который работал в колхозе шофером. Вера вышла замуж за Пустовойта Ивана, который был председателем колхоза в Ковпыте.

22 июня 1941 года мы с матерью пошли в Комарин торговать яичками. Перешли деревянный мост длиной 2 км. Поторговали.

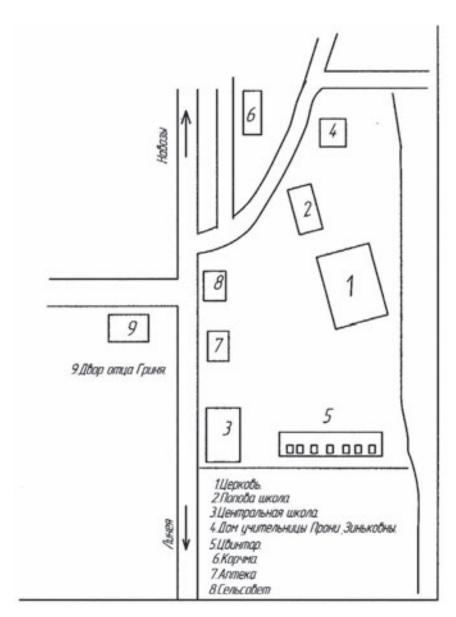

Схема зданий на Поповой горе до войны 1941 г.

Бориско Антон

Возвратились домой, а на колхозном дворе был уже митинг, было объявлено, что началась война. Председателем колхоза тогда был Конюша Терешко Пилипович из Конюшовки.

12 июля 1941 года, на Петра, сошлись на колхозный двор все те, кого мобилизировали и провожающие родственники и знакомые. Сколько было слез и плача. Многие прощались навсегда. Всех погрузили на машину и повезли в Коцюбинск.

А люди ходили на работу в колхоз как обычно.

Перед отступающей армией гнали

скот. В Пуще на Пакульских пагонах справа в Моховом урочище стояло стадо коров. Были там и пастухи. Мы из Семеняговки ходили доить коров. Брали с собой ведра и коромысла. Пастухам носили тютюн и сало.

Возле Семеняговки в лесу солдаты рыли окопы. Здесь была линия обороны. Во время отступления солдаты уходили через Семеняговку на Ковпыту.

Затем вступили немцы на машинах. В нас забрали кабана. Олена Мармиль спекла коровай и встречала немцев хлебом и солью.

На крест установленный на перекрестке при въезде в Семеняговку из Пакуля, нужно было за один день напрясть, посновать, соткать и повесить рушник. Олена организовала где-то восемь женщин, распределила работу и к концу дня рушник был готов. Повесили икону, рушник. Это было сделано, чтобы немцы никого не расстреляли. Было такое указание уже новых властей.

Бургомистром был назначен Репич Павел из Заболото. В полиции были жители из Семеняговки, Конюшовки, Пакуля. При немцах землю делили на души. Обрабатывать и убирать урожай

было очень трудно: не хватало лошадей и возов для транспортирования урожая. Отец возил снопы за 1/5 часть.

В 1943 году в феврале при отступлении стояли мадьяры, а в марте они уже ушли за Днепр.

В мае, когда немцы наступали на Пакуль и хутора, мы с Мармилем Григорием выезжали на своих подводах в Липки. Это было 5 мая вечером. Стали мы в березняку в Примаковой пасеке. Отец утром пошел на разведку и решил ехать в Пущу на встречу немцам и спрятаться в глубине леса. Немцы шли только по просекам и стреляли из автоматов. Стали мы в долине и спрятались в яме под вывернутым деревом. С нами была семья Черниченко Ивана и Стародуба Хомы.

На рассвете переехали в березняк в Кудыновой займе. В тот же день приехали домой.

Начали привозить и хоронить убитых. Отец помогал хоронить Гаркушу Олексу и ее двоих детей, Царенка Ивана Мироновича.

После освобождения Пакуля осенью 1943 года, отец ушел на фронт.

В нас поселился учитель Рахубовский с женой. В Семеняговке я окончила шестой класс, а дальше не захотела учиться, хотя Рахубовская убеждала учиться дальше.

Я устроилась в 1944 году контролером в мельницах. Председателем колхоза был Токар Василий Иванович. Тогда мельниками работали Черниченко Ефим и Черниченко Моисей. Иногда Ефима подменял Черниченко Афанасий. Мельники работали за трудодни. Плата за помол зерна составляла четыре фунта за пуд, забирались зерном и шла государству. Это был так называемый «мерчук».

Я любила ходить на молотьбу в клуню, здесь был конный привод, от которого работала молотилка. На этой молотилке обмалачивали снопы урожая только вокруг Семеняговки.

При работе на молотилке я любила стоять возле барабанщика и подавать раскрытый сноп ему с перевеслом. Барабанщик работал в очках. Для подачи снопов к молотилке участвовало где-то человек десять. Любила оттаскивать мешки от молотилки на весы, а потом помогала грузить их на подводу, которая отвозила мешки с зерном в комору. Коморником тогда работали моя подруга Снитко Катя. Я была весовщиком в Галах и одновременно работала контролером в мельнице. После 1945 года поприходили домой инвалиды войны и мы с Катей ушли работать в бригаду.

Контролером в мельницах стал Дорошок Николай Сапонович, а коморником — Черниченко Николай Ничипорович.

Я работала звеньевой в колхозе, у меня было 14 женщин. У нас часто в 1945 году останавливался отдыхать председатель колхоза Бориско Денис. Однажды он заночевал и в эту ночь нас бандиты ограбили до нитки. А Бориско лежал в кровати и не смог (или побоялся) помочь, ведь у него был пистолет. Забрали в хате сало, одежду, обувь. У Бориско забрали рубашки и пистолет. А через неделю бандиты повесили в Локотькове на воротах его сестры рубашки и пистолет. Это случилось 1 августа, а 6 августа пришел отец из войны домой. Он привез два мешка трофейных вещей. Мы начали сами ткать полотно.

Отец работал председателем колхоза в Рудне и Пильне. Дома у него была просодерка. Привод был конным.

Я хотела приобрести швейную машинку, которая выбивала рисунок на ткани. Я поехала в Киев с Постолом Демьяном, чтобы купить эту машинку. Но не нашла, хотя искала несколько дней.

А в Демьяна в больнице была его жена, она болела полиомелитом. Здесь же она родила девочку. Бездетные военные очень просили отдать им эту девочку, но Демьян не отдал. В Киев и обратно я ездила автобусом частника, он нас быстро отвез туда и обратно.

Во время перепланировки Семеняговки в 1950 году мы переселились в район цегельни до Груда, немного выше круга. У нас был участок 40 соток. Перенесли хату, сарай и все имущество. Отец выростил бычка, сделал воз и возил землю пока не сравнял весь круг.

Вышла замуж в 1952 году за Радченко Володю из Конюшовки (на него я глазом накинула еще в школе). Дали нам усадьбу возле Гатки, построили двор, жили до 1967 года.

Родились дети: Люда 1956 года, Инна 1959 года, Валера 1963 года.

Переехали в Чернигов в 1967 году. На пяти углах купили полдома. В 1990 году на 1 марта переехали по переселению в новый дом.

Работать устроилась на районную бойню «Облпотребсоюза», проработала там 26 лет по разделке туш. Общий стаж 49 лет с учетом работы в колхозе.

Дети окончили торгово-экономический институт в Киеве. Живут в Чернигове.

Отец в последние годы стал верующим. К нему часто ходил Постол Михаил Максимович, приносил ему Евангелие, они читали вместе. Потом он начал сам покупать литературу, у него ее было много. Когда он умер, его похоронили с попом из Ковпыты.

Было ему тогда 103 года.

Судьба сестры Марии

До войны она ходила в Пакуль, окончила на отлично семь классов, а 10 классов окончила в Андреевке, жила на квартире.

Потом поступила в Киевский институт легкой промышленности, проучилась один год, началась война, приехала домой. Была один год дома. Потом ее забрали в

Мария с дочерью Ларисой и сетрой Дуней (внизу слева). Муж Носов Анатолий и брат Иван (вверху справа)

Германию, там она была до конца войны, там она вышла замуж за парня из Мариуполя, Анатолия Носова. После войны приехали на Украину в Мариуполь. Я ездила с Иваном в гости к ним. Он развозил по городу хлеб подводой, она была домохозяйкой. Шила рубашки типа «бобачки».

Потом они переехали в Чернигов в 1953 году, сняли квартиру на Красном хуторе, позже купили времянку на Лесковице. Потом построили дом. У них родились две дочери: Лариса и Таня. Мария умерла после операции. Муж тоже умер, он болел астмой.

Судьба брата Ивана

Иван также, как и Мария, окончил семь классов в Пакуле, а 10 классов в Андреевке. До войны учился на шофера в Чернигове на заводе «Б», который находился напротив Шерстянки.

В 1941 году во время войны он подрался с Токарем Федором за Заводенко Галю. Федора он сильно побил, тот попал в больницу. После чего Иван испугался, выбежал до Грибка возле Линеи, попросился на военную машину, которая шла из Белоруссии в Чернигов, и уехал. Ему было тогда 17 лет. Из Чернигова он поехал вглубь России. В Саратове он встретил Гаркушу Илью,

мужа бабы Васи. А потом их дороги разошлись. В армии он служил шофером.

В 1944 году, в самом начале, он с другом во время отпуска приехал в гости домой. Встречался с Заводенко Галей. Он был в

Справа Постол Иван Григорьевич с женой Людмилой и сыном Юрой

это время в Киеве. Его отпускали несколько раз домой, где он брал с собой угощение начальству.

Потом он попал на фронт, там его ранили. Домой пришел в 1946 году.

По возвращению домой они с Постолом Михаилом Максимовичем в г. Чернигове по частям собрали на раме «Шевролета» грузовой автомобиль.

Якубец Демьян в это время работал в колхозе завхозом, он помогал оплачивать все части на автомобиль.

Сначала автомобиль работал на дровах. Как вспоминает Черниченко Надежда Михайловна им первым привезли берёзовые чурки. Их сушили в печи, на печи. Потом приехала машина к нашему двору, погрузили эти чурки в кузов. В кузове было две трубы, между ними был ящик для чурок. Помощник шофёра периодически загружал чурки в печку, находящуюся в трубе. Когда машина уезжала от нашего двора, то в кузов насело много детей и даже женщины. А меня посадил Ничипоров Иван в кабину, я была такая рада.

Мы проехали от нашего двора на колхозный двор по всей Семеняговке, а следом бежали дети, которые не смогли сесть в кузов. Для семеняговцев это было чудо.

Потом берёзовые чурки подводой развозили по дворам колхозников для сушки. Сухие чурки тоже подводой отвозили на колхозный двор в кладовую. Газ, который выделялся в трубе без доступа воздуха, поступал в двигатель. Потом автомобиль переделали для работы на бензине, но его доставать в то время было трудно.

В 1950 году он первый в хуторе купил молотицкл ИЖ, и первый автомобиль «Москвич» - где то в 1956 году.

Переехал жить в Чернигов. Работал шофером на Универсальной базе, которая находилась возле «Засол-завода». Ездил по области, развозил различные грузы.

Судьба сестры Ганны

Ганна до войны окончила семь классов в Пакуле. После войны она работала в колхозе завфермой. Тогда телятницами работали Дорошок Малаха Сопоновна из Заболото и Заводенко Авдюха. После этого работала звеньевой на полях.

В 1947 году вышла замуж за Черниченко Ивана Никифоровича. Свадьба была 1 июня на Троицу. Зимой отец купил в Шуруты Дмитрия брусьев на хату, а через несколько дней была денежная реформа, но отец успел брусья забрать домой.

В 1948 году построили на Груду возле цегельни новую хату и перешли туда жить. У них родилась дочь Света.

Иван работал бригадиром в Семеняговке, а потом завфермой в Пакуле.

Однажды его на Троицу сильно ударил Орел Петро, его кум. После этого он умер. Об этом подробно описано в рассказе Радченко Ольги, его сестры.

А их дочь после окончания 11 классов в Ковпыте поступила в Черниговский политехнический институт и его окончила. Работает в Чернигове в проектном институте.

<u>Гаркуша Вася</u>. Она была женой Гаркуши Ильи Якимовича. Он до войны был в Пакульском сельсовете активистом, а потом председателем сельсовета, Илью ранило на фронте, лечился в полевом госпитале, где и умер 27 августа 1943 года, похоронен в селе Малеевка, Боровского района, Харьковской области (по книге «Пакуль поживем тут».)

Вася держала связь с партизанами. Однажды к ней в мороз пришел на ночлег Таранущенко (командир партизанского отряда).

Ночью пришла полиция. Она вышла и спросила: «Кто?». Последовал ответ: «Полиция». Она ответила: «Подождите, я одену сподницу». Пришла в комнату и предложила Таранущенко лезть под кровать, которая стояла в самом углу, до самой стенки. Потом впустила полицию. В комнате было две кровати и шкаф. Она сначала подвела к кровати, где не было Таранущенка и полно-

стью подняла покрывало, говоря: «Смотрите здесь». Полицай посмотрел и убедился, что там никого нет. Потом они подошли к кровати, которая стояла в углу и где был Таранущенко, подняла частично покрывало и сказала «Смотрите здесь». Ничего не обнаружив, полицаи пошли к выходу.Выходя из хаты, сказали: «Если бы нашли Илью, то немного помучили и расстреляли, а если б нашли Таранущенка, то расстреляли бы сразу». Так она спасла Таранущенко от смерти.

После войны она была председателем сельсовета. Она пользовалась большим авторитетом в селе.

Потом ей и ее дочери Ольге дали квартиру в Чернигове.

Снитко Ольга Омельяновна. 1930 года рождения.

Наш отец Омелько и мать Оксана имели следующих детей: сына Николая, дочерей Ювгу, Татьяну, Ольгу и Марию.

Брат Николай окончил семь классов в Пакуле до войны, он был комсомольцем. У него было два чемодана книг. Когда ушел на службу в армию, эти книжки остались дома.

Когда был дома, он любил ковать из железа различные вещи: ножи, сапки, небольшие плуги. Ковал он не только для себя, но и для других людей. У него было в лесу место, где он ковал.

Я окончила в Пакуле три класса, а когда училась в четвертом классе началась война. Николай перед войной ушел служить в армию, я его провожала в Пакуль на сборный пункт, а сама пошла в школу. Во время службы его застала война. Он ушел на фронт и погиб. Он родился в 1921 году.

У меня был сильный голос. Когда я гнала корову из Липок и пела возле хутора, то люди выходили меня слушать.

При оккупации мать уменьшила мои года и сестры Марии, чтобы ее не взяли в Германию. Кроме того, у Марии был лишай, из-за него ее и нашу соседку не взяли в Германию.

Чемоданы Николая с книгами были спрятаны под грушей и прикрыты коноплями.

Когда объявили, что на Пакуль идут немцы, отец запряг подводу, сложили вещи и поехали в Липки. Дома осталась моя сестра Ювга с маленьким ребенком и мать.

Подводу оставили в Липках, а сами убежали в Грабовики. Мы лежали под горкой в болоте. Полицай нас нашел и сказал: «Вылезай, старый партизан!». Мы устали, он нас повел до круга, где уже было много людей, мы сели там.

Полицай увидел мою красивую сестру и сказал, чтобы она вела коня в стан в Пущу, а сам слез. По дороге она пустила коня, а сама убежала под раскладистую сосну, а там уже лежали двое: старый Лыдушка и еще кто-то. Полицай убежал за конем, а потом всем сказал: «Уходите, а то немцы поубивают».

Мы пошли под Шульговку в котлован и там сидели. Полусьмачкина Проня нашла окоп, где сидели три молодых хлопца. Они просили, чтобы она не делала в траве стежки, но она ходила к ним. Это были Цехмистеры Михаил и Пантелей и Царенок Иван Миронович.

Потом Проня сказала: «Немцев в Пуще нет, вылазьте!». Им на головы одела платки, сподницы и они все пошли на дорогу. А мы пошли в Шульговский лес.

На Семеняговских пагонах они встретили немцев. Те увидели, что женщины похожи на мужчин и сорвали с них одежду, начали их бить. Продели проволоку через щеки и так тянули до Пакульских пагон. Там они и кончились.

Если бы они еще несколько часов просидели в окопе, то они бы не встретили немцев и остались бы живы.

А дома случилось следующее. В нашу узкую уличку заехали на лошадях два мадьяра и начали делать обыск. Под грушей нашли два чемодана с книгами, разбили их, нашли книги Николая, там были советские книги и немецкий словарь. Мать сидела во ржи и все это видела.

Они пошли в хату, раздалось два выстрела, загорелась хата. Наверное, они первым выстрелом убили сестру, а вторым подожгли хату. Сгорела сестра и маленький ребенок. Мадьяры зажгли еще несколько ближайших хат. Другие мадьяры ходили по хутору и искали людей. Нашли старого Стародуба Луку. Среди мадьяр был один полицай, который спросил в Луки: «Где Иван?». Лука ответил: «Его сын испугался, он убежал в лес, а Иван пошел его искать».

После этого Луку повели в Токаревку, где стояли мадьяры, здесь был старший, который спросил Луку: «У вас есть партизаны?» Лука ответил: «У нас партизан нет, а есть бургомистр». Старший посмотрел в бумаги и спросил мадьяр: «Почему палите хутор, в плане нет палить хутор?» Он приказал прекратить палить. А деду мадьяры сказали: «Иди оттягивай плетень, чтобы не горело дальше». Он стал оттягивать плетни возле дворов, которые уже горели.

Моя мать увидела Луку, начала вытаскивать воду из колодца и заливать то место, где была Ювга с дитем. Нашла только кости.

После этого она пошла в Липки, нашла свой воз, взяла кожух и стала кричать, звать нас. Я откликнулась. Когда мы встретились, то она рассказала, что случилось с Ювгой и нашим двором. Мы приехали домой, потом пришла Мария.

Мы из плетня сделали шалаш, обмазали глиной и стали жить в нем. Отец еще из леса привез немного леса, но он был сильно болен и вскоре умер. Мать пошла в Коцюбинск за деньгами для погорельцев, ей дали немного денег. Было очень трудно жить, сестра Мария простудилась и умерла.

Работали с матерью в колхозе, постепенно построили хату. Я ходила в кружок самодеятельности с Репич Галей. За участие в кружке дали мне очень красивое платье. Иногда давали деньги.

Выростила двух сыновей: Петра и Владимира. Петр участвовал в ликвидации аварии на Чернобыле, получил большое облучение и умер. Владимир живет в Пакуле.

Ко мне приезжал из Киева студент. Он записал народные песни, которые я ему спела. Записывал он на магнитофон и отвез в свой институт. За эту работу он получил отлично. Об этом мне сказала его мать, которая живет в Славутиче.

Репич Галя Петровна, родилась в 1931 году. Отец Репич Петро Данилович. Мать Катерина из Михновки.

У Данила было четыре сына: Илья, Петро, Иван, Есип и дочь Прося.

Мать умерла в 1933 году от дизентерии. Она лежала в больнице в Пакуле. Хотела сбежать из больницы, но врачи поймали ее. Она кричала, а утром умерла. Баба Ведилянка говорила, что у моей матери руки были в ранах, косы на голове вырваны. Ее, наверное, врачи били.

Отец умер в 1933 году от истощения. Позже я тоже заболела дизентерией, меня хотели забрать в больницу, я плакала, не хо-

тела туда идти. Тогда дядько Илья сказал, если она не хочет, то я не имею права ее отправлять. Потом я съела миску квашеных груш и все прошло.

Я жила в дядька Ильи. До войны походила немного в школу, потом война.

Во время войны дядько Илья выкопал в саду окоп. Ожидали наступления немцев со стороны Днепра. Когда бомбили немецкие самолеты Семеняговку, мы выглядывали из окопа. В это время

Репич Галина

в нашем саду возле двора Мойсеенко Афанасия упала бомба, мы сильно испугались. Бомба сильно обтрусила нашу яблоню, яблоки были на земле. Когда немцы на лошадях вступили в хутор, один немец показал мне на яблоню, чтобы я ему насобирала яблок и подала. Он стоял на улице на своей лошади. Я ему дала яблок, а сама подумала, что бомба их обпалила, они стали отравленные, немец от них умрет. Такое было детское представлиние.

Во время войны в нашей хате жили санитарки. Там делали операции, там был санитарный пункт.

После освобождения хутора в 1943 году, там хотели организовать ликбез для детей — переростков. Занятия проводил Кириченко Григорий Прохорович. Но так, как с переростками было трудно работать, то эта затея не увенчалась успехом. В эту группу ходили: я, Якубец Петро Данилович, Якубец Мария Григорьевна, Царенок Галя Мироновна «Галюня».

Возле нашей хаты Мойсеенко Степан Сергеевич построил небольшую хатку и в ней жил со своей семьей.

Учитель Липко Александр Павлович жил сначала в Царенок Моти, а потом в нашей хате. Так же само жил и Рахубовский Максим Иванович — сначало в Моти, потом в нашей хате.

Я постоянно жила в дядька Ильи, а в свою хату наведывались только для проверки.

После учителей в нашей хате была колхозная контора. Однажды Снитко Катя ночевала в хате на печи. Мы с ней наварили в горщику кушать, поели. В это время приехал к нам в колхоз представитель района. Дорошок Николай Сапонович и Царенок Иван ушли домой, а он голодный вынужден был спать на столе, так как постели в конторе не было. А утром он ушел из конторы с обидой на тот прием, который ему оказали.

Хочу еще рассказать о Репиче Павле Терентьевиче. Он женился на Софине из Локотькова. Купил двор в Заболото, там жил до войны. Во время войны он был бургомистром. Как мог, так старался облегчить жителей хутора при немцах.

Помню, когда немцы требовали сдавать скот на мясо немцам, то он забрал корову у отца и отправил немцам на сдачу. А в других в это время не тронул коров. Поскольку я помню на него в хуторе не было обид от семеняговцев.

Когда весной 1943 года партизаны активизировали свою деятельность, то его ранили партизаны, когда он возвращался из Ковпыты домой. Он полз на болоте и приполз до двора Черниченко Ефима. Это было ночью. А утром его погрузили на тачку, прикрыли соломой и отвезли в Заболото. Я сама видела, как его везли. Людям они говорили, что едут резать сечку. Везли его дед Ефимаша и Татьяна. Когда его привезли домой, то его сын Михаль побежал в Жидиничи на станцию и сообщил немцам. Те его быстро забрали и отправили в Чернигов на лечение. Семья его тоже выехала в Чернигов, а потом в Америку.

Когда немцы жгли Ведильцы, я была в Заболото в его хате.

Там были люди из Пакуля и Семеняговки, а семьи Павла уже не было. Я забиралась на забор на груду возле Мармиля Миши и смотрела, как горели Ведильцы.

А когда уже немцы были в Семеняговке, тогда мы с семьей Ильи были в Грабовиках.

После войны пришло письмо на имя дядька Ильи от Павла из Америки. Ему сообщили, что Илья погиб на фронте. После этого он начал присылать мне письма и посылки. Присылал до тех пор пока не вышла постановление, чтобы вещи в посылках жители СССР выку-

Семья Репич Павла в Америке

пали. Тогда Павло прекратил мне высылать посылки. Однажды мне пришло письмо от него, где было написано, если я согласна выехать в Америку, то он мне вышлет вызов, дорогу он оплатит, а если мне жить в Америке не понравится, то я смогу выехать домой. Я с этим письмом пошла в Коцюбинск, там встретила Стародуба Евдокима. Он меня напугал, что меня могут посадить в тюрьму, если я соглашусь ехать в Америку. Но я пошла в райисполком к начальнику, тот почитал письмо и сказал: «Сейчас мы с Америкой не дружим, ты подожди, мы скоро начнем дружить, вот тогда и поедешь. А кроме того, чтобы поехать в Америку, нужно продать 10 коров, чтобы купить билет. Если у тебя есть 10 коров, чтобы поехать в Америку, тогда соглашайся». Я ему ответила, что мне дорогу оплатят. Но так я осталась дома, в Америку не поехала.

Все письма я повыбрасывала, о чем сожалею, но тогда я боялась.

Запомнился голодный 1947 год. Однажды мы с Заводенко Любой Кузьминичной пошли искать весной на картофельное поле прошлогоднюю картошку. Ничего не нашли и решили пойти в Ковпыту просить что-нибудь поесть у людей. По дороге зашли на ферму. Там как раз сварили в котле картошку свиньям. Работники фермы сидели и ели эту картошку, а мы постеснялись попросить. Пошли по Ковпыте, останавливались возле калитки и стеснялись заходить во двор. Так мы обошли несколько дворов и голодные пошли домой.

В лесничестве возле Купчина однажды мы с девчатами окучивали картошку. При этом мы осторожно из под стебла вынимали рукой посевную картошку. Я навыбирала себе полный подол. Пришла домой, наварила картошки, поела и пошла на Рынок петь. Настроение поднялось.

Я продолжала работать в колхозе на поле, помогала убирать сено. Ходила в Пакуль в кружок художественной самодеятельности.

Мы с Радченко Григорием из Конюшовки решили поженить-

ся. Но его мать и сестра меня не хотели. Но мы все равно расписались с Григорием в сельсовете. Мать его сильно рассердилась, возник большой конфликт. В результате Григория направили служить в армию в Киргизию. Там в ссылке жили чеченцы. Однажды его поймали чеченцы, когда он шел с гулянки, и зарезали. Мы поехали его хоронить: я, его мать и его брат Миша. Ехать туда нужно было девять дней. Когда мы приехали, то его уже похоронили. Мы попрощались на его могиле и поехали домой. У меня от него родилась дочь Анюта, она сейчас живет в Чернигове. У нее есть две дочери: Юля и Света.

Примаченко Евдокия Гавриловна.

В 1943 году наша семья состояла из шести человек: отец — Гаркуша Гаврило, мать Гаркуша Олекса (из Паперни), сестра Мария — 8 лет, я, Дуся — 2,5 года, маленький ребенок 2-3 месяца и дед Тимох.

При бегах от мадьяр на весне 1943 года мы находились в урочище Перевесье. Отец убежал в Грабовики под Ковпытскую Пущу. С нами была тетка Бориско Параска из Линеи с тремя детьми.

Мы все сидели за горкой.

Гаркуша Гаврило

Мадьяры шли и стреляли автоматами. Шальными пулями убило мать, грудного ребенка и сестру Марию, а тетка с детьми остались живыми. В тетки в одежде было 8 дыр, но ни одна пуля ее не задела. Мать и грудного ребенка убило одной пулей.

Пришли домой, отец тоже пришел, похоронили мать и детей.

Отец с Папирни пригласил девушку Параску из многодетной семьи (у них было 12 человек семьи). Она была нам за мать.

Осенью 1943 года отец ушел на фронт. После войны отец пришел домой в 1945 году, он был ранен в плечо.

Отец расписался с Параской и стали жить. В эти дни шла Ганна Радченко с Конюшовки и спросила деда, где невестка. Дед

ответил: «Каб, она приколки втырхае» («втырхае» – вставляет в косы). После этого Параску стали называть «Приколкой»

У них родились дети Оля и Анюта. Работали в колхозе хутора Семеняговки. Дед Тимох умер в 1956 году. Я окончила семь классов: четыре класса в Семеняговке, остальные в Пакуле: два года училась в хатах, один год в новой школе.

Гаркуша Параска

Я вышла замуж за Примаченко Демьяна, жили в Заболото. Работали мы

с ним в колхозе. У нас родилось четверо детей: Надя, Володя, Наташа, Анюта.

Невкрас Галина Андреевна. Родилась 1 октября 1947 года Мать Уляна Кузьминична с хутора Куцовка села Навозы. Дед имел две мельницы: одна водяная, вторая – ветряная. Водяная мельница стояла на речке Дубровка, которая вытекала из Семеняговского озера, текла через Грабовики и впадала в Днепр возле Навозов. Ветряная стояла возле хутора Куцовка.

В деда было три сына и две дочери: Уляна и Мотя. Два сына погибли на фронте, а один – Григорий – возвратился с фронта и работал в колхозе трактористом.

Моя мать Уляна вышла замуж где-то в 1935 году в Семеняговку за Якубца Савка Игнатьевича. У них родился сын Григорий. Когда Савко шел на фронт в 1939 году на Финскую войну, то просил жену и родителей, чтобы они не обижали сына Гришу, он был еще маленький. Савко погиб на Финской войне.

Невкрас Галя Андреевна

В 1943 году мать с сыном Григорием и дедом Микитой прятались в Липках возле Семеняговских пагон. Они сидели в окопе. Их нашли мадьяры. Переводчик сказал, чтобы они шли домой по пагонам и не сварачивали в лес. Так они пришли домой.

А Игнат с сыном Иваном и зятем (мужем дочки Марии) прятались возле Пущи.

Их мадьяры поймали и постреляли. Жена Игната Галина их привезла на подводе домой. Похоронили их в одной могиле

Невкрас Андрей

на кладбище.

Отец, Невкрас Андрей, родился в с. Пакуль в 1919 году.

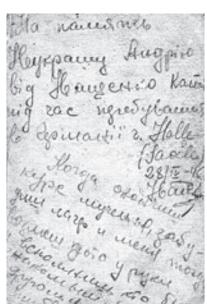
Было у него два брата – Семен и Ефим и две сестры. Отец был меньшим из братьев. Родители их рано умерли, отец жил в семье брата, жена брата жила 104 года. Дед по отцу зани-

мался лесосплавом на Днепре.

Во время войны отца насильно вывезли в Германию на принудительные работы. Там он работал шофером. Отец и еще два парня голодали, они ходили опухшие. Их спасли

Фото Невкрасу Андрею в Германии

три немки – они их выкормили.

Брат отца Семен пропал безвести в 1941 году, а второй брат похоронен у нас в лесу возле Вариванового круга вместе с двумя солдатами.

С отцом был такой случай. Они шли вдвоем с Деркачем Иваном Дмитровичем возле речки Пакульки и увидели, что тонул председатель колхоза Калюжный. Они его спасли. По решению правления колхоза им дали награду.

После войны отец служил в армии. После армии пошел жить в

семью сестры Варки, которая жила в Семеняговке. Здесь он пристал в примы до Якубца Уляны, которая жила с сыном Гришей.

Жили по соседству с родителями первого мужа, жили дружно. Баба Галя осталась с двумя дочерьми: Ольгой и Маней.

А Корней был еще в армии.

Сестра матери Мотя вышла замуж в Конюшовку. Ее мужа вместе с его отцом и братьями выслали как кулака, они не возвратились.

Во время войны Конюшовку сожгли мадьяры. Осталось только две хаты. Тетка выкопала землянку и жила там с тремя детьми и семьей мужевого брата. Она рассказала, как они после войны голодали. Ели цветы акации, гнилую картошку, которую собирали в поле. Выметали на поле гречку в тех местах, где в прошлом году была посеяна гречка.

Потом они переселились в Семеняговку и жили недалеко от нас. Ольга вышла замуж за Радченко Григория из Конюшовки, они жили в Семеняговке ближе к болоту (после перепланировки

Семеняговки) на хорошем участке.

Маня вышла замуж в Заболото.

Корней женился на Олене Ивановне из Ковпыты после службы в милиции в Чернигове.

У них родились дети: Владимир, Василий и Галина.

Владимир имеет детей Алену, Василий – Таню и Алену, Галина – Гену и Юлю.

У моих родителей родились две дочери: я, Галина, и Валентина.

Отец работал в колхозе трактористом и на разных работах. Мать работала на полевых работах в колхозе.

Из детства запомнилась жизнь на болоте. Там пасли телят, рвали траву коровам, телятам и свиньям, купались в копанках, ловили вьюнов. Там же присасывались пиявки к ногам. Делали будки из лозы и сидячки, на которых качались, играли в жмурки, в кремешки, с мячом в «выбывалки», с палками в попка. Любила наблюдать за растениями, цветами и облаками. Ходили искать гнезда птиц. На насыпе, который расположен на дороге от Пакуля до Ковпыты, рвали вишни и груши-дички для сушки. Зимой санками ездили в Липки за березовыми ветками, из которых отец делал веники и сдавал их в сельпо в Ковпыту.

В детстве слушали кваканье лягушек вечером, их было очень много на болоте и они как бы давали концерт до самой полуночи, когда уже люди засыпали.

Смотрели и ловили хрущей над вишнями и вспоминали стихотворение Шевченко: «Хрущі над вишнями гудуть».

В школу в первый класс я пошла стриженой «налысо», так как волосы у меня были очень редкие, то меня стригли часто «на лысо», чтобы волосы росли густыми.

В классе было 8 учеников, среди них один мальчик. Первая учительница была Людмила Михайловна, дети ее любили. Помню, как этот мальчик Володя не пришел в школу, то на другой день учительница и говорит ему: «Почему ты не пришел в

школу, ты и так плохо учишься, пускай бы Галя не пришла, так она хорошо учиться». Я пришла домой и говорю матери, что учительница сказала мне можно не приходить в школу и я на завтра не пошла в школу (играла в куклы на припечку, куклы я делала сама из тряпок). Приходят ко мне из школы третьеклассники (два или три ученика) и говорят: «Почему ты не была в школе». Я ответила, что мне учительница сказала, что я могу не ходить в школу.

У нас в Семеняговке, когда я училась по четвертый класс, было в одном классе первый и третий класс, а в другом — второй и четвертый классы. На одном ряду сидел первый класс, на втором ряду — третий класс. Также сидела второй и четвертый класс. Учительница учила одна в первом и третьем классах, вторая — во втором и четвертом классах.

Помню, весной и осенью водили нас на экскурсию в лес. Мне это очень нравилось.

Когда уже училась в Пакуле, после уроков ходила сама и не боялась, в урочище Пили по грибы. Набирала полную корзину одних белых. С отцом ездили на возу куда-то в дубняк, как присядешь и посмотришь, то белые грибы сидели черенями. Остались только воспоминания. За грибами я часто ходила и в Липки.

Любила пасти коров в Липках и в Грабовиках.

Когда подросли с сестрой, то ходили работать в колхоз на норму нашей матери, копали картошку, рвали лен, молотили его прачами. Руки были все в занозах со льна. Было очень тяжело и жарко.

После окончания восьми классов (окончила на 4 и 5), я осталась дома помогать матери.

Летом Помазна Надежда Денисовна приходила ко мне домой и уговаривала меня пойти в девятый класс в Ковпыту, где она уже работала после Пакули. Она предложила мне после окончания средней школы устроить пионервожатой и поможет поступить в пединститут на заочное отделение. Я согласилась и предложила

своим подругам ходить в Ковпыту учиться, но они не захотели. Тогда и я не решилась ходить в Ковпыту сама, о чем всю жизнь сожалею. А 1 сентября, слушая «Песню про учительницу», мне сдавило душу и я плакала позже много лет.

Оставшись дома, я ходила вместо матери в колхоз на работу. Зимой возили из Мнева торфокрошку на поле для удобрения. Возили командировочные машины, а мы разгружали вручную. Убирали осенью свеклу, а летом работали на току: перелопачивали и веяли зерно.

Ездили с матерью и сестрой Валей копать картошку в Михайло-Коцюбинск и Карховку. Выезжали утром рано на грузовой машине в кузове на соломе, было холодно, копали до самого темна. Потом бригадир обмеривал выкопанную площадь и в конторе получали деньги. Были очень рады этим заработкам.

Ходили с подругами ворочать торф в Ковпытском торфопредприятии. Потом туда ездили машины за торфом. Мы собирались по три человека и грузили торфом машины. Так как желающих было много, то мы выходили даже на Ковпытский перекресток, чтобы захватить машину, идущую за торфом. Погрузка машины стоила 2,5-3 рубля. На то время это были хорошие деньги. За эти деньги я купила кровать в Ковпыте, отдавала деньги на семейные расходы.

Мать мне рассказывала, когда она сама жала серпом, то за один день выжинала по 10 соток, вязала его в снопы и складывала в полукопки. С сестрами своего первого мужа Савка она была в хороших отношениях до конца их жизни. Помогали друг другу в работе на колхозном поле и дома.

Дома молотили цепями жито, ячмень. Я тоже молотила. Ступою товкли пшено на кашу, мололи жорною зерно для свиней, коров. Мне это нравилось делать.

Когда мать пряла на прялке, то я засыпала под звук прялки, а утром просыпалась тоже от прялки.

Помню в седьмом классе мать заболела и я вместо нее пряла

и ткала полотно, топила печь, пекла хлеб. Тогда я не ходила в школу три недели.

Мы с подругами часто собирались вечером у кого-нибудь и вышивали рушники, простыни, вязали кружево. Обычно садились вокруг дежи, на которой стояла керосиновая лампа, и вышивали до трех часов ночи.

С огромным интересом готовились к Троице. На болоте рвали траву аир и раскладывали в хате вместе с мятой, любистком. Ветки клена или липы тоже вставляли в хате за трам, молодые березки крепили на воротах, на заборе или просто закапывали в землю .Выметали дорожки от ворот до хаты.

По вечерам было слышно песни по хутору (в Токаревке, на Рынке, в Заболото).

На Рынке играли на гармошке Репич Гриша, Черниченко Гриша и Василь, Петренко, Шурута Володя.

Стоит сказать о посещении кино. В детстве билет стоил пять

Невкрас Валя Андреевна

копеек, а в кого не было денег, тот приносил одеяло, чтобы закрыть окно и его пускали без денег.

Сестра Валя любила вышивать, она навышивала много картин, рушныков и скатертей. Я ими и сейчас любуюсь.

Помню, как провели в Семеняговке электричество, то на улице на всех столбах горели лампочки. Ночью было светло. Светло было вокруг, и во всех ближайших сёлах тоже горели лампочки на столбах.

В детстве моей подругой была Мармиль Галя. Мы с ней сидели за одной партой с 1го по 8й класс. В

Чернигове жили в общежитии в одной комнате, работали вместе на камвольном комбинате. Дружили и наши матери, мы с Галей сейчас кумовья.

Я выражаю от всей души, от всего сердца благодарность своим односельчанам, родственникам, соседям и просто добрым людям за их сочуствие, помощь и поддержку. (Пишу и плачу, слезы текут сами). Когда в нашей семье случилось большое горе (умерла сестра Валя и погиб отец 28 лет назад), то к кому бы я не обращался за помощью, то никто не отказал нам ни в чем. Даже предлагали свою помощь сами. Многие уже умерли (царство им Небесное). Мне тогда хотелось кричать на весь мир слова благодарности этим людям за их доброту и помощь (есть пословица «Друзья познаются в беде»). Низко кланяюсь вам, люди добрые! Я вас всех помню и люблю. Когда встречаю вас, то всегда вспоминаю как тогда нам помогали и поддерживали.

Дай Бог вам, вашим семьям, детям, внукам и правнукам здоровья, счастья, мира, благополучия и всех земных благ. Чтобы в ваших домах и семьях никогда не было горя и слез, а всегда были слезы радости.

Низко кланяюсь перед вами за вашу доброту, поддержку и помощь.

Дорогие наши родственники, соседи и односельчане, я вас часто вспоминаю за вашу доброту.

Низкий вам поклон. Храни вас Господь.

В 1973 году вышла замуж за Шматко Владимира Петровича, у нас родились дети: Александр и Сергей.

У Александра родился сын Евгений, а в Сергея – Владимир и Михаил.

Сестра Валя умерла при родах, у нее остался сын Валера, мы с матерью его вырастили. Он женился, у него родились дочки Катя и Анна.

Постол Вера Хотиновна, родилась в 1935 году.

Отец – Постол Хотин Степанович, 1880 года рождения.

Мать – Ефросиния Антоновна, 1890 года рождения, родом из Рудни.

Дети: Мария 1925 года, Дмитро 1931 года, я, Вера.

Жили мы в Липках до 1938 года. Наш двор был возле дороги, что шла от Семеняговских пагон в Пущу и проходила возле Евдоченкового олешника. Двор находился слева, за нами рядом жил Шурута Федор Михайлович «Федун», жену его звали Мокрина. За Федуном жил дядько Максим (Постол Максим Степанович). Наши усадьбы были огорожены со всех сторон, так как в Липках был выпас скота.

Когда мне было три годика, то я сделала дыру в плетне Федуна и лазила к ним в огород за клубникой, так как у них была ранняя, а у нас поздняя. Однажды меня Федун поймал и поругал. И я к ним ходила тогда, когда Федуна не было дома. В Федуна было две девочки, они все перед войной переехали в Купчин.

Постол Вера Хотиновна

В 1938 году нас выселилили из Липок в Заболото (в Семеняговку) за то, что мы, якобы, прятали скот родственников из Рудни. Забрали все: скот, хату, сарай, воза, плуги и даже одежду. В Заболото нам дали место, недалеко от Заводенко Якова. Там мы выкопали землянку и в ней жили.

Когда немцы вели железную дорогу в Жидиничи, отца заставили ходить на работу. Однажды во время перекура, на который отводилось пять минут, отец тоже сел отдыхать.

Но он был не курящий. Немец на него крикнул: «Век». Мол иди работай, отец взял и сказал: «Фашист, все равно вам Москву не взять». Немец немного понимал по русски, и сильно ударил отца по спине резиновой булавой. Отец после этого проболел неделю и умер. Ему было тогда 62 года. Стали мы жить сами без отца.

В нас был такой случай. Где-то осенью 1942 года к нам пришли партизаны и забрали пять гусей, отнесли их на обработку Заводенко Кулине. Утром мать пошла к ним и увидела своих гусей. Потом спросила в Кулины: «Чьи это ты гуси скубеш?». Та ответила: «Чьи принесли, те и скубу». Мать гусей не забрала. А на следующую ночь пришли партизаны, ее забрали и повели в лес, хотели расстрелять как предателя партизан.

Мать ответила: «Если бы я вас хотела предать, но я же не сказала немцам, когда вас видела спящих в Пуще». Они подождали. Когда пришел старший, мать отпустили.

В 1943 году весной были в бегах, как и все семеняговцы. Мы с матерью и братом Дмитром сидели в Грабовиках в кустах возле круга с водой. Нас нашел полицай и сказал: «Мамка, вылазь и пошли со мной». Мы вылезли из круга и пошли с ним.

Он привел нас до места, где было много людей. Вечером нам сказал: «Если успеете до темноты дойти до хутора, то идите, а если нет, то ночуйте здесь. Мы за вас не будем отвечать, в лесу много партизан, вас могут пострелять!»

Но все обрадовались и сразу пошли в хутор. Ночевали в крайних хатах, было очень тесно, но люди были довольны, что ушли от немцев. В нашей землянке тоже были люди, мы заночевали в тесноте. А на утро люди разошлись по своим хатам. А сестра Мария с дедом Марко и еще одним дедом прятались в лесу. Дед Марко, чтобы немцы не приставали к Марии, на всякий случай переодел ее под парня-малолетку. Мария пришла домой на следующий день.

В землянке мы жили до 1947 года. Так как мы были одноособниками, то к нам однажды пришли активисты из сельсовета

и начале забирать вещи. У нас был только один чемодан. В это время мать сидела в углу за кроснами и ткала полотно. Они открыли чемодан и хотели забрать вышиваную рубашку матери. Мать им не дала и сказала: «Заберете только после моей смерти». Остальное они все забрали из чемодана, в том числе и байку, которую мне мать купила на платье. Ходила я в рваной одежде. Я сильно плакала, мать боялась, что я сойду с ума.

После этого мать подала заявление в колхоз. Я ходила в Семеняговскую школу после освобождения Пакуля в 1943 году. Окончила четыре класса, а потом полгода ходила в Пакульскую школу, заболела и больше не училась.

После войны мы постепенно построили хату и стали в ней жить.

Постол Ефросинья Антоновна с внучкой Надей

Мария в 1948 году вышла замуж за Орла Петра Федоровича в Чиковку, а потом они переехали в Ведильцы. В Ведильцах он работал милиционером. У них родилось двое детей: Валя и Дмитрий.

После перепланировки Семеняговки мы переехали жить из Заболото в Семеняговку, нам дали участок за цегельней в низ к болоту. Переселились мы где-то в 1951 году. Нам установили большой налог, который было трудно выплатить. В сельсовете нам посоветовали, чтобы я завербовалась на новостройки, а брат Дмитро пойдет в армию. После этого

я завербовалась в Молотовскую область (теперь Перьмская), а брат ушел в армию и нам сняли большой налог.

На Урале я проработала до 1954 года, после чего возвратилась в Чернигов, устроилась на работу на стройку, вышла замуж в 1962 году. Нам с мужем дали трехкомнатную квартиру. Родилось у нас две дочери: Наталья и Людмила, у них родились две внучки: Виктория и Марина, сейчас есть две правнучки: Анна и Вера.

Брат Дмитро пошел в армию в 1952 году, после армии работал в колхозе, женился в 1957 году. У него родилось две дочери: Надя и Маруся. У Нади родилось двое детей: Наташа и Юра. У Маруси тоже родилось двое детей: Люда и Наташа.

Птуха (Мармиль) Анна Владимировна

Я родилась 26 ноября 1947 года в х. Конюшовка. Отец Владимир Сергеевич 1925 года рождения.

Он родился в х. Конюшовка. Мама Елисавета родилась в 1923 году в с. Ковпыта, её девичья фамилия — Буренок, у неё было два брата — Яков и Петро, отец её погиб на войне.

Отец тоже имел два брата – старший Иван, он погиб на войне, а младший Ефим 1932 года рождения.

Дедушка Сергей жил в х. Конюшовка, он женился на бабушке Марии, она из Комаровки (был хутор в Конюшовке), её звали Комариха, поэтому

Мармиль Галя

и нас называют Комарами. Отец закончил 7 классов, он очень хорошо учился, особенно у него был красивый почерк. Во время оккупации его ещё малолетним забрали в Германию. Он потом нам рассказывал, какая там была мука, какую похлёбку им давали кушать. Работал он на заводе, не думал, что останется

жив, но выжил, хотя подорвал здоровье. После войны отец работал в колхозе, а потом его поставили дорожным бригадиром, после этого он работал лесником. Так как наша хата сгорела при оккупации, то мы сначала жили в землянке, а потом, когда отец пришёл из Германии, мы построили сначала маленький домик, а потом пристроили большой. Отец делал всё сам: и двери, и окна.

Мой дедушка Сергей со своим *Мармиль Владимир Сергеевич*

братом помогали партизанам, а *Мармиль* бабушка Комариха пекла хлеб партизанам.

За связь с партизанами хутор Конюшовку сожгли мадьяры, осталось только две хаты. Многих постреляли, кто не успел убежать в лес. Жили два года в землянках, позже начали строить хаты. Потом наша семья переехала в Семеняговку и поселились возле Мармильки ниже к болоту.

В нашей семье было четыре дочери: я самая старшая, потом Мария, Надя и Валя. Мама часто болела, нам пришлось ей помогать. Помню, когда мать шла доить корову, я шла следом и просилась, чтобы она научила меня доить корову. А она смеялась и говорила: «Тебя из-под коровы не видно, а ты собираешься доить». Когда я пошла в первый класс, мама мне сшила сумочку (через плечо она одевалась) и в ней я носила книжки. Помню, когда она нам пошила к школе новые ситцевые платья, какая была радость. В нас была ручная машинка и мама шила нам всё сама. Я с отцом часто ездила по дрова, часто ходили в лес по грибы.

Детство моё прошло в Семеняговке, вспоминаю, как мы босоногие бегали по хутору. У меня была очень хорошая подружка Невкрас Галя. Были ещё Заводенко Дуся Алексеевна, Радченко

Надя Николаевна, соседка Оля Мармильчина.

Мы часто гуляли на болоте, пасли телят, рвали траву аира, делали будки, гуляли в жмурки.

Весной сильно разливалось болото, вода доходи-

Справа Мармиль Галя с сестрами: слева Мария, в центре Надя

ла чуть ли не к нашей хате. Однажды мы гуляли возле воды и соседка Оля падает у воду, ребята напугались, а она уже почти тонет и я её быстро вытянула за руку из воды. Меня за это её родители благодарили.

Так как я была старшая дочь в семье, то мне приходилось помогать матери по дому, и в огороде. В колхозе маме давали норму полоть картошку, лён и другие работы, мы с сестричками ей помогали. Помню, как копали картошку лопатой, а мои

сестрички выбирали.

Училась сначала в Семеняговке, окончила 4 класса, а потом ходила в Пакуль. Класс наш был очень дружным, хотя дети были из соседних хуторов: Локотькова, Рудни, Пильни, Поперни, Завада и конечно Семеняговки и села Пакуль.

Мы сидели рядом с Невкрас Галей. Ходили с нами Дуся Заводенко, Дуся Шурута, Надя Радченко, Постол Володя и др.

Когда мне исполнилось 17 лет, я с Дусей Заводенко и Дусей Шурутой

Мармиль Валя

уехали в Харьков по вербовке. Меня родители не пускали, но я уехала всё равно. В поезде я всю дорогу плакала. Нас потом в Харькове поселили в общежитии по ул. Короленка, 25, работали мы на стройках целый год, ко мне приезжали родители, посмотрели город. Я очень скучала по своей Семеняговке.

Я вышла замуж за Птуху Мишу, в нас родилось два сына: Анатолий 1970 г. и Андрей 1985 г. Живём в Чернигове. Дачу купили в Баклановой Муравейке, площадь 70 соток совместно с садом. Дети живут в Чернигове. У нас два внука: Евгений и Алексей. У нас очень хорошие невестки. Старшая Дорошок Люба Алексеевна, она из Семеняговки, Дорошка Ефима внучка. Младшая — Людмила из Холмов.

Сестра Мария 1949 года рождения, живёт под Новгород-Северским в Авдеевке, у неё трое детей. Фамилия её сейчас Лазаренко.

Сестра Надя 1952 года рождения, живёт в Чернигове, у неё двое детей.

Сестра Валя вышла замуж за Курко Мишу. Её муж трагически погиб в Славутиче, а сестра Валя через год после его смерти тоже умерла. Она была очень хорошая, добрая, отзывчивая. Она окончила техникум, а потом институт, работала в колхозе в Пакуле сначала агрономом по защите растений, а потом главным агрономом. У неё осталось два сына: Олег и Владимир. У Владимира двое детей: Иван и Валерий. Владимир живёт в Семеняговке. Олег имеет дочку Катю, он живет в Чернигове, занимается бизнесом. Мы иногда ездим в Семеняговку, вспоминаем детство, проведённое в хуторе. Возле каждого огорода была выкопана копанка. Самая большая называлась Заболоцкая, мы там часто купались. Были копанки: Евдокимовая, Ковалёвая, Мармильчина, Крижановская, Мориновая и много других.

Мы часто в копанках ловили щук, карпов, карасей. На весне, когда была вода на болоте, было много цветов, мы их рвали,

плели венки, было очень весело. А сейчас всё опустело после осушения болота.

Ярош (Радченко) Ганна Григорівна. Спогади про життя моїх рідних.

Мій батько – Радченко Григорій Петрович народився 21 жовтня 1924 р. в мальовничому хуторі Конюшівка Чернігівського району в багатодітній сім'ї.

Ярош Ганна Григорівна

В родині було п'ятеро дітей: Настя, Гриша, Ганна, Володя, Миша. Як розповідали бабуся Софія і мій батько, життя було важке, але ж сім'я була дружна, працьовита, тож жили не бідно. На хуторі їх називали «куркулі». Але ж хто не лінувався працювати, той і жив заможно. І ось настав 1931 рік, який всій родині запам'ятався на все життя. Всю сім'ю мого батька: дідуся – Петра Яковича 1898 р.н., бабусю - Софію Михайлівну 1897 р.н., разом з дітьми вислали на поселення в далекий край. Після того, як вивезли всю родину, почали вивозити все збіжжя. Це: двоє коней з возом, дві корови, 15 голів сви-

ней, 60 штук гусей, 4 вози жита в снопах, 6 мішків намолочено зерна. Життя в чужому краї було не із легких, діти сумували за домівкою, плакали. Тож через деякий час по черзі почали втікати додому. Залишився відбувати «покарання» за всіх — дідусь Петро Якович, який так і не повернувся із заслання. Дружина не дочекалася чоловіка, діти — батька, який для них в спогадах залишився молодий, красивий, русоволосий. Повернулися додому в порожню хату, не було чого їсти, в що вдягнутися. Але як мовиться у приказці: «У своїй сорочці, радий і соломці». Життя

почало налагоджуватися, старші вступили до колгоспу – пішли працювати, менші – пішли до школи. Діти до школи ходили по черзі, бо ж на всіх були одні чоботи. Але так, як мій тато був більш здібніший, то на сімейній раді вирішили, що школу буде відвідувати частіше саме він. Сім'я працювала в полі, на городі, в лісі – валяли дерева, корчували пні. Життя ввійшло в звичну колію, але не надовго. Настав 1941 рік – почалася Велика Вітчизняна війна. Майже всіх чоловіків призивного віку почали забирати до лав Радянської Армії. В лісі за хутором був організований партизанський загін, під командуванням Таранущенка Н.М. Тож вся родина мого батька приймала активну участь у допомозі партизанам. Для партизан пекли хліб, доставляли продукти харчування. Самими активними помічниками були старші діти: тітка Настя і мій батько. Тож батько і тітка ϵ учасниками партизанського руху. 31 жовтня 1977 р. їм вручили партизанські квітки. Кожний рік на день Перемоги мого батька й тітку запрошували на зустріч з партизанами, яка відбувалася в місцях партизанської слави. В 1943 році батька призвали до лав Радянської Армії. Після проходження курсу молодого бійця і прийняття присяги батька відправили на фронт.

Дуже багато розповідав батько про фронтове життя. Зими були морозні, снігові, солдати були одягнені в легенькі шинелі, обуті — хто в чому. Але всі солдати були мужні, відважні, налаштовані героїчно і у бій шли з гордо піднятими головами. Важкий час був для родини, у якої не було ніякого зв'язку з сином. П'ятого лютого 1944 р. батько був поранений у праву ногу і руку. Не зовсім долікувавшись у шпиталі, він поїхав на фронт до своєї частини. На фронті він був кулеметником. Німці вже відчували свою поразку і зовсім оскаженіли. Бої були тяжкі, багато гинуло наших солдатів, багато було тяжко поранених. Як згадував тато, були такі випадки, що не встигали всіх загиблих ховати, тому що був наказ йти в атаку, треба захищати вітчизну від фашистської нечисті. 18 серпня 1944 р. — мій тато був тяжко

поранений в ліву ногу, яку йому ампутували. У шпиталі батько пробув майже півроку, лікувався, заново вчився ходити. Із великою вдячністю батько згадував медперсонал шпиталю: лікарів, сестричок, які зі сльозами на очах перев'язували рани, учили ходити молодих бійців, які залишилися інвалідами, підтримували морально. Сім'я мого батька не знала про його поранення, про те, чи живий. На початку 1945 р. мого батька комісували, і він повернувся додому. Коли йшов із станції Жидиничі через Ковпиту, всі люди виходили із хат, підходили, обіймали, плакали, бо ж не в кожну родину вертались рідні, не кожний залишався інвалідом в молоді роки. Коли зайшов в рідну Конюшівку, серце ледь не вискакувало із грудей. Нарешті він міг обійняти свою посивілу

Радченко Григорий Петрович

маму, сестер, братів. Але серед своїх рідних він не побачив батька, який так і не повернувся із заслання. Через багато років мій дідусь — Петро Якович був реабілітований. Батько з війни вернувся у званні сержанта.

Після війни був нагороджений орденами і медалями за заслуги перед Батьківщиною. Держава надала йому пільги як інваліду війни першої групи, тож для особистого користування виділили спочатку коляску з ручним керуванням, а потім автомобіль «Запорожець». Життя продовжується, сестри мого батька повиходили заміж, тож сім'ї почали зростати, потрібно було будувати більші хати. І сім'ї мого батька дали

під забудову наділ у х. Семенягівка. Побудували більш простору хату і переселилися в х. Семенягівку. Закінчивши неповну початкову школу, мій тато здобув непогану освіту, тож його за-

просили у контору колгоспу в с. Пакуль працювати обліковцем, потім працював комірником у х. Семенягівка. В 1951 році мій тато одружився на моїй мамі, це – Якубець Ольга Ігнатівна. Мама була молодша мого батька на вісім років, вона теж була із багатодітної сім'ї. В сім'ї було п'ятеро дітей: Савелій, Марія, Корній, Іван, Ольга. Родина моєї мами була працьовита, тож жили заможно. Як згадувала мама: «Ніколи не голодували, було що їсти, і у що вдягнутися». Тож рідня моєї мами ділилася продуктами харчування з більш бідними людьми, ніколи ні в чому не відмовляли. У 10 років мама пережила велике потрясіння. Це був 1943 рік, коли в хуторі з'явилися мадяри. Все населення хутора пішло ховатися в ліс. Діда Ігната Микитовича за віком не взяли на фронт, брат матері Іван був призивного віку, чоловік моєї тітки Марії був комісований, тож із всіма людьми пішли до лісу, але додому повернулися не всі. Моя мама в один день втратила батька, брата, дядька Данилу і сестриного чоловіка Петра. Чоловіків відвели неподалік і розстріляли. Це було майже на очах маленької дівчинки – моєї мами. Чотирьох чоловік поховали в одній могилі на кладовищі в х. Семенягівка. У тітки Марії на руках залишився маленький грудний син – Володя. Із Фінської війни не повернувся старший брат матери Савелій – він загинув. Потім рано із життя пішла моя бабуся по маминій лінії – Галина Василівна і моя мама залишилася круглою сиротою. У 1951 році мама вийшла заміж за мого батька і пішла в сім'ю, в якій була свекруха – моя бабуся Софія Михайлівна, і два нежонаті батькові брати Володя і Миша. Але молода дівчина не злякалася труднощів, роботи було дуже багато, але моя мамочка все встигала. Скільки ж роботи їй треба було переробили вдома, на городі, у колгоспі. Всі говорили в хуторі: «У Ольги робота горить в руках».

4 грудня 1952 р. народилася я — донька Ганна. Всі хотіли, щоб народився хлопчик, бо ж батькові потрібен був помічник. Майже всю роботу і жіночу, і чоловічу, мамі приходилось робити

Радченко Ольга с дочерью Ганной

самій: косила сіно, рубала дрова і так далі. Здоров'я моїх батьків почало погіршуватися, батькове — через поранення, мамине — через важку роботу. В 1989 році мої батьки переїхали до Чернігова, до мене. Через три роки вони одержали квартиру і стали жити окремо. Дуже рано мої батьки пішли із життя.

Тата не стало у 1998 році, мами – у 2008 році. Я дуже вдячна своїм батькам за їх любов, доброту, чесність і моє виховання. Я пишаюся своїми батьками і низько вклоняюся їм хоч і мертвим. Свою працьовитість вони передали мені – своїй

єдиній донці. Закінчивши Пакульську середню школу з добрими оцінками, я вступила до Чернігівського технікуму радянської торгівлі, який закінчила на «добре» і «відмінно». Майже тридцять років працювала на одному місці в сфері торгівлі, зараз на пенсії.

Мій чоловік — Ярош Іван Миколайович є учасником бойових дій в Афганістані. Донька Людмила після закінчення Чернігівського педагогічного університету присвятила своє життя

Ярош Иван Николаевич с женой Ганной и дочерью Людмилой

школі. Вона працює в одній зі шкіл Чернігова заступником директора з навчально-виховної роботи і викладачем хімії.

Зять Олександр – приватний підприємець. Маємо внучку Іринку, яка навчається в 7 класі і є відмінницею в навчанні.

Мармиль Владимир Степанович

Моя мать, Радченко Анастасия Петровна, родилась 22 декабря 1918 года в хуторе Конюшовка.

Она вместе с Конюшой Ариной Митрофановной прошли обучение в ФЗО и работали в Киеве на строительстве Дарницкого

шёлкового комбината в бригаде Бойко.

С первого дня войны совместно со своими строителями работала на западной окраине Киева по сооружению противотанковых рвов.

После оккупации Киева вернулась в х. Конюшовка Пакульского сельсовета.

На оккупированной территории

Черниговским обкомом партии были оставлены члены партии для организации партизанского

них был и Таранущенко Н.М., который организовал партизанский отряд. Разведку в отряде вёл Новиков.

После установления связи с партизанами Анастасия Петровна стала работать в отряде Таранущенка связной.

Мать Анастасии, София Михайловна, пекла хлеб партизанам. Партизаны ночью

Радченко Анастасия Петровна

привозили в мешках муку, а через несколько дней ночью забирали печеный хлеб. Иногда Анастасия Петровна относила хлеб в лес в условленное место и передавала партизанам.

Она периодически ходила в с. Пакуль и узнавала различную информацию о планах немцев, которые находились в полицейском участке. Потом предупреждали через своих людей, когда будет облава на молодёжь для отправки в Германию. После этого молодёжь пряталась в лесах. Мою мать, Анастасию Петровну, дважды пытались вывести в Германию со станции Жидиничи поездом, но она выпрыгивала из эшелона. Она, кстати, ходила на строительство железной дороги до Жидинич.

В Конюшовке жил полицай Денисенко Моисей со своей семьёй, сам он из Ковпыты. Он передавал различную информацию в полицейский участок в Пакуль, за что был убит партизанами.

Штаб партизанского отряда находился в лесах междуречья Днепра и Десны в районе сёл Хотинова Гута, Лошакова Гута, Сапонова Гута и Василева Гута.

Однажды сформированный немцами карательный отряд собирался с участием авиации нанести удар по расположению партизан, но Анастасия Петровна узнала об этом в Пакуле и сообщила партизанам. По замыслу немцев авиация должна была ночью по сигналу красных ракет, выпущенных возле расположения партизан в сторону партизан, нанести бомбовый удар. Но партизаны, зная об этом, при подлёте самолётов выпустили раньше ракеты в сторону карательного отряда и самолёты сбросили бомбы на карательный отряд.

Как рассказала Заводенко (Калита) Мария Яковлевна для связей с партизанами был пароль «Я кленовый лист», а ответом – «Я дуб». Связными были Заводенко Яков Романович и Мармиль Ефим.

Однажды партизаны в количестве четырёх человек во главе с Новиком пришли в Конюшовку просушить обувь. Полицай Денисенко сообщил об этом немцам в Пакуль. Партизаны разулись и стали сушиться. Когда немцы стали подъезжать к хутору дед Мармиль Семён постучал в окно и сообщил, что едут немцы. Партизаны быстро сбежали в лес в район «майдана», который находился возле Токарёвки. Он представлял собой группу ям в кустах. Так как они не успели обуться, то часть портянок и одни сапоги остались в хате. Баба Семёниха намотала на себя портянки, обула партизана сапоги и пошла по снегу к ним. Она их по сути сильно выручила.

6 мая 1943 года во время карательных операций, осуществляемых мадьярами, Конюшовка была сожжена, осталось только две хаты. Конюшовцев мадьяры поймали в районе Леляковой Рудки, мужчин в количестве 16 человек отвели в Толстолесье и там расстреляли, а женщин и детей отпустили домой. Среди расстрелянных были Конюша Кузьма, Мармиль Сергей Анатольевич и два брата Заводенки: Сергей Романович и Яков Романович.

В сентябре 1943 года после освобождения Черниговщины нашей армией перед формированием Днепра штаб генерала Пухова располагался в хате Мармиля Якима (деда Якименка), там же проживал и сам командующий.

Справа налево: Таранущенко Екатерина Яковлевна, Радченко Анастасия Петровна, Таранущенко Н.М.

Во дворе Радченко Софины нахолилась полевая армейская кухня, в печи выпекали все хлебобулочные изделия. Повар был солдатом, а ему помогала баба Софина.

После окончания войны моя мать Анастасия Петровна до самого выхода на

Слева направо: Штых Григорий Маркович, Гаркуша Галина Ивановна, Радченко Анастасия Петровна, Штых Николай

работала в колхозе.

В 1947 году вышла замуж за Мармиля Степана. Я родился 4 августа 1948 года. Отец с матерью разошлись в 1954 году. В 1955 году я пошёл в 1-й класс Пакульской 8-милетней школы. В 1966 году окончил

пенсию и на пенсии

Ковпытскую среднюю школу.

Потом была служба в армии, служил на территории Польши.

В августе 1968 года принимал уча-

Nº 315245

стие в военных лействиях в Че-

хословакии. Во время землетрясения в Армении брал участие в спасательных работах.

Женился на Мармиль Галине Николаевне в 1970 году, имею дочерей: Аллу и Татьяну, двух внуков Ваню и Катю.

Анастасия Петровна часто встречалась с участниками партизанского движения уже после войны. Она была награждена орденом Отечественной войны II степени и многими медалями.

Конюша (Деркач) Валентина Ивановна.

Я родилась в 1944 году в Пакуле. Моя мать, Шлапак Парасковья Палывёвна, доводилась Репич Терешко небогой. В Терешка умерла жена и он взял себе из Ведилец в жены Алёну Кузьминичну, которую в Семеняговке называли «Ведилянкой». Так как

Деркач Иван Дмитриевич

у них не было детей, то они взяли себе мою мать за дочку, но баба Ведилянка не взлюбила её. Когда они поехали на переселение в Таврию в село Чубаровка, то матери там не понравилось, она написала домой письмо и её дядько Апанас поехал в Чубаровку и забрал её домой. В Пакуле она вышла замуж за Деркача Ивана Дмитровича, он был глухонемым.

Позже и Терешко с Ведилянкой возвратились домой.

Конюша Иван жил с отцом и матерью в Конюшовке. Во время войны 1941 г. отец Ивана погиб на фронте. Его мать Ефросиния вышла замуж после войны за Якубца Николая Есиповича. Они переехали жить в Семеняговку. Поселились они вначале возле Стародуба Фомы Лукича на земле Стародуба Евдокима, а потом

им дали участок возле болота.

Я вышла замуж за Конюшу Ивана Ивановича в 1965 году. Сначала мы жили у свекрови где-то один год. Когда мы женились, то наша свадьба была и в Пакуле, и в Семеняговке.

Так как у Ивана не было своей земли, то он построился на земле бабы Ведилянки. Она в это время жила сама, дед Терешко умер. Иван построил на её земле двор с условием, что мы за ней будем ухаживать до смерти. Баба Ведилянка жила с нами ещё 18

У нас родились две дочери: Галя и

Надя. Галя вышла замуж за Каранду Михаила Николаевича из Линеи и живёт в Славутиче, у них родилась дочь Катя и сын Ваня.

Надя вышла замуж за Демчука Виктора Николаевича и живёт в Житомирской области в г. Новгород-Волынск. У них две дочери: Ирина и Леся.

Заводенко (Примаченко) Мария Васильевна

Конюша

Я родилась в 1930 году в Семеняговке. Отец Примаченко Василий Омельянович, мать Примаченко Палажка Пилиповна, она была дочерью Якубца Пилипа Дмитровича. Он женился на Авдюхе, жил в Семеняговке, у них родилась моя мать до Русско-Японской войны 1905 года. Пилип пошёл на войну и там погиб.

А баба Авдюха вышла замуж в Линею за вдовца Каранду, у которого было три сына и она ещё родила от него двух сыновей.

Моя мать вышла замуж за Примаченко Василия Омельяновича в Семеняговку, у них была многодетная семья: пять сыновей и две дочери. Сыновья — Василий, Николай, Алексей, Петро, Кирило. Дочери — Маня и Арина. Арина вышла замуж за Мойсеенка Ралка.

Мы жили в Семеняговке возле Пилипицы. Отец пошёл на войну в 1941 году и там погиб. После войны я жила с матерью и братом Петром. Жизнь была очень трудной. До войны я окончила 4 класса в Пакульской школе, а после войны не училась, работала в колхозе.

Заводенко Иван Иванович с женой Марией

Семья Заводенко Ивана Ивановича жила в Чертеже. Их перед войной переселили в Семеняговку. Отец Ивана – Иван Минович умер в Чертеже и там похоронен. В Семеняговку переселились: их мать Мария, Иван с братьями Семёном и Степаном и сестрой Оленой.

Мы с ним поженились в 1950 году и стали жить на его дворище. Иван работал в колхозе на разных работах до самой пенсии.

У нас родились дети: Василий, Валентина, Коля, Надя.

Василий учился рабо-

тать на буровой установке, работал в разных местах на Украине. Женился на Наташе из Запорожья, там и живёт.

Примаченко Петр Васильевич

Валентина вышла замуж за Швец Владимира, живёт в селе Смолиговка Репкинского района. У них родился сын Славик.

Коля живёт в Чернигове, он женился на Валентине, у них родилась дочь Маша.

Надя вышла замуж за Виталия Шинкаренка, живёт в селе Голубичи, у них родилась дочь Виталина.

Брат Петро 1936 года рождения, окончил 7 классов в Пакуле, а потом окончил десятилетку в Ковпыте.

После службы в армии окончил зоотехникум и работал в Слободе за Жукотками, там женился на Наде из Слободы. У них родились два сына: Василий, он живёт на Камчатке, и

Толик, он живёт в Чернигове.

СВЕДЕНИЯ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ЖИТЕЛЯХ ХУТОРА

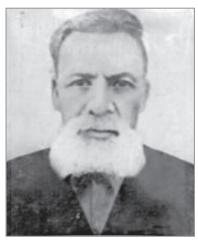
Шурута Дмитро Иванович

В Японскую войну 1905 года он был на фронте в Маньчжурии. Об этом он рассказывал перед войной 1941 года в хате Стародуба Евдокима Артемовича. При этом разговоре присутствовали Примаченко Василий Григорьевич, Якубец Григорий Демьянович и др. Об этом сейчас рассказал Якубец Григорий.

На войну с Шурутой Дмитрием был мобилизован из Семеняговки Якубец Пилип Дмитрович. Кто еще был из Пакуля – данных нет.

Ехали они до Маньчжурии месяца 2,5. Кормили их хорошо, много еды оставалось, тогда они по дороге купили поросенка. Когда они приехали в Маньчжурию, то из поросенка уже вырос подсвинок. Его хорошо кормили, вырос большой кабан, зарезали и угощали солдат свежиной.

Рассказал он и о таком случае. Во время боев с японцами артиллерией корейскую деревню сравняли с землей. Солдаты ради интереса начали искать погреба корейцев. Штыками нашли погреб. Там были бочки с жиром. Солдаты наварили каши, наелись. В это время поймали одного корейца.

Шурута Дмитро Иванович участник русско-японской войны 1905 г.
Награжден тремя
Георгиевскими крестами

Начали спрашивать, что за жир в бочках. Он русского языка не знал, но сказал, показывая на бочку: «Гав-гав». Солдаты начали рыгать и корейца со зла убили.

Шурута хорошо пел и танцевал. Это в армии ценилось. Но он и храбро воевал. Поэтому его наградили тремя Георгиевскими крестами.

Когда японцы захватили Порт-Артур, Шурута попал в плен. После освобождения из плена, он возвратился в Россию и служил в кавалерийском полку по охране царя.

Возвратившись из службы, он поселился в Липках под Пущей. За свои заслуги он был назначен лесником и проработал им до пенсии. Под Пущей у него был двор, но хата была без сенец. Люди говорили о нем: сапожник без сапог.

А Якубец Пилип Дмитрович из войны не возвратился, он погиб в боях.

Когда у Шуруты умерла жена, он женился второй раз на Наталке, матери Черниченко Моисея. А у него от первой жены осталась дочь Стекла. Моисей тогда жил в Черниченко Михаила Пантелеевича.

В Семеняговку Шурута Дмитро переселился где-то в 1938 году, тогда переселились многие, кто жил в Липках. Он поселился на одной улице с Заводенко Дмитрием и Заводенко Кузьмой.

Жена Наталка имела свои особенности. Зимой могла ходить по снегу босиком, а глубокой осенью на болоте ходила босиком по льду и ломала его. В тоже время летом могла одеть валенки и теплый платок. Люди ее считали колдуньей.

Однажды зимой Шурута купил селедки, поели со Стеклой. Наталку взяла злость. Она повыливала всю питьевую воду, а сама легла спать. Шурута со Стеклой захотели ночью пить, а на дворе была метель, до колодца ити далеко. Они были вынуждены вытаскивать из печи чугуны, в которых была вода для свиней и пить эту воду. Об этом часто вспоминали в хуторе.

Шурута Ничипор Дмитриевич

Об одном случае рассказала Радченко Ольга Никифоровна. Однажды дед пришел к ней и говорит: «Внученька, дай мне вилки». Я пошла в хлев, взяла вилки и принесла ему. Но он сказал: «Не эти, дай мне те, что горшки из печи вынимать». Я спросила: «А где ваши?». Он ответил: «Да Наталка сварила обед, а вилки спрятала». Пришлось дать ему вилки для горшков.

В хуторе говорили: «Наталёха ездит на кавалеристе». Он был хорошим следопытом, от него трудно было уйти с во-

рованным материалом. За его многолетнюю службу лесником в хуторе не было больших обид от людей.

Шурута хорошо знал лесное хозяйство, жизнь его обитателей: зверей и птиц.

Выйдя на пенсию, он ходил по селу с палочкой и говорил: «Е-е-е, будете помнить Шуруту». И его действительно долго помнили.

Как рассказал внук Дмитра Шуруты Николай у него, кроме дочери Стеклы, было еще четыре сына: Ничипор, Владимир, Арсений и Иван. Жили они в Липках возле Пущи.

Первым женился Ничипор и построил хату рядом с хатой

Шурута Арсений Дмитриевич

Шурута Владимир Дмитриевич

Шурута Иван Дмириевич

отца. Он женился на Домне, у них родились дети: Миша, Дуся и Володя. Был участником войны 1941-1945 гг. После войны уехал жить на Донбасс, а его жена Домна сама ростила детей. На Донбассе он работал в НКВД, там он был сержантом, а потом охранником.

Моя мать жила в Ковпыте в Пеньках. Она разошлась с первым мужем, после чего поехала подводой к Шуруте в Липки и посватала сына Ивана. Он пристал к ней в прими. У них родились дети: я, Николай, и дочь Мария. Мы с ней сейчас живем в пригороде Чернигова: я в Слободе, а она в Белоусе. Наш отец был на финской войне связистом, а в 1941 г. пошел на фронт, попал в плен и умер в лагере для военнопленных.

Сын Владимир пошел служить в армию, он был танкистом, погиб в конце войны в Германии в плену.

А сын Арсений пошел на фронт в 1941 году и погиб без вести.

Царенок Терешко Васильевич

Жил он со своей женой Авдюхой на пятиуглах или по другому на «Рынке».

Был у них только один сын Иван. Жену по уличному называли Коноплевна, а Ивана «Конопляник».

Терешко держал много кролей прямо в хате, так как их хата была разделена на две части. Авдюху в селе знали как «Коноплевна».

Коноплевна часто ругала Терешка, он был покладистым, работал в колхозе на разных работах, в большинстве случаях сторожем.

После освобождения Семеняговки в 1943 году он возил за Днепр военное снаряжение с другими семеняговцами.

Иван пришел из войны инвалидом, ходил на костылях. Женился он на Радченко Ганне из Конюшовки Их семью в Конюшовке называли «Гайденками». Их баба ездила быстро на лошади и кричала: «Гайда!».

После войны Иван работал в колхозе бухгалтером. Он был грамотным бухгалтером, поэтому его просили из других колхозов, чтобы он помог составить годовой отчет. Так он обслуживал колхозы Пакуля, Ведилец, Карховки, Ковпыты.

У него родились два сына Миша и Коля, и дочь Ефросинья.

Примаченко Пилип Григорьевич

В селе его звали просто «Пилипица». Жил он с Гапой Ивановной, у них родились два сына и две дочери.

Одного сына звали Иван, другого – Михаил. Ивана в 1943 году убили на войне, Михаил жил и работал в колхозе.

Старшую дочь звали Авдюха, она вышла замуж за Вороха Потапа. Младшая Ефросиния работала после войны в колхозе, часто помогала отцу пилять лес для своего двора и для людей. Распиловку леса они делали на специальных козлах, которые в Семеняговке называли «сталюги». Она отличалась хорошим здоровьем, как и отец, и за это их ценили в колхозе. Ефросиния вышла замуж в Ковпыту.

После войны Пилип работал в колхозе сторожем.

Пилип часто воровал. Однажды его посадили в тюрьму, якобы за участие в убийстве. А он считал, что его посадили незаконно. В тюрьме он объявил голодовку. Голодовал он 12 дней, после чего его выпустили. Врач в тюрьме предупредил, чтобы он ел по немножко, а воду и молоко пил соломиной. Так он сделал и поправился.

Во время войны отбывал срок в лагерях на Урале за воровство коня. Там он работал на лесоповале. Его жена Гапа за хорошую работу получила кусок красной материи и попросила Снитко Катю написать письмо Пилипу на Урал. В этом письме она просила его, чтобы он посоветовал, как ей шить чепец: жабками или рожками. Об этом в хуторе долго говорили.

Пилип отличался крепким здоровьем. Он пьяным мог лежать на снегу или на мерзлой земле и не заболеть. Он умер в возрасте 105 лет и 3 месяца. В Семеняговке он был долгожителем.

Примаченко Федор Григорьевич, год рождения 1900

Жил он в Семеняговке, возле Примаченко Пилипа Григорьевича, своего брата. Жену его звали Харитина. Было у них трое детей: Иван, Петр и Михаил.

Во время проведения осушительных работ на болоте ему дали резиновые сапоги. Однажды он шел по улице выпившим, были лужи, он и сказал: «Спасибо Сталину-грузину, что и я ношу резину». Кроме того, как вспоминает Радченко Евдокия Григорьевна, он сказал, показывая пальцем, нужно было убить не того (не Кирова), а того (Сталина). Его ночью арестовали и полуторкой увезли в Михайло-Коцюбинск. А в Коми АССР Верховным судом присудили к смертной казни. Арестовали 21 октября 1940 года, судили 12 ноября 1941 года по книге «Пакуль поживем тут», стр. 463.

Осталась жена и трое детей: Иван, Петр, Михаил. Жена умерла после войны, когда был тиф, а детей забрали в детдом.

Потом они приезжали домой в гости, учились они в ФЗО, одеты они были в форму, семеняговские дети завидовали им.

Репич Терешко

Жил он с Аленой Кузьминичной на Пятиуглах или на Рынке, так называли место, где собирались люди побеседовать, а раньше там торговали. Алена Кузьминична была второй женой Терешка, она была с Ведилец, поэтому ее в селе знали как «Ведилянка».

Первая жена умерла, от нее родился сын Павел. Павел перед войной с семьей жил в Заболото. Во время войны 1941-1945 годов был бургомистром в хуторе Семеняговка. После войны он эмигрировал в США с семьей.

Терешко обычно говорил вместо деготь «детя», поэтому его прозвали «Детя».

До войны он работал корявником – собирал различные тряпки и сдавал государству. Он имел коня, подводу. В замен

тряпок он давал различные вещи, которые были в дефиците: иголки, нитки, вязальные крючки, мулине, карандаши, ручки, чернильницы и др.

После войны Терешко работал в колхозе в основном сторожем. На Тузовой горе у него была будка, а внизу к дороге, которая шла из Пакуля в Ковпыту, был колхозный баштан. Будка была приспособлена для жилья: там была постель, еда, вода, дрова для костра, посуда. К нему часто ходили дети, он разрешал вырвать огурцов, морковки, помидоров.

Хата его была разделена на две части. В одной из них часто жили учительницы со школы.

Конюша Есип Андреевич

Родился в хуторе Конюшовка. Отец Конюша Андрей, мать Малаха, дед Митрофан.

В 1943 году мадьяры сожгли хутор Конюшовка, осталась только хата Конюши Андрея.

После освобождения села Пакули в 1943 году, Есипа Андреевича забирают в армию. В Молдавии при форсировании реки Днестр проявил геройство и его наградили звездой Героя Советского Союза. Об этом факте много есть сведений в областной печати.

Когда он пришел домой после войны, он жил в Конюшовке. На его дворище колхоз построил новую хату для их семьи.

У него был старший брат Тимох, две сестры: Ганна и Настя. Брат женился в Конюшовке, потом после развода пошел в примы в Киенку.

Конюша Есип Андреевич

Сестра Ганна переселилась жить в Пакуль, а сестра Настя вышла замуж в Ковпыту.

Когда Есип жил в Конюшовке, ему после войны прислали учительницу, так как он был безграмотным. Он не захотел учиться и учительница уехала.

Одно время работал в Семеняговской школе завгоспом. А в основном он работал в колхозе сторожем. Ему дали воза, коня, обеспечивали сеном, дровами.

В 1950 году он переселился в Семеняговку. Вскоре женился на Наде из Ковпыты. У них родилась дочь Света.

Когда в Советском Союзе упразднили пособия Героям Советского Союза, он работал на Черниговском комвольно-суконном комбинате.

Ворох Потап Емельянович, Родился 21 декабря 1916 года. Родился в хуторе Семеняговка, в семье Ворох Емельяна. Женился в 1935 году, поступил в колхоз «Червоный партизан», родилась дочь Ганна.

В 1938 году умерла жена, он женился повторно на дочери Примаченко Пилипа — Евдокии.

Родился сын Владимир 2 января 1939 года. В декабре 1939 года был на Финской войне. Кантужен. После чего демобилизовали. Проходил переподготовку в Курской области вместе с Якубцом Демьяном Дмитровичем.

До войны 1941 года был завербован в Киев на завод Якубцом Александром Дмитриевичем, с ним был также завербован Якубец Иван Дмитриевич.

В начале войны они ушли домой. Потап ушел раньше на один день, а

Ворох Потап

Иван позже. Ивана посадили в тюрьму на полгода, а на Потапа не было приказа.

В армию забрали в 1941 году. Он был болен слухом после контузии на Финской войне, согласно справки за 1942 год. До конца войны был на фронте, пришел домой в 1946 году.

Награжден медалями, звездой второй степени, за победу над Германией.

Жена Евдокия Пилиповна во время войны пекла хлеб в колхоз. После войны Потап держал коз. Умер 14 декабря 2008 года. Сын Володя работал на Донбассе каменщиком в 1957-1959 годах.

Написала внучка Татьяна Владимировна.

Гаркуша Иван Наумович

До войны жил с семьей в Сибири. Перед самой войной приехал в Пакуль в гости к родственникам. Его здесь застала война. Документов у него не было.

Он в сельсовете добавил себе года, отрастил бороду и его не взяли на фронт по возрасту. Во время войны жил в Пакуле. а после – в Семеняговке.

После войны он вызвал свою семью из Сибири. Семья там жила хорошо. они держали овец. В Семеняговку они приехали хорошо одеты, у них была теплая шерстяная одежда, валенки, привезли с собой шерсть, здесь они вязали свитера, носки. Приехали жена, теща, три сына: Миша, Василий, Петр и одна дочь. Так как Пакуль была сожжена, то жить им было негде. Им разрешили жить в Семеняговской цегельне, которую переоборудовали: послали полы, сделали потолки, прорубили окно с видом на озеро, сделали печку, лежанки.

Работал он в колхозе на разных работах. Василий вместе с Якубцом Михаилом Демьяновичем пасли в Липках колхозные стада телят где-то голов 50. А Петр, которого звали Петрусем, был при этом подпасичем.

Старший сын Михаил был не полноценным. Он часто на-

девал на палку вентилятор автомобиля, бегал и кричал «Крутио-мелио», то есть крутится, мелется. За это его и прозвали «Крутио-мелио». На работающий трактор говорил «Трати-оре», то есть трактор орет. Однажды возле стога сена на озере наложил огня и поджег его.

Потом его семья завербовалась и переехала жить в Херсонскую область. Там они начали жить хорошо.

Василий приезжал в гости в Семеняговку, он рассказывал о жизни на юге. И сообщил, что Петруся убила молния во время грозы.

А Иван остался жить здесь. В последние годы он жил в Ковпыте (возде канавы).

Примаченко Николай Омельянович

До войны жил в Примаковке возле Примаченко Пилипа. Перед войной завербовался и уехал на юг. В 1947 году возвратился в Семеняговку. Семья состояла из пяти человек: он, жена Марфа, дети Саша, Дуся и Миша.

Он на Груду возле цегельни построил себе хату-мазанку, которые обычно делали на юге Украины.

Работал в колхозе на разных работах.

Зимой любил ловить рыбу на озере кошами. Делал их несколько штук, во время придухи он ловил много вьюнов. В это время с озера он возил вьюнов санками. Их сушили на более позднее время потребления, вьюнами кормили свиней, сало после этого имело запах вьюнов.

Дети его переехали жить в Чернигов и забрали его.

ТРУДОВЫЕ УСПЕХИ СЕМЕНЯГОВЦЕВ ПОСЛЕ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.

Герой Советского Союза Конюший Есип Андреевич после войны работая в колхозе на разных работах. Одно время он работал завхозом в Семеняговской школе.

Черниченко Николай Никифорович работал долгое время каморником в колхозе.

Дорошок Николай Степанович работал контролёром в мельницах.

Примаченко Григорий Фотийович после демобилизации сначала работал в лесничестве, а потом в колхозе.

Постол Григорий Степанович помагал восстанавливать колхоз Семеняговке, работал председателем колхоза в Пильне, с 1947 года по 1950 год торговал в магазине, который был в его дворе.

Радченко Григорий Петрович работал учителем в Пакульском колхозе, а потом коморником в Семеняговке.

Активно работали и другие участники войны в колхозе.

Нужно отметить трудовые успехи следующих семеняговцев. Дорошок Василий Николаевич.

После окончания учебы работал на различных должностях в Черниговском и Городнянском районах.

Во время войны был в творческих командировках по ознакомлению с новой сельскохозяйственной техникой, участвовал в совещаниях по испытаниях машин в Польше, Германии, Чехословакии, Румынии, Австрии, Франции, награжден орденами и медалями, фотографии которых приводятся ниже.

Дорошок Василий Ефимович. После окончания Остерского техникума работал в Чернигове по строительству различных объектов в качестве бригадира. Награждён орденами и медалями.

Шматко (Невкрас) Галина Андреевна проработала на Черниговском камвольно-суконном комбинате рабочей гребнечесального цеха 32 года.

Имеет различные поощрения за свой труд, фотографии которых приводятся ниже.

Следует отметить выпускников десятых классов, которые окончили школу с медалями.

По Ковпытской школе:

- 1. Дорошок Василий Николаевич серебряная медаль.
- 2. Стародуб Ганна Евдокимовна золотая медаль.
- 3. Черниченко Светлана Ивановна серебряная медаль.

По Пакульской школе:

- 1. Струк Людмила Васильевна серебряная медаль
- 2. Постол Анатолий Иванович серебряная медаль

Сохранились фотографии по Семеняговской школе.

Слева Помазная Надежда Денисовна, справа Бригинец Парасковья Дмитриевна

Учительницы: слева Помазная Надежда, справа Прядко Ефросинья

х. Семеняговка, 1954 г. – 2-4 клас 3 власного архіву Козлової В.Ф. — 246 —

3 власного архіву Токар Т.М.

х. Семеняговка, 1960 р. 3 власного архіву Козлової В.Ф.

Много семеняговцев после войны посли служить в армию. Ниже приводятся их фотографии:

Черниченко Алексей Михайлович

Дорошок Василий Николаевич Белая Церковь

Крижановский Григорий Ефимович

Черниченко Дмитрий Афанасьевич

248

Примаченко Владимир Яковлевич

Заводенко Яков Александрович (слева) (1888-1966), во время службы в царской армии

Примаченко Демьян Наумович

Заводенко Александр Дмитриевич

Мармиль Николай

Моисеенко Петр Павлович

Невкрас Андрей

Мармиль Владимир Степанович

Дорошок Михаил

Примаченко Петр Васильевич

Репич Петр Иванович

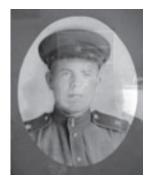
Мойсеенко Григорий Ралкович — 250 —

Мармиль Ефим Сергеевич

Слева Якубец Владимир Александрович и муж его сестры Ольги Шульга Иван

Токарь Владимир Демидович

Особое место среди фотографий занимает молодежь разных лет. Они останутся в памяти семеняговцев молодыми и красивыми.

Слева направо: Черниченко Петро Иванович, Моисеенко Василий Павлович, Черниченко Василий Моисеевич, Моисеенко Петро Павлович, Токарь Константин Семенович

Сдародуб Евдокия Васильевна

Мойсеенко Мария Борисовна

Снитко Екатерина

Стародуб Ганна Евдокимовна

Стародуб Вера Евдокимовна

Дорошок Михаил

Черниченко

Дорошок Валентина Антоновна Евдокия Денисовна -252 -

Дорошок Алексей Ефимович

Слева – Токарь Варя Семеновна

Якубец Василий Демьянович с племянниками брата Миши: слева Витя, в центре – Саша

Слева направо: Заводенко Алёна, Стародуб Евдокия, Репич Галя

Справа Черниченко Екатерина Дмитриевна в центре Черниченко Григорий Иванович

253 —

Слева Мармиль Галя, в центре Шурута Дуся, справа Заводенко Дуся

Слева направо: Крижановский Гриша, Репич Галя, Мойсеенко Григорий Ролкович

Слева направо: Стародуб
Василий Хомич, Стародуб
Виктор Евдокимович, Стародуб
Николай Иванович, сидит —
Якубец Василий Демьянович
Зу Дорошок Василь Николаевич

Слева – Черниченко Ганна Мойсеевна Справа – Дорошок Мария Денисовна

Шурута Домна Андреевна

Якубец Григорий Демьянович

Слева направо: Стародуб Евдокия Артемовна, Царенок Параска Антоновна

Невкрас Галя

Мармиль Галя

Радченко Федор Дмитриевич

Справа – Якубец Ефросинья, справа – Тамара Козлова

Фотодокументы семеняговцев разных лет:

Невкрас Ульяна Кузминична

Слева направо: Дорошок Николай Сапонович, Мармиль Григорий, Черниченко Николай Никифорович

Семья Постола Григория слева направо: Ганна, Мария, Анися, Евдокия, Григорий, Иван

Слева Дорошок Матрена Федоровна с сестрами

Снитко Лисавета

Токарь Семен с женой Галиной **—** 257

Стоят, слева направо: Мармиль Фёдор Осипович, Черниченко Антон Ефимович, Репич Илья. Сидят: слева Токарь Семён, справа Черниченко Моисей

Мойсеенко Ралко с детьми: слева Пётр, справа Дуся

Царенок Иван Терентьевич с детьми: слева Коля, в центре Ефросинья

Слева Черниченко Николай, справа Мойсеенко Афанасий

Примаченко Григорий с дочерью Валей (справа) и внучкой

Ворох Евдокия Пилиповна

Слева направо: Мойсеенко Ходора, Стародуб Валя, Стародуб Мария, Репич Олена

Радченко Евдокия Григорьевна на 60-летии

Постол Гигорий Степанович на 100-летии

Невкрас Андрей с женой Уляной и дочерьми: слева Галя, справа – Валя

— 258 **—**

Стародубы: слева направо: Наталка, Галя, Евдоким, Мария, Меланья

Посредине Черниченко Саша Михайловна с подругами в Курганской обл.

В нижнем ряду слева: Радченко Николай, Стародуб Хома Лукич, справа Мармиль Николай Осипович

Семья Черниченко Надежды Внизу слева направо: Уляна с дочерью, Василий, Надежда, муж Уляны – Степан. Вверху слева направо: Настя, Миша, Гриша

Внизу слева направо: Радченко Мотя Кузьминична, Невкрас Галя, дочка Моти – Ольга, стоят сыновья Миша слева, Гриша справа

Слева Радченко Сафина, справа Токарь Татьяна

Постол Анися с внуками: слева Лариса, справа Света

Слева Токарь Иван Артемович, справа Токарь Павел Назарович

Дорошок Николай Сапонович с женой Екатериной Даниловной

Постол Максим Игнатьевич с женой Ариной

Царенок Мотя

Слева Постол Дмитро Хотинович с женой Мотей, справа Орел Петро Федорович с женой Марией

Стародуб Ходора Дмитриевна

Мармиль Михаил с женой Марией

Семеняговский фермер

Якубец Алексей Владимирович

За последние годы в хуторе Семеняговка появился фермер.

Им стал Якубец Алексей Владимирович. Родился он в 1969 году в семье Якубца Владимира Александровича и Марии Дмитровны.

Окончил восемь классов в Пакульской школе. После чего поступил в лесной техникум в Ленинградской области, который расположен в г. Тосно, в поселке Лисино-Корпус.

После окончания техникума служил в армии, службу

проходил в Германии. После армии работал мастером леса в Ведильском лесничестве до 1997 года.

Это был период, когда колхозы развалились, некому было обрабатывать землю. Стал приобретать старую технику, стал ее ремонтировать и модернизировать.

Так он сделал работоспособный трактор ЮМЗ, комбайн СК-5.

Сам сделал картофелесажалку, картофелекопалку, мельницу, сбивалку картофельного бодылля, косарку для сена, волокушу для соломы.

Изготовил один двухкорпусный плуг, а трехкорпусный переделал, изготовил для себя также мощный сварочный аппарат, культиватор для обработки картофеля, дисковый культиватор, тракторную борону, сеялку для зерна с захватом 3,6 метров.

Придумал и изготовил специальную сетку для обработки картошки после посадки (она тяжелая и копирует все горбки).

По литературе изучил основы пчеловодства. Сразу после армии начал покупать ульи, пчел и вывозить свои ульи трактором

Якубец Ольга за кормлением поросят на поля для сбора меда. Вывозил обычно на расстояние 1,5-3 км, что обеспечивало хорошие взятки меда.

По своим чертежам построил двор. Дом имеет 10 комнат, внутренняя отделка очень красивая, установлены евро двери, на полу ковры, имеет импортный пылесос.

В доме установлена бытовая техника: холодильник, телевизор, компьютер, радиоприемник, стиральная машина. Все импортное.

Подведен газ с итальянским котлом, в доме отопление водяное.

Выполнено водоснабжение по всему двору. Вода поступает из колодца при помощи насосной станции.

Сейчас имеет два трактора, один из них новый МТЗ-82, легковой автомобиль среднего класса.

Под стать ему трудолюбивая жена – Ольга Александровна. На ее плечах: содержание коров, свиней, птицы.

Ежегодно держит 2-3 коровы, откармливает 4-5 свиней на мясо. Сын Владимир учится в Черниговском политехническом университете на факультете автотранспорта.

Якубец Виталий Григорьевич

Якубец Виталий Григорьевич с дочерьми

Его большая заслуга в создании фотоальбома и книжки по Семеняговке. На своей аппаратуре ему пришлось обрабатывать свыше 300 фотографий. Он оформил компьютерный диск для семеняговцев по фотоальбому.

В диске фотоальбома фотографии расположены по фамилиям и семьям. Для

диска на книжку пришлось около двадцати фотографий отдельных лиц делать из общих фотографий.

Все фото на диске для книжки нужно было расположить согласно страниц в книжке.

Без его работы было бы трудно создать фотоальбом и книжку. Большое ему спасибо.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В книге описаны наиболее интересные моменты из жизни, о которых удалось узнать.

Жаль, что только поздно начали собирать материалы. Много утеряно фотографий, ушли из жизни старые люди.

Многое могли бы рассказать участники боевых действий, такие как Шурута Дмитро Иванович, Черниченко Ефим Павлович, Якубец Иван Дмитрович и др.

А если бы начали собирать факты за 20-30 лет до этого, то можно было бы многое узнать о жизни этого благодатного уголка Полесья. Если проследить, куда переехали жить, где жили, где воевали, то, наверное, о семеняговцах найдутся сведения по многим странам мира.

Активно помогали по сбору информации Радченко (Постол) Евдокия Григорьевна, Черниченко Надежда Михайловна, Дорошок Василий Николаевич, Репич Галина и др.

Хотелось бы, чтобы кто-то после нас осуществил аналогичную работу. Будем надеяться, что Семеняговка не исчезнет и будет новая жизнь в хуторе. Завершить повествование о хуторе можно известными словами: «И дым отечества нам сладок и приятен».

Для заметок Для заметок

-268 -

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление
Из истории возникновения
и жизни х. Семеняговка
Семеняговский колорит в названии людей
и их поговорки
Семеняговка с 1930 по 1940 годы
Время оккупации 1941-1943 гг
Хроника потерь семеняговцев на войнах
Липки
Жизнь на хуторе в послевоенный период (1943-1950 г.) 25
Жизнь молодежи
Семеняговские промыслы
Объединение колхозов
Сведения о фамилиях
Черниченки
Якубцы
Стародубы
Дорошки
Мармили
Токари
Мойсеенки
Заводенки
Царенки
Рассказы Семеняговцев о своей жизни
Примаченко Григорий Фотийович
Радченко (Постол) Евдокия Григорьевна185
Снитко Ольга

Репич Галина
Примаченко Евдокия
Невкрас Галина Андреевна
Постол Вера Хотиновна
Птуха (Мармиль) Анна Владимировна
Ярош (Радченко) Ганна Григорьевна
Мармиль Владимир Степанович
Конюша (Деркач) Валентина Ивановна
Заводенко (Примаченко) Мария Васильевна
Сведения об отдельных жителях хутора
Шурута Дмитро Иванович
Царенок Терешко
Примаченко Пилип
Примаченко Федор
Репич Терешко
Конюша Есип
Ворох Потап
Гаркуша Иван
Примаченко Николай
Трудовые успехи семеняговцев
после войны 1941-1945 гг
Семеняговский фермер
Якубец Виталий Григорьевич
Послесловие
1100J100J10DH0

Літературно-художнє видання

якубець В.Д. Наша Семеняговка

Видання друге, доповнене та перероблене Видавець Лозовий В.М. Мова російська

Литературно - художественное издание

Якубец В.Д. Наша Семеняговка

Издание второе, дополненное и переработанное

Авторское редактирование Технический редактор В.М. Лозовой Компьютерная верстка В.М. Лозового На обложке аэрофотосъемка В.М.Полторацкого

Подписано в печать _____2014 г. Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman Cyr. Усл. печ. л. 17,0+0,25 ил. Усл. краск.-отг. 12,5+0,25 ил. Уч.-изд. л. 11,63+0,23 ил. Зак. № 0155. Тираж 100 экз.

Издатель Лозовой В.М.

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела в Государственный реестр издателей, изготовителей и распространителей издательской продукции.

Серия ДК № 3759 от 14 апреля 2010 г.
14005 г. Чернигов, ул. Мстиславская, 56/34

Тел. (0462) 972-661

www.lozovoy-books.cn.ua

Отпечатано ФОП Лозовой В.М. 14027 г.Чернигов, ул. Станиславского, 40